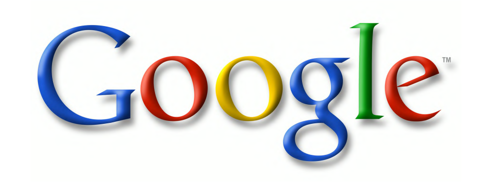
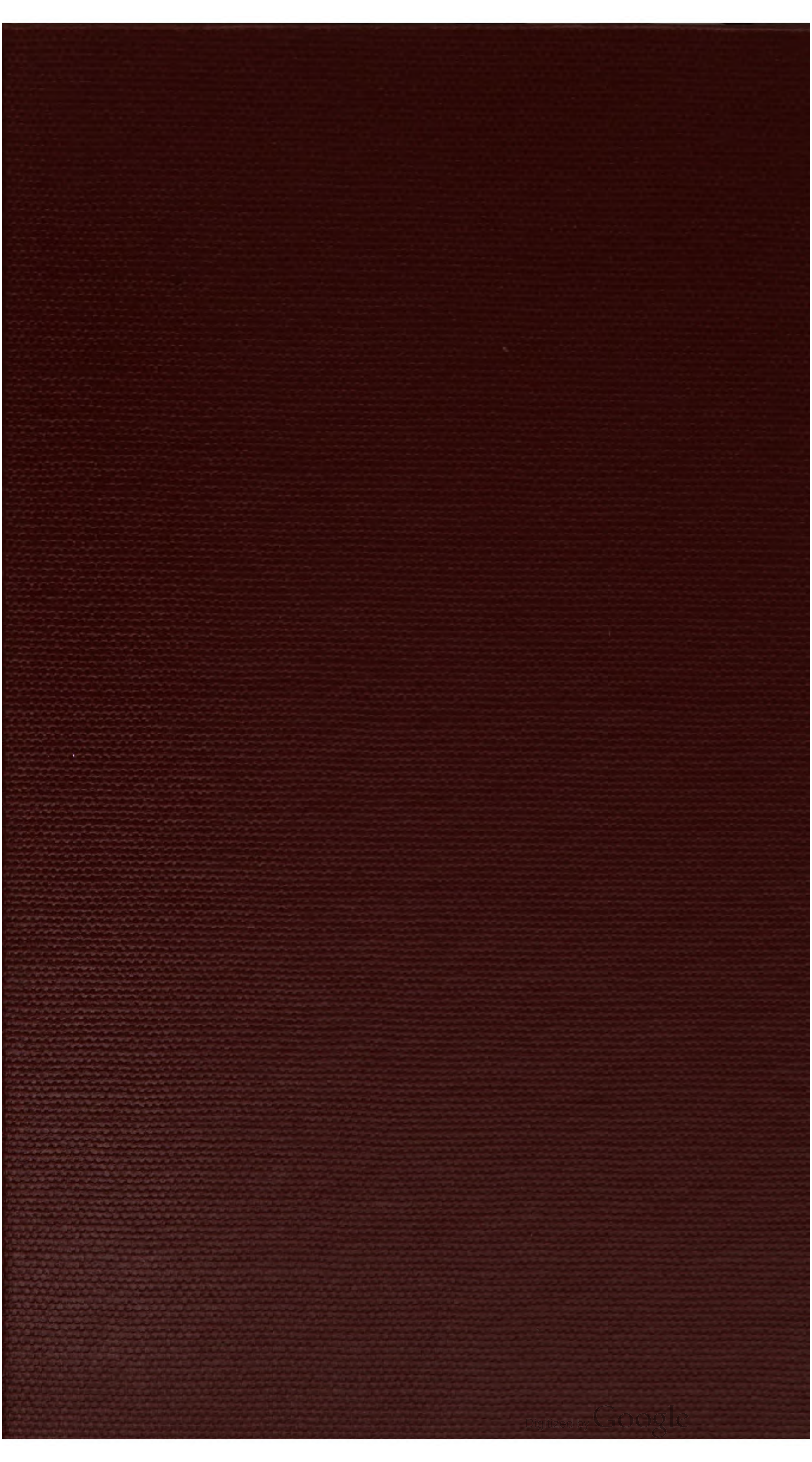
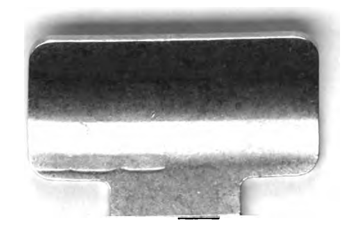

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Shishkov, Aleksandr Semenovich

СОБРАНІЕ

Sochinenii

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ III.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1824.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Мая 12 дня 1817 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Третьей части.

РАЗГОВОРЫ
О
СЛОВЕСНОСТИ
между двумя лицами Азъ и Буки.

РАЗГОВОРЪ I.

О правописанiи.

А. Что нужно знать для правописанiя?

Б. Силу и свойство языка.

А. Какимъ образомъ прiобрѣсть сiе знанiе?

Б. Многимъ чтенiемъ, примѣчанiемъ и размышленiемъ.

А. Не ужли правописанiе требуетъ столь многаго?

Б. Конечно, когда вы не просто по навыку право писать, но разсуждать о томъ хотите.

А. Имѣетъ ли нашъ языкъ достаточныя для правописанiя правила?

Б. Имѣетъ весьма достаточныя и твердыя.

А. Гдѣ онѣ?

Б. Въ церковныхъ книгахъ.

А. Однако нынѣ начинаютъ отступать отъ употребительнаго въ нихъ правописанія.

Б. Знаю, и ни мало не удивляюсь, потому что и отъ самаго языка отступаютъ.

А. Но можетъ быть не безъ основанія сіе дѣлаютъ?

Б. Въ чемъже состоитъ сіе основаніе?

А. Въ томъ, что прежде утверждались болѣе на произношеніи или слухѣ, а нынѣ утверждаются на словопроизводствѣ.

Б. Надобно какъ тому, такъ и другому, послѣдовать съ разсудкомъ; безъ сего оба сіи пути ведутъ насъ къ порчѣ языка.

А. Однако вы согласитесь, что правописаніе есть не иное что, какъ разумѣніе правилъ избѣгать отъ погрѣшностей произношенія.

Б. Такъ, соглашаюсь.

А. Слѣдовательно словопроизводство есть самый надежнѣйшій къ тому путеводитель.

Б. Сіе заключеніе не совсѣмъ справедливо. Свойство языковъ есть таково, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ ни уклоняться отъ правилъ, ни постоянно слѣдовать онымъ. Отсюду происходитъ, что произношеніе и словопроизводство, обѣ необходимыя для языка и правописанія вещи, часто

противурѣчатъ между собою, и въ таковыхъ случаяхъ непремѣнно одна другой уступать должны; ибо хотя разумъ и долженъ вездѣ первенствовать, однако самъ разумъ часто не доволенъ бываетъ, когда ухо оскорблено.

А. По вашему мнѣнію, кто въ правописаніи возметъ за твердое правило слѣдовать произношенію, тотъ будетъ портить языкъ?

Б. Точно такъ.

А. И по вашемужъ мнѣнію, кто изберетъ себѣ твердымъ правиломъ наблюденіе словопроизводства, тотъ также будетъ портить языкъ?

Б. Точно такъ.

А. Да чемужъ послѣдовать и чего держаться?

Б. Языку. Лучше прилѣжнѣе вникать въ него, нежели не вникая поправлять, и тѣмъ самымъ потрясать его свойства.

А. Чѣмъ вы это докажете?

Б. Примѣрами. Положимъ, что вы за непремѣнное правило избрали употребительной выговоръ или произношеніе; въ такомъ случаѣ вмѣсто *ногти*, *что*, *рукавъ*, *корова*, *овца*, вы станете писать *нохти*, *што*, *рукафъ*, *карова*, *афца*.

А. Не сами ли вы защищаете здѣсь словопроизводство?

*

Б. Такъ, защищаю. Оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо. Но естьли вы изберете оное за непремѣнное правило, то вы еще больше испортите языкъ, нежели послѣдуя произношенію.

А. Почему такъ?

Б. Скажите, напримѣръ, какъ вы буквами напишете 30?

А. Тридцать.

Б. А въ Славенскомъ или возвышенномъ слогѣ?

А. Тридесять.

Б. Оба ли сіи слова въ словесности нашей необходимо надобны?

А. Оба, одно для возвышеннаго слова (тридесять сребреникъ), другое для простаго (тридцать копѣекъ).

Б. Чѣмъ слова сіи разнятся одно отъ другаго?

А. Тѣмъ, что одно составлено изъ цѣльныхъ или неповрежденныхъ словъ *три* и *десять*, а въ другомъ послѣднее изъ сихъ словъ, то есть *десять* сокращено въ *дцать*.

Б. Для чего слово сіе такъ испорчено?

А. Для скорѣйшаго и удобнѣйшаго выговора онаго; ибо скорѣе можно произнесть *тридцать*, нежели *тридесять*; и какъ слово сіе въ обыкновенныхъ разговорахъ, съ которыми возвышенность и краснорѣчіе не совмѣстны, часто употребляется; того ради

и сократили оное, то есть выпустили одну гласную букву.

Б. Для чегожъ вы пишете *тридцать*, а не *тритцать*; ибо въ обыкновенномъ выговорѣ сего слова буква *т* легче и удобнѣе произносится предъ *ц* нежели буква *д*?

А. Для того, чтобъ буквою *д* показать корень *десять*, отъ котораго сіе *дцать* произошло.

Б. Подумайтежъ какъ не основательно ваше разсужденіе: вы испортили словопроизводство для произношенія, и потомъ портите произношеніе для словопроизводства! Сверхъ сего ежели вы въ словѣ *тридцать* сохраняете букву *д* для показанія корня, то я, по тойже самой причинѣ, сохраню еще *с*; и такъ одинъ, послѣдуя произношенію будетъ писать *тритцать*, другой для сохраненія словопроизводства *тридцать*, третій для большаго еще сохраненія тогоже *тридсять*, и всѣ будутъ правы, кромѣ одного правописанія.

А. Какомужъ слѣдовать правилу?

Б. Прилѣжному чтенію старинныхъ книгъ, ближайшихъ къ корню языка, и тѣмъ писателямъ, которые, не поправляя онаго тамъ, гдѣ поправлять не должно, писали, послѣдуя чистотѣ произношенія (какъ и Ломоносовъ писалъ) *дватцать*, *тритцать*, *пятнатцать* и проч. Они не гонялись за пустымъ слово-

производствомъ, но тамъ, гдѣ оное необходимо нужно, тщательно его сохраняли; они не отвергали участвованіе слуха въ языкѣ, но тамъ, гдѣ онъ оскорблялся, ему угождали. Сіи мѣлочныя мысли отмѣнить букву ъ *), истребить ѣ, писать не *тритцать* а *тридцать*, не *востокъ*, а *возтокъ;* сіи не основательныя и невѣжественныя мнѣнія: *отдѣлить Славенской языкъ отъ Рускаго* (которой не существуетъ; ибо слогъ или нарѣчіе не есть языкъ), *откинуть половину словъ языка* (дабы забывъ корни оныхъ не разумѣть и другой половины), *писать какъ говоримъ* (то есть не знать различія между краснорѣчивымъ и простонароднымъ, между возвышающимъ душу и употребляемымъ для объя-

*) У нападавшихъ прежде и нападающихъ нынѣ (весьма не многихъ людей) на букву ъ, спросилъ бы я, какую пользу языку принесетъ истребленіе оной? Сдѣлается ли чрезъ то языкъ нашъ чище, глаже, плавнѣе, изобильнѣе, сильнѣе, и проч.? Вся польза, какую только придумать можно, состоитъ въ томъ, что чрезъ исключеніе буквы ъ, при напечатаніи книги страницъ въ 500 величиною, можетъ быть оная одною или двумя страничками будетъ меньше. Итакъ хотя бы и ничего не можно было сказать въ защиту бѣднаго ъ, хотя бы и полагать, что отъ печатанія по всей Россіи книгъ чрезъ изгнаніе онаго сохранится въ годъ двѣ или три дести бумаги; но стоитъ ли для сего отмѣнять обычай многихъ вѣковъ и переучивать читать и писать всю Россію? Мнѣ кажется отъ предлаганія таковой новости меня остановила бы одна сія мысль: не ужъ ли изъ миліона миліоновъ людей, жившихъ въ сіи вѣки и никогда не говорившихъ о безполезности буквы ъ, одинъ я больше всѣхъ ихъ имѣю знанія и разсудка?

сненія ежедневныхъ надобностей языкомъ); таковыя, говорю, и подобныя симъ нелѣпости, не приходили имъ никогда въ голову. Напротивъ того они прилѣжно вникали въ свойство языка, въ знаменованіе каждаго слова, и крайне наблюдали различіе между высокимъ, среднимъ и простымъ слогомъ, которые особо нашему языку такъ свойственны, что каждый изъ нихъ требуетъ не только отличнаго избиранія словъ, но даже часто и правописанія отличнаго. Они знали, гдѣ пристойно сказать *тридесять*, и гдѣ *тритцать*; гдѣ приличенъ выговоръ *седмъ*, и гдѣ *семъ*. Они въ возвышенномъ слогѣ писали: *седмдесятъ быстрыхъ еленей, шестдесятъ тучныхъ кравъ*, и писали въ простомъ слогѣ: *семдесятъ рѣзвыхъ оленей, шесдесятъ жирныхъ коровъ*. Кто не знаетъ, что въ сихъ составныхъ словахъ (семдесятъ и шесдесятъ) первоначальные слоги *сем. шес.* суть сокращенныя числительныя имена *седмъ, шесть?* Для какой малой и безполезной причины хотите вы иногда простое слово произвесть въ высокое, иногда высокое разжаловать въ простое, иногда пожертвовать чистотою произношенія, которое въ языкѣ есть весьма важное обстоятельство! Притомъ же вы и достигнуть до того ни какимъ образомъ не можете, и по неволѣ отъ худаго правила своего от-

ступиться принуждены будете; ибо когда вы не уважая произношенія начнете гоняться за словопроизводствомъ, то повстрѣчаете тысячи словъ, при которыхъ вы должны будете или оставить свое правило, или всѣ оныя переправлять. Возмемъ напримѣръ нѣсколько важныхъ словъ: *возникнуть*, *возглаголать*, и нѣсколько простыхъ: *вскинуть*, *вскочить*. Важность двухъ первыхъ не позволяетъ вамъ сокращать оныхъ; вы не можете сказать *взникнуть*, *взглаголать*, и еще меньше *всникнуть*, *всглаголать*. На противъ того простота двухъ послѣднихъ не позволяетъ вамъ, облекая ихъ въ несвойственную имъ важность, говорить: *взкинуть*, *взкочить*, и еще меньше: *возкинуть*, *возскочить*. Между тѣмъ всѣ сіи четыре глагола (возникнуть, возглаголать, вскинуть, вскочить) сочинены съ однимъ и тѣмъ же предлогомъ *воз*, которой въ двухъ первыхъ сохранился безъ всякаго измѣненія, а изъ двухъ послѣднихъ, въ одномъ потерялъ букву *о* и перемѣнилъ букву *з* въ *с*, а въ другомъ потерялъ обѣ буквы *оз* и остался при одномъ *в*. Время и употребленіе многія неправильности утвердило или лучше сказать узаконило. Мы говоримъ *двѣнатцать*, а не *двανатцать*, хотя послѣднее равно не трудно для произношенія, равно пріятно слуху, ближе къ настоящему слову *дванадесять*,

и притомъ правильнѣе; ибо почему въ первомъ числительное имя *двѣ* стоитъ въ женскомъ родѣ? Также извѣстно, что изъ выраженій *высь око*, *глубь око*, *ширь око*, *близь око*, *даль око*, составились нарѣчія *высоко*, *глубоко*, *широко*, *близко*, *далеко*. Изъ сихъ послѣднія три не мало отступили отъ своего начала. Имена *зѣница*, *граница*, долженствовали бы по словопроизводству писаться *зрѣница*, *храница*; ибо происходятъ отъ *зрѣніе*, *храненіе*, имя *лѣсница* по настоящему должно быть *лѣзница*; ибо имѣетъ начало свое отъ глагола *лѣзу*. *Обоняніе* должно быть *обвоняніе*, поелику составлено изъ предлога *объ* и имени *воня*, но буква *в* выпущена для удобнѣйшаго произношенія. Наконецъ въ языкѣ найдутся множество подобныхъ словъ. Не ужъ ли вы держась правила словопроизводства, всѣ оныя передѣлывать и поправлять станете? Я могу васъ смѣло увѣрить, что вы на первомъ поприщѣ возвратитесь назадъ, или весь языкъ такъ испортите, что онъ самимъ вамъ будетъ невразумителенъ.

А. Да, конечно; всѣхъ словъ передѣлать не можно, однакожъ нѣкоторыя изъ нихъ поправить не худо.

Б. Тогда вы не будете никакому правилу слѣдовать, а только собственному своему произволенію. Въ такомъ случаѣ вы по ва-

шимъ мыслямъ перемѣните одно, я по моимъ другое, третій по своимъ третіе, четвертый четвертое, и такъ далѣе: прекрасный способъ наблюдать правописаніе, то есть писать единообразно!

А. Такова разногласія быть не можетъ, потому что каждый долженъ по доказанной ему причинѣ оставить старое правописаніе и послѣдовать новому.

Б. Хотя бы и всѣ согласились въ томъ, такъ останется разногласіе между старыми и новыми книгами. Но какимъ образомъ изъ безчисленныхъ и неправильныхъ перемѣнъ въ языкѣ найдете вы на всякую изъ нихъ такое доказательство, котораго бы не можно было ничѣмъ оспорить? Во многихъ случаяхъ всякому свое правило будетъ казаться справедливо. Напримѣръ одинъ скажетъ: надобно отъ слова *Шведъ* писать *Шведскій*; а другой скажетъ: нѣтъ, надобно отъ слова *Швеція* писать *Швецкій*. Чѣмъ рѣшите вы споръ ихъ?

А. Однакожъ нѣкоторыя перемѣны очевидно справедливы. Напримѣръ прежде писали *восхитить*, *исторгнуть*, *искоренить*; а нынѣ начали писать *возхитить*, *изторгнуть*, *изкоренить*, и послѣднее по причинѣ поправленія предлоговъ *возъ*, *изъ*, конечно правильнѣе.

Б. Я согласенъ, что между *восхитить* и *возхитить*, мало разности и что въ чтеніи, та или другая буква поставлена, не дѣлаетъ никакова затрудненія. Но для соображенія всей пользы или вреда, могущихъ происходить отъ перваго покушенія, надлежитъ во первыхъ изслѣдовать причины, побудившія къ перемѣнѣ; во вторыхъ сообразить слѣдствія, изъ того проистекшія. Итакъ разсмотримъ и то и другое. Произношеніе во всѣхъ языкахъ есть вещь самоважнѣйшая. Всѣ многообразныя перемѣны, бывающія въ нихъ, по большой части основаны на законѣ *угождать слуху*. Безъ сего не знали бы для чего отъ *летѣть* сдѣлалось *лечу*, а не *лету*; для чего вмѣсто *соиди* говоримъ сокращенно *сойди*, или вставляя букву *н*, *сниди*; для чего намъ лучше кажется *сотру*, нежели *стру*, и напротивъ лучше *стереть*, нежели *сотереть*; для чего пишемъ *размышленіе*. *разглашеніе*, а не *размысленіе*, *разгласеніе*, и такъ далѣе. Во всѣхъ другихъ языкахъ тожъ самое примѣчается; ибо всякому языку то свойственно. Италіянецъ, напримѣръ, *невѣсту* называетъ *sposa*, но когда ему придется сказать *съ невѣстою*, тогда для угожденія слуху, дабы не оскорбить онаго стеченіемъ трехъ согласныхъ, прибавляетъ онъ гласную букву *i*, и въ семъ единомъ случаѣ пишетъ *con isposa*. Но истинна сія такъ ясна и всѣмъ

извѣстна, что не имѣетъ нужды въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. По сей-то самой причинѣ и наши предки въ составленіи языка и правописанія внимали совѣтамъ слуха и не смѣли оскорблять онаго. Они замѣтя, что передъ нѣкоторыми согласными буквами, а именно предъ *к*, *п*, *т*, *х*, *ц*, *ч*, произношеніе лучше любитъ букву *с*, нежели *з*, стали писать: *воскипѣлъ*, *воспою*, *востокъ*, *восхищеніе*, *исцѣляю*, *исчисляю*; а не *возкипѣлъ*, *возпою*, *востокъ*, *возхищеніе*, *изцѣляю*, *изчисляю*; ибо слухъ столькоже чуждается здѣсь буквы *з*, сколько предъ другими согласными буквы *с*, какъ напримѣръ никто не скажетъ: *исбралъ*, *восвелъ*, *исносилъ*, вмѣсто *избралъ*, *возвелъ*, *износилъ*, и пр. Предки наши безсомнѣнія разсуждали въ семъ случаѣ такимъ образомъ: здѣсь (то есть предъ вышеозначенными шестью буквами *к*, *п*, и проч.) для того должно предпочесть произношеніе словопроизводству, что въ семъ состязаніи слуха съ разумомъ, первый изъ оныхъ удовлетворяется безъ всякаго оскорбленія другаго; ибо зная сіе весьма нетрудное правило, кто напримѣръ въ словахъ *воскипѣлъ*, *воспою*, и проч. не почувствуетъ, что они составлены изъ глаголовъ *кипѣть*, *пою*, сложныхъ съ предлогомъ *воз*, измѣняющимъ предъ извѣстными буквами букву *з* въ *с*? На чтожъ безъ всякой для

разума корысти оскорблять слухъ? Я не знаю чѣмъ можно оспорить таковое ихъ разсужденіе. До сихъ поръ говорили мы о причинахъ, теперь скажемъ о слѣдствіяхъ. Нѣкоторые новѣйшіе писатели (то есть гораздо послѣ Ломоносова и современныхъ ему), перемѣня сіе старинное правило, стали вмѣсто *с* писать *з* (возкипѣлъ, возпою и проч.), утверждаясь на причинахъ, которыя предкамъ нашимъ столькожъ, какъ и намъ, извѣстны были, и которыя они, какъ мы выше сего видѣли, съ основательностію опровергали. Сдѣлавъ такимъ образомъ первой шагъ къ отступленію, начали на томъже зыбкомъ и часто на незнаніи языка утвержденномъ основаніи, распространять далѣе свои умствованія. Исчислимъ произшедшія отъ сего перемѣны или новости, изъ которыхъ иныя успѣли уже ввести въ правописаніе, а другія вводить покушаются.

Предки наши замѣчая, что стеченіе буквъ *с* и *т*, (хотя не во всѣхъ, однакоже во многихъ реченіяхъ) производитъ непріятный для слуха выговоръ, и что по большой части буква *с*, предъ буквою *т*, измѣняется въ *ш*, нарочно для сего изобрѣли букву *щ*, дабы оная, сообразуясь съ произношеніемъ сихъ рѣченій, показывала въ нихъ слитность обѣихъ вышеозначенныхъ буквъ. Такимъ образомъ отъ глагола *простить* стали писать

не *проссаю* или *прошсаю*, но *прощаю*; отъ глагола *поститься*, не *поссусь* или *пошсусь*, но *поцусь* и проч. Они не утверждали, что для сохраненія словопроизводства надобно писать *простсаю*, *постсусь*. Мы нынѣ (то есть нѣкоторые изъ насъ) хотимъ опять вводить въ правописаніе тотъ не чистой, худой, противной слуху выговоръ, отъ котораго предки наши съ толикимъ трудомъ и раченіемъ богатый языкъ свой очистили. То есть, мы вмѣсто *извощикъ*, *разнощикъ*, *женщина*, *нещастный*, *оснащенный*, *мѣщанинъ*, хотимъ писать *извозсикъ*, *разноссикъ*, *женссина*, *нессастный*, *оснастсенный* (отъ снасть), *мѣстсанинъ* (отъ мѣсто) и тому подобное. Наконецъ мы вмѣсто *трещитъ*, *пищитъ*, будемъ писать *трессситъ*, *писситъ*, или уже совершенно по крестьянски *тресцитъ*, *писцитъ*, или можетъ быть *трескитъ*, *пискитъ*, утверждая, что въ сихъ словахъ виднѣе словопроизводство отъ *трескъ* и *пискъ*.

А. Да, это правда. Я вижу, что правило сіе далеко насъ завести можетъ. Давъ себѣ волю умствовать такимъ образомъ, не будемъ знать гдѣ остановиться.

Б. Это не называется *умствовать*, а *умничать*.

А. Нѣкоторые почитаютъ букву *щ* за худой въ языкѣ нашемъ звукъ.

Б. Тѣ, которыхъ слабый слухъ, пріучась

къ иностраннымъ языкамъ, не смѣетъ возвышаться до согласнаго громозвучія Славенскаго языка. Я думаю совсѣмъ напротивъ. Мнѣ кажется буквы *ч*, *ш*, *щ*, возвели Славенскую азбуку и языкъ до такой силы и звучности, до которыхъ всѣ новѣйшіе языки, не имѣющіе сихъ буквъ, тщетно покушаются вознестись. Доказательствомъ, что они не имѣютъ ихъ отъ недостатка, а не по тому, чтобъ почитали ихъ излишними, служитъ то, что они чрезъ совокупленіе разныхъ буквъ стараются выразить звуки *ч* и *ш*; но до *щ* ни одинъ изъ нихъ не достигнулъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, Италіянцы подражаютъ съ великимъ несовершенствомъ звуку, заключающемуся въ нашей буквѣ *ч*, своею буквою *c*, (це), которая, смотря по сочетанію ея съ другими буквами, иногда издаетъ гласъ *че* (се), иногда *ке* (*che*). Но дабы лучше увидѣть сіе, сравнимъ нашу азбуку съ иноязычными, мы въ ней почти всѣ ихъ звуки найдемъ, а въ ихъ азбукахъ многихъ нашихъ звуковъ тщетно будемъ искать. Начнемъ съ Французской азбуки: она не имѣетъ буквъ для изображенія слѣдующихъ звуковъ: *ж*, *з*, *к*, *у*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, *я*. Французы букву *ж*, выражаютъ буквою *i*, начертаваемою нѣсколько подлиннѣе обыкновенной, или буквою *g* соотвѣтствующею нашему *г*: пишутъ *іоуеръ*

(jouer) и произносятъ *жуэръ* (играть); пишутъ *венгеанцъ (vengeance)*, и выговариваютъ *ванжансъ* (мщеніе). Букву *з*, выражаютъ они буквою *s*, которая собственно соотвѣтствуетъ нашей буквѣ *с*: пишутъ *absurde* (нелѣпо), *ecraser* (раздавить) и произносятъ индѣ какъ *с*: (абсюрдъ), индѣ какъ *з* (экразеръ). Букву *к* выражаютъ они буквою *c*, которая называется *це*, и слѣдственно по звуку названія своего долженствовала бы соотвѣтствовать нашей *ц*; но она произносится иногда какъ *k*, иногда какъ *c*: пишутъ *цалме (calme)* и произносятъ *кальмъ*, тишина; пишутъ *циме (cime)* и произносятъ *симъ*, вершина. Отсюду происходитъ превеликая разность между звукомъ буквъ, порознь написанныхъ, и звукомъ тѣхъже самыхъ буквъ, вмѣстѣ составленныхъ. Напримѣръ слово *choc* состоитъ изъ буквъ *c*, *h*, *o*, *c*, которыя порознь называются или имѣютъ звукъ *це*, *га*, *о*, *це*: слѣдовательно слову, изъ нихъ составленному, надлежало бы произноситься *цгоц*, но оно произносится *шокъ* (ударъ или толчокъ). Букву *ш* выражаютъ онѣ буквами *ch* (*цг*), которыя однакожъ не всегда издаютъ сей звукъ; ибо въ словахъ напримѣръ *chambre*, *chemin* (горница, дорога) выговариваются какъ *ш*: *шамбръ*, *шемень*; а въ словахъ *chrétien* (христіянинъ), *chronique* (лѣтопись) произносятся какъ *к*: *кретьень*, *кроникъ*.

Буквъ *х*, *ц*, *г*, *щ*, *я*, совсѣмъ не имѣютъ. Разсматривая азбуки другихъ языковъ мы тожъ самое или подобное сему найдемъ. Нѣмецкой языкъ, также какъ и Французской, многихъ нашихъ звуковъ не имѣетъ, а иные замѣняетъ многими буквами, получающими въ составѣ слова такой звукъ, какова онѣ порознь въ себѣ не заключаютъ, какъ напримѣръ: пишется *сцглиммъ*, *(schlimm)*, а выговаривается *шлиммъ* (худо); пишется *стимме* *(stimme)*, а выговаривается *штимме* (голосъ); пишется *ицг* *(ich)*, а выговаривается *ихъ* (я), и проч. Трудность изображенія многихъ нашихъ буквъ доказываютъ тѣ Славенскаго языка нарѣчія (какъ-то Польское, Богемское, Сербское, и проч.), которыя или по неволѣ, или по неблагоразумной волѣ, приняли вмѣсто Славенской Латинско-Нѣмецкую азбуку, и чрезъ то не сообразными съ свойствомъ языка своего письменами исказили оный. Поляки, напримѣръ, чтобъ изобразить букву *щ*, употребляютъ четыре разныя буквы S, Z, C, Z изъ которыхъ ни одна порознь настоящаго звука въ себѣ не содержитъ: дворище *(dworzyszcza)*, щастіе *(szczescie)*, и проч.

Изъ сего краткаго разсмотрѣнія ясно уже видѣть можемъ сколько азбука наша преимуществуетъ предъ азбуками другихъ языковъ: она несравненно изобильнѣе звуками, и притомъ естественнѣе и порядоч-

нѣе; ибо всякая буква, какъ порознь, такъ и вмѣстѣ въ составѣ слова, не остается никогда безгласною, всегда произносится и всегда издаетъ одинакій звукъ. Но мы далеко отступили отъ перемѣнъ, какія въ словесность и правописаніе наше вводить начинаютъ, и такъ возвратимся къ онымъ.

Предки наши замѣчая, что буква ъ предъ *и* выговаривается всегда слитно съ сею послѣднею, то есть, сообщаетъ ей часть своего звука, нарочно, для показанія сего сліянія ихъ, выдумали букву *ы*, которая даже и начертаніемъ своимъ то самое изъявляетъ; ибо составлена изъ ь и палочки представляющей десятиричное *і*. Единственно помощію изобрѣтенія сей буквы могли они согласить писаніе съ произношеніемъ, или лучше сказать самое свойство языка показало имъ сію букву. Такимъ образомъ стали они писать: *отыскать, сыскать, взыграться, взыди, взыскуй* и проч., а не *отъискать, съискать, взъиграться, взъиди, взъискуй*. Какія странныя для глазъ и для слуха слова! Ктожъ бы подумалъ, чтобъ мы сіи толь щасливо отвращенныя въ языкѣ странности, снова принимать въ оной стали, и для чего? Для поправленія языка! въ чемъ же состоитъ сіе поправленіе? Въ томъ, чтобъ въ словѣ, напримѣръ, *взыскать*, чрезъ премѣненіе онаго въ *взъискать*,

показать корень глагола *искать*. Да развѣ правило, или лучше сказать свойство языка, сказующее, что *ъ* съ *и* сливаются, недостаточно къ показанію сего корня? Притомъ и здѣсь такойже случай, о какомъ мы выше сего упоминали, то есть, для чего одну только половину слова поправлять, а другую оставлять безъ поправленія? Ежели глаголъ *искать* приведенъ въ настоящій свой видъ, то и предлогъ *вз* надлежитъ, для той же самой причины, привесть въ настоящій онаго видъ, *воз*, и писать не *взыскать*, или *взъискать*, но *возъискать*. Сихъ поправленій найдется премножество, и всѣ они вмѣстѣ составятъ знаменитую порчу языка.

А. Такимъ образомъ вы пріемлете за непремѣнное правило вездѣ, гдѣ буква *ъ* стоитъ предъ *и*, писать вмѣсто оныхъ *ы*?

Б. Непремѣннаго правила въ языкѣ нѣтъ, и быть не можетъ. Правила дѣлаются на языкъ, а не языкъ располагается по правиламъ. Конечно правильность требуетъ единообразія, однакожъ не тамъ, гдѣ оно свойству языка противно. Положимъ, что вы взяли себѣ за правило вмѣсто *ы* писать вездѣ *ъи*: въ такомъ случаѣ вмѣсто *сыскать*, вы будете писать *съискать*; но спросите своего слуха, какъ онъ велитъ вамъ произносить сіе слово: *сы-скать* или *съ-искать*? Итакъ сіе правило поведетъ васъ въ несвой-

ственное языку произношеніе; ибо вы уже и всѣ другія слова, таковыя, какъ *взысканъ*, *взыду*, и пр., а напослѣдокъ можетъ статься и *быть*, *быкъ*, и проч., станете, послѣдуя оному, писать: *взъисканъ*, *взъиду*, *бъить*, *бъикъ*, и такъ далѣе. Положимъ теперь, что вы вездѣ вмѣсто *ъи* станете писать *ы*; въ такомъ случаѣ вы вмѣсто *предъизвѣщеніе*, *предъидетъ* станете писать *предызвѣщеніе*, *предыдетъ*: но спросите опять своего слуха: онъ вамъ велитъ произносить *предъ-извѣщеніе*, а не *преды-звѣщеніе*; *предъ-идетъ*, а не *преды-детъ*. Итакъ одно и тожъ правило для однихъ словъ хорошо, а для другихъ худо: слѣдовательно самое вѣрнѣйшее правило языкъ и упражненіе въ ономъ. Конечно таковыя подробности въ языкѣ часто бываютъ такъ сомнительны, что не могутъ всегда наблюдаемы быть съ строжайшимъ разборомъ и точностію; но лучше ошибиться иногда въ правописаніи, нежели не разсуждая о свойствахъ языка, все подводить въ немъ подъ одно правило.

А. Однакожъ и правилъ отвергать не должно.

Б. Какъ отвергать? это будетъ другая крайность. Ихъ непремѣнно держаться надлежитъ. Но я уже сказалъ вамъ, что всѣ частныя правила должны покаряться главному, то есть свойству языка. Послѣдо-

вать какому нибудь частному правилу тамъ, гдѣ оно противно свойству языка, есть такая же погрѣшность, какъ нарушать оное тамъ, гдѣ оно съ свойствомъ языка согласно.

А. Нѣкоторые начинають писать *Ригской*, *Калугской*, *Варягское*, вмѣсто *Рижской*, *Калужской*, *Варяжское*: Я думаю сіе также неправильно.

Б. Безсомнѣнія. Буква *г* вездѣ измѣняется въ *ж*. Здѣсь также только тотъ можетъ гоняться за словопроизводствомъ, кто не знаетъ свойствъ языка. Между тѣмъ сіе невѣжество (какъ и всякое) весьма смѣло и плодовито въ погрѣшностяхъ: оно сперва присовѣтуетъ отъ *Рига*, *Калуга*, вмѣсто *Рижскій*, *Калужскій*, писать *Ригскій*, *Калугскій*; потомъ простретъ далѣе свою дерзость, и станетъ умничать: для чегоже отъ *округа*, *пирогъ*, вмѣсто *окружный*, *пирожное*, не писать *округный*, *пирогное*? Продолжая такимъ образомъ давать совѣты свои, оно весь языкъ поворотитъ верхъ-дномъ.

А. Нѣкоторые утверждаютъ, что окончаніе на *ской* не должно ни въ какомъ случаѣ измѣняться, и для того стали писать *Русской*, *Французской*, и проч., вмѣсто *Руской*, *Французкой*, какъ прежде писалось. Справедливо ли вводятъ они сію перемѣну?

Б. Весьма несправедливо. Всякое правило,

какъ я уже неоднократно говорилъ, должно соглашаемо быть со свойствами языка, которыя всегда сообразуются съ удобностію и легкостію произношенія. Общее правило тамъ, гдѣ оно отъ языка встрѣчаетъ себѣ сопротивленіе, перемѣняется въ другое частное, или на тотъ случай исключительное правило. Буква *с*, послѣ буквъ *с*, *з*, *ц*, (по крайней мѣрѣ во многихъ реченіяхъ), дѣлаетъ весьма принужденный, непріятный для слуха выговоръ; и для того въ семъ случаѣ одна изъ двухъ буквъ, издающихъ вмѣстѣ худой или тяжелый звукъ, выпускается, то есть отъемлется или отъ корня слова или отъ окончанія онаго. Такимъ образомъ должно писать, Спаской мостъ (а не *Спасской*), Руской человѣкъ (а не *Русской*), Французская книга (а не *Французская*), Нѣмецкой городъ (а не *Нѣмецской*), Соловецкой монастырь (а не *Соловецской*), молодецкой поступокъ (а не *молодецской*). Весьма бы странно было сказать *отецское* наставленіе, вмѣсто *отецкое* или *отеческое*. Сверхъ сего ежели вы для того пишете *Французской*, *Нѣмецской*, чтобъ сохранить въ цѣлости, какъ коренныя названія *Французъ*, *Нѣмецъ*, такъ и окончаніе *ской*, то уже вы для сохраненія словъ *Италіянецъ*, *Грекъ*, и проч., должны будете писать не *Италіянской*, *Греческой*, но *Италіянецской*, *Грекской*. Итакъ помянутое правило

только въ такихъ случаяхъ наблюдать прилично, гдѣ свойство языка и никакое худое стеченіе буквъ не препятствуютъ слѣдовать оному, напримѣръ: *дѣтской*, *свѣтской*, а не *дѣцкой*, *свѣцкой*, и проч. Однимъ словомъ, надобно больше учиться языку, нежели съ поверхностнымъ знаніемъ поправлять оный; ибо мы напрасно почитаемъ себя умнѣе тѣхъ, которые до насъ писали.

А. Однако и произношенію не всегда слѣдовать можно. Буква *с* предъ *б* и *д* въ простомъ разговорѣ слышится какъ *з*: *зборъ*, *здѣлать*; но кажется писать такимъ образомъ не должно.

Б. Я уже сказалъ, что произношенію столькожъ должно не довѣрять, какъ и словопроизводству; но симъ не отвергается надобность каждое изъ нихъ почитать весьма нужнымъ для языка. Для того надлежитъ прилѣжно вникать въ свойство онаго, дабы въ случаѣ не согласія словопроизводства съ произношеніемъ умѣть послѣдовать тому изъ нихъ, кто больше правъ имѣетъ. Здѣсь конечно произношеніе заводитъ въ погрѣшность, и притомъ мало имѣетъ правъ; ибо между выговоромъ *сборъ* и *зборъ* разность почти не чувствительна. Между тѣмъ слова сіи суть не иное что, какъ сокращеніе словъ *соборъ*, *содѣлать*; а потому и должны удерживать букву *с*, равно какъ и подобныя

имъ: *сбить, сдуть*, и проч. Со всѣмъ тѣмъ однакожъ самымъ простымъ словамъ, таковымъ какъ *збитенщикъ, зборщикъ*, буква *з*, кажется приличнѣе, чѣмъ *с*.

А. Нужна ли въ нашемъ языкѣ буква э?

Б. Врядъ нужна ли. Ломоносовъ полагалъ ее только надобною для иностранныхъ словъ, таковыхъ какъ *эскадра, экземпляръ*, и проч. Въ чистомъ Рускомъ языкѣ нѣтъ никакихъ названiй, въ которыхъ бы она произносилась, выключая трехъ или четырехъ простонародныхъ словъ, таковыхъ какъ *это*, *экой*, *эхъ*. Толь малое число названiй не стоитъ того, чтобъ имѣть для нихъ особливую букву. Для того многiе вмѣсто *это*, *этотъ*, пишутъ *ето, етотъ*, предполагая что всякой Руской знаетъ, какъ произносятся сiи не многiя и простому только слогу приличныя мѣстоименiя. Нынѣ частое употребленiе оныхъ сдѣлало нужнѣе букву *э*. Но лучше бы сiи простонародныя слова писать несогласно съ произношенiемъ, нежели употребленiемъ ихъ въ среднемъ и даже высокомъ слогѣ, портить чистоту языка. Вы не рѣдко въ нынѣшнихъ книгахъ вмѣсто: *по одержанiи толь знаменитой побѣды сей храбрый воинъ*, и проч., найдете: *по одержанiи толь знаменитой побѣды этотъ храбрый воинъ*, и проч. Надлежитъ крайне быть невѣжественну въ языкѣ, дабы не по-

чувствовать нелѣпицы, какую дѣлаетъ здѣсь слово *этотъ* вмѣсто *сей*.

А. Позвольте мнѣ остановить васъ.

Б. Охотно.

А. Вы называете выраженіе *этотъ храбрый воинъ* нелѣпицею?

Б. Да, въ рѣчи, которую я выставилъ.

А. Я докажу вамъ, что оно хорошо.

Б. Посмотримъ вашего доказательства.

А. Я скажу: *по одержаніи толь знаменитой побѣды этотъ храбрый воинъ навострилъ лыжи.*

Б. Да, когда вы рѣчь сію обратите въ насмѣшливую, въ такомъ случаѣ слово *этотъ*, по причинѣ послѣдующей, стольже простой или низкой рѣчи, *навострилъ лыжи*, конечно будетъ приличнѣе, нежели *сей*. Но повѣствуя съ важностію вмѣшивать низкое слово въ средину отборныхъ, и говорить: ,,по одержаніи толь знаменитой побѣды *этотъ* храбрый воинъ предался сладкому послѣ трудовъ отдохновенію,“ есть конечно нелѣпица.

А. Не ужъ ли кто нибудь такъ пишетъ?

Б. Загляните сами во многія нынѣшнія книги, вы найдете въ нихъ тысячи тому примѣровъ. Но какъ мы единственно говоримъ здѣсь о правописаніи, для того и невойдемъ въ дальнѣйшія разсужденія о слогѣ.

А. Не давно появилась еще новая, неизвѣстная доселѣ въ словесности нашей буква *ё* съ двумя точками.

Б. Знаю, и въ тѣхъ книгахъ, которыя мнѣ покупать случалось, почти вездѣ сіи двѣ точки принужденъ я былъ выскабливать.

А. Зачѣмъ выскабливать?

Б. За тѣмъ, что сочинитель часто учитъ меня произносить слово такъ, какъ я произносить оное отнюдь не намѣренъ. Напримѣръ онъ хочетъ, чтобъ я рифмы его читалъ: *принесётся*, *прикоснётся*, а я хочу читать ихъ: *принесется*, *прикоснется*. Весьма несносно таковыхъ учителей видѣть, даже и въ хорошихъ писателяхъ. Когда я, читая книгу нахожу *):

Меркурій, Аполлонъ съ *Царёмъ* Боговъ, Зевесомъ.

или:

Нѣтъ нужды въ баснѣ до тово, и не *моё* то дѣло,

То думаю; зачѣмъ сочинитель насильно принуждаетъ меня здѣсь произносить *Царёмъ?* Для чего отнимаетъ у меня волю выговаривать согласно съ чистотою языка, *Царемъ?* На что приневоливаетъ меня говорить по мужицки *моё?* Кто произнесетъ такимъ образомъ? Никто. Всякой скажетъ, или послѣдуя письменному языку (которому наиболѣе послѣдовать должно) *мое*, или по-

---

*) Впрочемъ сочинитель можетъ быть и невиноватъ; худые издатели часто перепечатываютъ ихъ по своему.

слѣдуя произношенію *маіо*. Почтожъ онъ учитъ меня тому, на что и самъ не согласится?

А. Вы возстаете здѣсь противъ произношенія, за которое вы прежде вступались.

Б. Главное правило, какъ я неоднократно повторялъ, не въ томъ, чтобъ основывать себя на произношеніи, или на словопроизводствѣ, но надлежитъ и то и другое соглашать съ достоинствомъ и свойствами языка. Притомъже великая разница между смягчать въ словѣ нѣкое грубое стеченіе буквъ, и между вводить въ чистоту языка неизвѣстный оному и простонародный звукъ.

А. По чему вы называете его *неизвѣстнымъ* и *простонароднымъ*?

Б. Неизвѣстнымъ (разумѣется въ книжномъ или ученомъ языкѣ) потому, что онаго нигдѣ нѣтъ: ни въ азбукѣ нашей, ни въ священныхъ писаніяхъ, ни въ старинныхъ лѣтописяхъ, ни въ свѣтскихъ книгахъ, лѣтъ за двадцать или за тритцать печатанныхъ. Простонароднымъ потому, что онъ начало свое имѣетъ отъ безграмотныхъ простолюдиновъ, и никогда писателями или учеными людьми не былъ принятъ.

А. Однакожъ всѣ въ разговорахъ употребляютъ оный.

Б. Такъ точно, какъ всѣ говорятъ: *твоіо*, *маіо*, *нохти*, *што*, *лопъ*, *дропъ* (вмѣсто лобъ,

дробь) и проч.; однако никто благоразумный не начнетъ писать такимъ образомъ.

А. Но бываютъ такія сочиненія, въ которыхъ говорящему лицу надобно дать такой языкъ, какой оно въ самомъ дѣлѣ употребляетъ.

Б. Это иное дѣло. Тогда вы не своимъ языкомъ пишете, но передразниваете другаго, подобно тому, какъ иногда нарочно портятъ слова для показанія, какимъ образомъ говоритъ иностранецъ.

А. Нѣтъ, кромѣ передразниванія, буква сія часто нужна бываетъ. Привычка произносить ее въ разговорахъ такъ усилилась, что уже и для письма дѣлается она необходимою.

Б. Жаль, что она и въ разговорномъ языкѣ отчасу больше укореняется; а естьли столько же и въ письменной или ученой языкъ войдетъ, то она всю чистоту и важность онаго поколеблетъ. Ежелибъ воспитаніе наше было такое, чтобъ мы отъ самаго дѣтства своему языку основательно учились, своимъ языкомъ говорили, свои книги читали, тогда бы разговорной языкъ нашъ сталъ возвышаться и чиститься отъ книжнаго, на разумѣ основаннаго; а не книжной упадать и портиться отъ разговорнаго, невѣжественнаго языка. Я думаю съ малѣйшимъ въ словесности знаніемъ не воз-

можно не примѣтить, что звукъ *іо*, которой хотятъ означать нововводимою буквою *ё*, есть самой простонародной, почерпнутый (да простятъ мнѣ сіе выраженіе) изъ дрождей языка. Какія слова больше всего любятъ оный? Самыя низкія, таковыя какъ *іожится*, *іорзать*, *кліокъ*, и тому подобныя. Естьли же мы возмемъ хоть нѣсколько благороднѣйшее сего слово, то кажется какъ будто оно само за себя вступается и уничиженно проситъ насъ: пусть такъ, произносите меня *іоршъ* (напримѣръ), но по крайней мѣрѣ не уклоняйте меня далѣе отъ чистоты языка, не говорите *іорши*, *іорша*, *іоршу*, и пр.; ибо такое нарѣчіе однимъ безграмотнымъ людямъ позволительно. Когда уже *іоршъ* о себѣ проситъ, то какъ же такія слова, какъ *грядетъ*, *блюдетъ*, и тому подобныя, не станутъ громко вопіять, когда начнутъ ихъ превращать въ *грядіотъ*, *блюдіотъ*.

А. Да, кажется что этотъ звукъ, не взирая на употребленіе онаго въ разговорахъ, не весьма приличенъ важности и чистотѣ письменнаго языка.

Б. Ежели вы употребленіе онаго въ книгахъ распространять станете, то наконецъ должны будете, покоряясь закону его, и другія буквы соглашать съ нимъ; ибо онъ по свойству своему требуетъ перемѣны оныхъ. Напримѣръ мы въ обыкновенныхъ

разговорахъ никогда не произносимъ *моіо, твоіо, оріолъ, поліотъ*. Итакъ когда чрезъ отчужденіе отъ чистаго языка слухъ и зрѣніе наше до того испортятся, что мы подобныя слова (мое, твое, орелъ, полетъ) станемъ писать по произношенію, то уже съ перемѣною буквы *е* въ *іо* или *ё*, должны будемъ перемѣнить и букву *о* въ *а*, откуду можетъ быть послѣдуетъ уже и новое склоненіе: *аріолъ*, *аріола*, *паліотъ*, *паліота*, и пр.

А. Какъ можно этому статься! Вы предполагаете совсѣмъ несбыточное и невозможное дѣло.

Б. Почемужъ несбыточное? Худое всегда прилипчиво и плодовито. Оглянемся хоть не много назадъ, мы увидимъ въ какое короткое время безобразный звукъ сей ко вреду словесности распространился: сперва существовалъ онъ въ одномъ произношеніи, и то въ самыхъ простонародныхъ словахъ; потомъ выдумали для него новую букву, и начали оный употреблять въ письмѣ, сперва въ комедіяхъ и басняхъ, а теперь уже онъ поселился въ поэмы и трагедіи. Не справедлива ли Руская пословица: *посади невѣжу за столъ, онъ и ноги на столъ?*

А. Однакожъ въ нѣкоторыхъ словахъ кажется онъ необходимъ: напримѣръ, лучше написать *самъ-сіомъ*, нежели *самъ-семъ*.

Б. Много ли въ языкѣ найдете вы такихъ

словъ, и можете ли употреблять ихъ, не говорю уже въ высокомъ, но даже въ среднемъ и простомъ слогѣ? Въ одномъ низкомъ могутъ они иногда быть нужны, напримѣръ въ самыхъ простонародныхъ пословицахъ, таковыхъ какъ: *временемъ и смiöрдъ барыню берiöтъ*, или: *не старъ не матiöръ, да зубки попритiöръ*, и тому подобныхъ. Какъ же утверждаясь на сихъ самыхъ простонародныхъ словахъ соглашать съ ними весь высокой и благородной языкъ? Должно ли выдумывать для нихъ новую букву, дабы мало упражнявшимся въ чтенiи писателямъ подать поводъ вездѣ оную ставить, и портить чрезъ то чистоту языка? Важному и краснорѣчивому слогу приличенъ такой же и выговоръ словъ: если мы простонародное произношенiе вводить будемъ въ книжной высокой и благородной языкъ, то наконецъ Цари и Герои въ поэмахъ и трагедiяхъ будутъ у насъ говорить, какъ простолюдины на улицахъ. Уже и такъ отчасти сiе совершается. Навыкъ удобенъ заводить насъ въ самыя грубѣйшiя погрѣшности, когда разсудокъ останавливать онаго не станетъ. Уже и такъ въ одахъ и тому подобныхъ сочиненiяхъ читаемъ мы *влечöтъ*, *течöтъ*. Уже. . . .

А. Позвольте перебить васъ. Мнѣ кажется, это должна быть опечатка; потому

что естьли и послѣдовать произношенію, то такова произношенія въ языкѣ не существуетъ: мы въ возвышенномъ слогѣ говоримъ *влечетъ*, *течетъ*; а въ простомъ *влечотъ*, *течотъ*, (хотя и сіе послѣднее высокимъ словамъ и чистотѣ языка не приличествуетъ); но произнести *влечióтъ*, *течióтъ*, и слѣдовательно написать *влечётъ*, *течётъ*, никакъ невозможно.

Б. Вы сами изъ многихъ мѣстъ, находимыхъ въ печатныхъ сочиненіяхъ, удостовѣриться можете, что это не опечатка; но дѣйствительно такъ писать начинаютъ: и сему ни мало не должно удивляться; ибо ежели употребленіе сего звука еще далѣе распространяться будетъ, то напослѣдокъ и въ священныхъ писаніяхъ вмѣсто: *воспоемъ и поемъ силы твои*, станемъ мы читать: *васпаióмъ и паióмъ силы твои*; или вмѣсто: *красéнъ добротою паче сыновъ человѣческихъ*, станемъ говорить: *красióнъ добротою*, и пр.

А. По этому ни въ какомъ случаѣ въ сочиненіяхъ не должно употреблять звука *iо*?

Б. Развѣ въ самомъ простомъ слогѣ, и то какъ можно рѣже. Пусть лучше читатель произноситъ, гдѣ хочетъ, *е* какъ *iо*, нежели писатель будетъ его тому научать. Первое не вредитъ языку, потому что остается токмо въ произношеніи; а другое напротивъ весьма вредитъ, потому что

существуя въ книгахъ будетъ заражать учащуюся юность, и обращаться въ правило. Надлежитъ всегда помнить Лагарповы слова: „ничто такъ не прилипчиво, какъ порча „слога и языка: мы, даже и не думая, все„гда расположены подражать тому, что „всякой день читаемъ и слышимъ *).“ Выдумка, или лучше сказать переносъ сихъ двухъ точекъ съ иностранныхъ буквъ на нашу, и появленіе оной во многихъ нынѣшнихъ книгахъ, доказываетъ ясно справедливость сихъ Лагарповыхъ словъ.

А. Что звукъ сей вреденъ и не долженъ быть терпимъ въ печати и письмѣ, противъ сего спорить не можно, потому что благородство языка и всѣ прежнія книги то доказываютъ; но по крайней мѣрѣ долженъ ли онъ существовать въ произношеніи на театрѣ?

Б. Поелику онъ укоренился уже въ разговорахъ, того ради въ комедіяхъ, какъ такихъ сочиненіяхъ, которыя близки къ разговорному языку, можно его терпѣть, хотя и не вездѣ, смотря по простотѣ и возвышенности разговора; но въ высокихъ сочиненіяхъ, таковыхъ какъ ода, похвальное

*) Rien n'est si naturellement contagieux que les vices du style et du langage, et nous sommes disposés à imiter, sans y penser, ce que nous lisons, et ce que nous entendons tous les jours. (Cours de Litterature, Tome II, page 304).

слово, поэма, трагедія, не надлежитъ ему ни малѣйшаго имѣть мѣста. Онъ въ нихъ тоже, что мужикъ въ лаптяхъ и запачканомъ кафтанѣ, между сіяющими златомъ княжескими лицами. Подумайте, когда мы стихи Ломоносова.

Въ пути, которымъ пролетаешь,
Какъ быстрый въ высотѣ орелъ,
Куда свой взоръ ни обращаешь
По множеству градовъ и селъ,

станемъ читать:

Въ пути, которымъ пролетаешь,
Какъ быстрый въ высотѣ *оріолъ,*
Куда свой взоръ ни обращаешь
По множеству градовъ и *сіолъ!*

Подумайте, ежели мы въ похвальной предъ собраніемъ произносимой рѣчи, вмѣсто: *се великій Петръ покоится во гробѣ*, станемъ говорить: *се великой Підтръ покоится во гробѣ!* Я самъ сіе произношеніе слышалъ, и тогда же подумалъ: вотъ до чего довела привычка къ безразсудному употребленію буквы *іо!* Я знаю, что мы въ разговорахъ говоримъ: *эй Иванъ, Підтръ, подите сюда!* Но прилично ли такимъ образомъ произносить въ важномъ слогѣ? Когда же звукъ сей не терпимъ въ одахъ и похвальныхъ словахъ, то въ трагедіяхъ еще болѣе, потому-что слогъ ихъ возвышеннѣе. Въ самомъ дѣлѣ какой умъ и какое ухо могли бы стерпѣть безъ оскорбленія, естьли бы сіи стихи:

. . . . Падетъ во мглу сей домъ,
Сверкаютъ молнiи, и небо мещетъ громъ!
Бѣги, мой сынъ, сихъ мѣстъ; никто въ нихъ
не спасется;
Бѣги, спасися ты; надъ ними твердь трясется!

Естьли бы, говорю, стихи сiи произнесены были слѣдующимъ образомъ:

. . . . *Падiотъ* во мглу сей домъ,
Сверкаютъ молнiи, и *нiобо мечетъ* громъ!
Бѣги, мой сынъ, сихъ мѣстъ; никто въ нихъ
не *спасiотца*;
Бѣги, спасися ты; надъ ними твердь *тресiотца!*

Между тѣмъ какъ скоро взять за правило, что на театрѣ должно произносить слова точно такимъ образомъ, какъ оныя въ разговорахъ произносятся; то уже мы непремѣнно достигнемъ до того, что станемъ такъ произносить стихи, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ показано: ибо ежели позволено сказать *падiотъ* (вмѣсто *падетъ*), то по той же причинѣ вмѣсто *небо мещетъ* должно говорить *нiобо мечетъ*: (потому что мы въ просторѣчiи не говоримъ *мещетъ*, какъ напримѣръ, не скажемъ *съ неба упалъ*, но *съ нiоба упалъ*, или не скажемъ *рыба мещетъ икру*, но *рыба мечетъ икру*) и проч. Равнымъ образомъ и *спасется*, *трясется*, должно будетъ говорить не *спасiотся*, *трясiотся*, (ибо такой выговоръ есть ни книжной, ни разговорной), но *спасiотца*, *тресiотца*, потому что въ просторѣчiи такъ точно произносится. До чего доведетъ трагедiю нашу сiе

неосновательное и ложное правило, естьли мы не остережемся и далѣе послѣдовать оному будемъ? Какъ согласить съ достоинствомъ лица и съ важностію трагическаго слога, когда мы слышимъ величественнаго князя или вельможу въ великолѣпной одеждѣ простонародно восклицающаго: *падіотъ*, *гредіотъ*, *идіотъ*, *тресіотца*, *косніотца*, и такъ далѣе? Когда Агамемнонъ, или Ахиллъ, или Семирамида, или Клеопатра, перемѣняютъ произношеніе свое по предыдущей рифмѣ: иногда говорятъ *идетъ*, иногда *идіотъ*; въ одномъ мѣстѣ произнесутъ *зарей*, а въ другомъ *заріой*; въ одномъ стихѣ скажутъ *слезы*, а въ другомъ *сліозы*? Можетъ ли такое безобразіе быть терпимо! Французской языкъ въ высотѣ словъ далеко уступаетъ нашему. Тамъ почти всякое выраженіе одинаково. У нихъ мало избранныхъ словъ для высокаго слога, какимъ пишутся поэмы и трагедіи. Однакожъ и они, при всей скудости языка своего въ отборныхъ словахъ, чувствуютъ сію разность, такъ что въ важномъ не могутъ терпѣть простонароднаго: „герой, „царь, (говоритъ Лагарпъ) не объясняется, „какъ простолюдинъ, ниже царица, или ца„ревна, какъ горнишная служанка. . . . Тра„гедія являетъ мнѣ Царей и Героевъ: она „являетъ мнѣ ихъ не въ обыкновенныхъ дѣ„яніяхъ жизни, когда всѣ люди могутъ нѣ-

„которымъ образомъ сходствовать между
„собою; но въ часы избранные, въ положе-
„ніяхъ возбуждающихъ любопытство. Я
„ожидаю естественно услышать языкъ до-
„стойный ихъ сана, сообразный душевнымъ
„ихъ свойствамъ, принаровленный къ ихъ
„заботамъ, страстямъ, опасностямъ, и еже-
„ли ожиданіе мое не будетъ обмануто, я
„обольщаюсь и удовольствіе мое начинает-
„ся. Но естьли я увижу ихъ дѣйствующими
„и говорящими, какъ мой сосѣдъ и мои со-
„сѣдки, которыхъ я оставилъ дома, тогда
„тотчасъ примѣчаю, что желавшій очаро-
„вать меня, не умѣлъ какъ за то приняться,
„и въ одѣяніи Массинисъ и Софонизбъ я
„узнаю мѣщанъ моей улицы *)." Когда Фран-
цузъ, не могущій по причинѣ языка своего
быть къ тому столько чувствителенъ, го-

---

*) Un héros, un roi ne s'exprime pas comme un homme du peuple, ni une reine, une princesse comme une soubrette . . . . la tragedie me montre des rois et des héros: elle me les montre, non pas dans les actions indifférentes de la vie, où tous les hommes peuvent se ressembler à un certain point, mais dans des momens choisis, dans des situations intéressantes. Je m'attends naturellement à entendre un langage digne de leur rang, conforme à leurs caractere, adapté à leurs intérets, à leurs passions, à leurs dangers; et si je ne suis pas frustré dans mon attente, l'illusion s'établit et mon plaisir commence. Mais si je les vois agir et parler comme mon voisin et mes voisines que j'ai laissés à la maison, je vois sur le champ que celui qui a voulu m'en imposer, n'y entend rien, et sous les habits de Massinisse et de Sophonisbe je reconnais les bourgeois de mon quartier. (Cours de litterature, Tome IV page 214).

воритъ сіе; то какъ же мнѣ въ тѣхъ Синавахъ и Труворахъ, которые произносятъ по-мужицки, не узнавать, *мѣщанъ моей улицы* (les bourgeois de mon quartier)? или еще хуже, потому что хотя на улицѣ или въ бесѣдахъ и говорятъ *іо*, но за то уже тамъ не употребляютъ высокихъ словъ: я во весь мой вѣкъ нигдѣ, кромѣ театра, не слыхалъ ни *падіотъ*, ни *грядіотъ*. Между тѣмъ театръ есть училище молодыхъ людей. Тамъ больше всего навыкаютъ они истиннымъ или ложнымъ красотамъ и произношенію, которое есть душа языка и краснорѣчія. Впечатлѣнія, получаемыя на театрѣ, вкрадываются въ разумъ, созидаютъ вкусъ, превращаются въ навыкъ, и молодой человѣкъ остается навсегда такимъ, какимъ сдѣлалъ его театръ, то есть истинно или ложно просвѣщеннымъ. Однимъ словомъ сколько театръ удобенъ къ поправленію или развращенію нравственности, столько же бываетъ онъ полезенъ или вреденъ для языка и словесности. Итакъ долженъ ли театръ, оставляя чистоту языка, согласоваться съ народнымъ произношеніемъ, естественно влекущимъ за собою низость слога? Въ Римѣ, въ Неаполѣ, въ Медіоланѣ, народъ говоритъ весьма различными нарѣчіями, такъ что одни другихъ съ трудомъ разумѣть могутъ; но въ книгахъ и на театрахъ вездѣ чистой Италіянской

языкъ: безъ того Петрарки, Тассы и Аріосты ихъ давно бы уже были забыты.

А. Нѣкоторые думаютъ еще, что надобно также двумя точками отличить букву *г*, дабы произносить оную иногда какъ иностранное *g* (напримѣръ въ словѣ *глазъ*), а иногда какъ *h* (напримѣръ въ словѣ *благость*).

Б. Выдумка эта будетъ стольже худая, какъ *е* съ двумя точками, и принесетъ столько же вреда языку и словесности.

А. Почему такъ?

Б. Потому, что всякой не искусный въ языкѣ писатель сталъ бы портить оный по своему произволенію. Самое благороднѣйшее и наиболѣе свойственное языку нашему произношеніе состоитъ въ выговариваніи буквы *г* какъ иностранное *h*: *Богъ*, *Господь*, *благодать*, *на брегахъ*, *могущество*, и проч. Весьма бы странно было, естьлибъ мы въ высокихъ выраженіяхъ Давида: *Господь крѣпокъ и силенъ*, или: *умастилъ еси главу мою*, или: *яко женихъ исходяй изъ чертога своего*, или: *уста ихъ глаголаша гордыню*, или въ стихахъ Ломоносова: *градовъ ограда*, *возлюбленная тишина*, и проч. — Весьма, говорю, странно было бы и нелѣпо, естьлибъ мы въ подобномъ сему высокомъ языкѣ букву *г* стали произносить какъ иностранное *g*. Между тѣмъ въ простомъ языкѣ мы чаще выговариваемъ ее какъ *g*, нежели какъ *h*: не

рѣдко одно и тоже слово произносимъ двояко: *гора (h)* и *гора (g)*, смотря потому въ высокой или простой рѣчи слово сіе поставлено. Напримѣръ въ Ломоносова стихѣ:

На гору какъ орелъ всходя онъ возносился, должно въ словѣ *на гóру* букву *г* произнести какъ *h*, и удареніе сдѣлать на буквѣ *о;* но въ простой рѣчи, такой напримѣръ, какъ: *подъ гору-то намъ хорошо было идти, каково-то будетъ брести на гору.* Здѣсь въ словѣ *нá гору* буква *г* обыкновенно произносится какъ *g* и удареніе дѣлается на буквѣ *а*, то есть не на самомъ имени, но на предлогѣ. Изъ сего мы видимъ, что высокой слогъ отличается отъ простаго не только выборомъ словъ, но даже удареніемъ и произношеніемъ оныхъ. Смѣшивать сіе было бы не знать свойствъ языка и различія слоговъ. Теперь, когда мы въ буквѣ *г* различимъ сіи два произношенія, подобно какъ начали различать оныя въ буквѣ *е*, ставя надъ ней двѣ точки, то чтоже изъ того выдетъ? Мы видѣли, что не читавшіе ни священныхъ книгъ, ни Ломоносова, ни другихъ подобныхъ ему писателей, и слѣдовательно не иначе языку научившіеся, какъ изъ одниxъ ежемѣсячныхъ или недѣльныхъ сочиненій и простонародныхъ разговоровъ, стали посредствомъ нововыдуманной буквы *ё*, насильно заставлять другихъ вмѣсто *царемъ*, *яремъ*, *грядетъ*, го-

ворить *Царіомъ*, *еріомъ*, *грядіотъ*; а когда еще введутъ въ употребленіе *г* съ двумя точками, тогда они вмѣсто *благополучіе*, *благоденствіе*, *благодѣяніе*, *богамъ*, *глава*, (произноси какъ *h*), станутъ писать *благополучіе*, *благоденствіе*, *благодѣяніе*, *богамъ*, *глава* (произноси какъ *g*). Чтожъ изъ того родится? Знающіе чистоту языка принуждены будутъ выскабливать сіи двѣ точки, а молодые люди, посредствомъ безпрестаннаго повторенія того въ читаемыхъ ими книгахъ, напослѣдокъ такъ привыкнутъ и заразятся, что все высокое и чистое въ языкѣ станутъ называть невѣжествомъ, а все испорченное и низкое наукою вкуса, *Эстетикою*. Повѣрьте мнѣ, что естьли сіи мнимыя поправленія въ языкѣ, сіи безразсудныя выдумки, которыми мѣлкіе умы хотятъ отличаться, состоять будутъ въ произволеніи каждаго, то въ короткое время языкъ и книги наши такъ перепортятся, что ихъ не льзя будетъ читать. Подумайте: ежели одинъ станетъ печатать безъ *ѣ*, другой безъ *ѣ*, третій безъ *щ* (употребляя вездѣ вмѣсто оной *сч*), четвертой безъ *ы* (употребляя вездѣ вмѣсто оныхъ *ѣи*), пятой приставитъ къ буквѣ *е* двѣ точки, шестой тоже сдѣлаетъ съ буквою *г*, седмой скажетъ: мы въ разговорахъ не произносимъ ни *лоди* ни *ладu*, слѣдовательно для отли-

ченія звука между буквами *о* и *а* надлежитъ букву *о* писать съ двумя точками; осмой заспоритъ, что сіи двѣ точки должно ставить на буквѣ *а;* наконецъ девятый и десятый, стольже неосновательно разсуждая, придумаютъ еще что нибудь подобное. Такимъ образомъ всѣ наши книги будутъ иныя съ точками, другія безъ точекъ; иныя съ ерами, другія безъ еровъ; иныя съ ятями, другія безъ ятей; иныя съ буквою *щ*, другія безъ *щ*; иныя съ буквою *ы*, другія безъ *ы*, и такъ далѣе. Скажите пожалуйте, какое будетъ единство между такимъ языкомъ и такими книгами?

А. Да, это правда. Совсѣмъ тѣмъ однакожъ, мнѣ кажется, точное вездѣ наблюденіе правописанія такъ трудно, что почти не льзя ожидать, чтобъ можно было когда нибудь достигнуть совершеннаго въ немъ единообразія. Всегда одинъ будетъ писать *щастіе*, а другой *счастіе;* одинъ *испытаніе*, а другой *изпытаніе*, и такъ далѣе.

Б. Конечно такъ. Впрочемъ подобное разнообразіе можно еще терпѣть; пускай кто не хочетъ писать *пріятель*, пишетъ *приятель*. Нѣкоторыя маловажныя разности не потрясаютъ языка и словесности; но по крайней мѣрѣ не надлежитъ безъ основательнаго разсужденія простирать далѣе свои *затѣи*, уклоняясь отчасу болѣе отъ

общаго пути, нѣсколько вѣковъ существующаго, и который, не смотря на все наше хвастовство въ наукахъ и просвѣщеніи, проложенъ знающими силу языка и не меньшими нашихъ умами. Лучше ихъ читать съ разсужденіемъ, примѣчать коренныя знаменованія словъ, силу и приличія ихъ роду сочиненія и слогу, правописаніе и произношеніе оныхъ, нежели ничего не читая думать, что когда умѣю я разговаривать съ пріятелями и знакомыми, и прочиталъ *бѣгло* нѣсколько своихъ и чужихъ *повременныхъ сочиненій* и *мѣлкихъ стихотвореній*, то уже языкъ узналъ и могу перемѣнять и поправлять въ немъ все что хочу. Сдѣлать ошибку въ написаніи слова, не значитъ ничего; но составить себѣ правило. безъ всякаго умствованія объ основательности онаго, и выводить изъ сего неизслѣдованнаго правила отводящія отъ свойствъ языка слѣдствія, значитъ много. Полезнѣе разсуждать воздерживаясь отъ поправленій, нежели поправлять воздерживаясь отъ разсужденій.

РАЗГОВОРЪ II.

О Рускомъ Стихотвореніи.

А. Кто были основатели стихотворныхъ сочиненій нашихъ?

Б: Кантемиръ, Тредьяковскій и Ломоносовъ.

А. Почему полагаете вы ихъ основателями?

Б. Потому, что до нихъ хотя и были нѣкоторыя сочиненія въ стихахъ, но весьма немногія, и притомъ особаго роду, безъ опредѣленной мѣры, безъ наблюденія одинакаго стопопаденія, и безъ сочетанія мужескихъ и женскихъ рифмъ, какъ напримѣръ слѣдующія:

Взирай съ прилѣжаніемъ тлѣнный человѣче,
Како вѣкъ твой преходитъ и смерть недалече,
Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Ангелъ твой хранитель тебя извѣствуетъ,
Кратность жизни твоей перстомъ показуетъ.
Текутъ времена и лѣта во мгновеніи ока,
Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока,
и проч.

Въ нихъ можно иногда находить хорошія мысли и правила нравоученія, также приличіе и силу словъ, но нѣтъ ни пылкости

воображенія, ни услаждающаго слухъ согласія.

А. Кантемиръ также писалъ особымъ стопосложеніемъ, не наблюдая въ стихахъ той правильности и паденія, какія нынѣ наблюдаются. Притомъже онъ подражалъ Латинскимъ и Француским писателямъ.

Б. Все это правда; однакожъ онъ былъ первой Руской стихотворецъ, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, которые намъ извѣстны. Сочиненія его при всей своей неправильности исполнены ума, остроты и воображенія. Онъ подражалъ Горацію и Буало Деспрею, но имѣлъ собственной свой даръ живо изображать вещи, и даже то, что и отъ нихъ бралъ, умѣлъ облекать въ Рускую одежду. Многіе стихи его суть самыя естественныя черты искусной живописи. Напримѣръ сіе изображеніе старости и дряхлости человѣческой:

Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта *весь видъ человѣка съѣли,*
И на трупъ больше похожъ; *на бороду плюетъ.*
(Сатира V. ст. 645).

Другіе содержатъ въ себѣ поучительную истину, какъ напримѣръ сіи, укоряющіе тѣхъ, которые тщеславятся своими предками:

. . . . Грамота плѣснью и червями
Изгрызена знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель;
Благородными явитъ одна добродѣтель.

(Сатира II, ст. 80).

Иные составляютъ совершенную эпиграмму, какъ напримѣръ сіи противъ женщинъ, намазывающихъ лице свое бѣлилами и румянами:

Настя румяна, бѣла *своими трудами,*
Красота ея въ ларцѣ лежитъ за ключами.

(Сатира III, ст. 265).

И множество сему подобныхъ. Описанія его естественны, и забавны. Воображеніе его плодовито, но безъ всякаго излишества. Что можетъ быть смѣшнѣе сего изображенія влюбленнаго старика:

Другой удаляяся браку, любви въ сѣти
Не умнѣе впутался, завсегда вздыхаетъ,
Ночь цѣлую не спитъ, съ глазъ, съума не спускаетъ
Причину язвы своей, веселъ, скорбенъ сряду;
Зависитъ покой его отъ словца, отъ взгляду;
Сѣдые кудри свои холитъ, вьетъ и мажетъ,
Цвѣтными до пятъ себя тесьмами развяжетъ,
Пѣсни пишетъ и поетъ; сгорбясь танцы водитъ;
Въ дарахъ не одинъ мѣшокъ въ недѣлю исходитъ.
Ирисъ туже сотерымъ любовь сулитъ вѣрну,
Умильно на сотерыхъ зѣницу та черну
Хитро вскинетъ, и крайкомъ устъ пріулыбнется;

Всѣ видятъ обманъ, одинъ онъ какъ мышка гнется
Въ когтяхъ кошки, но себѣ льститъ, собой доволенъ.
(Сатира V, ст. 578).

А. О Кантемирѣ я не спорю. Онъ имѣетъ свои достоинства. Но Тредьяковскій съ Ломоносовымъ не могутъ стоять рядомъ.

Б. Въ искуствѣ и дарѣ стихотворенія такъ; но въ томъ, что они оба способствовали ко введенію въ словесность нашу того рода правильныхъ и мѣрныхъ стиховъ, какой по нынѣ употребляется, раздѣлять ихъ не можно.

А. Какой же родъ стихотворенія принятъ былъ ими?

Б. Одинъ старался намъ растолковать Латинскіе хореи, дактили и анапесты; но не умѣя ученія своего подкрѣпить сильными примѣрами и важными произведеніями, не могъ поселить въ насъ охоты къ подражанію; другой имѣлъ великой даръ, но послѣдуя Нѣмецкимъ стихотворцамъ пріучилъ слухъ нашъ къ однимъ ямбамъ.

А. Они не худо сдѣлали, что научили насъ правильнымъ стихамъ.

Б. Такъ. Но еще бы лучше сдѣлали ежелибъ правильность сію согласили съ силою настоящихъ Рускихъ стиховъ, не уклоняя насъ отъ разума и духа оныхъ.

А. Я васъ не понимаю. Сами вы сказали, что до нихъ не было у насъ стихотворцевъ.

Б. Не было стихотворцевъ, но было стихотворство.

А. Развѣ вы нынѣшнее стихотворство наше почитаете уклонившимся отъ языка своего подражаніемъ иностранному стихотворству?

Б. Безсомнѣнія; не токмо одною мѣрою, но отчасти слогомъ, мыслями, выраженіями и даже словами.

А. Мнѣ кажется у насъ свой слогъ и свои выраженія.

Б. Не совсѣмъ свои. Сколько сближеніе и обращеніе наше съ иностранцами удалило насъ наружностію и внутренностію отъ обычаевъ и нравовъ предковъ нашихъ, таковую же перемѣну чужіе языки и чтеніе книгъ ихъ произвели въ образѣ объясненія или въ нарѣчіи нашемъ.

А. Но было ли когда Руское стихотворство?

Б. Конечно было.

А. Да гдѣжъ оно?

Б. Нѣтъ его въ совокупности, то есть мы не имѣемъ оставшихся отъ древности сочиненій, таковыхъ какъ поэмы, трагедіи, сатиры, басни, и тому подобныхъ, на которыя бы указывать могли; но языкъ нашъ, одинъ, больше нежели всѣ книги, то свидѣ-

тельствуетъ. Вы изъ одного изслѣдованія и разбора понятій, руководствовавшихъ въ составленіи словъ и выраженій онаго, найдете пребогатую для ума и стихотворства пищу и науку.

А. Богатство языка не составляетъ стихотворныхъ сочиненій.

Б. Однако изощряетъ умъ и служитъ великимъ средствомъ къ составленію оныхъ. Доброта вещества много способствуетъ искуству художника. Лаоконовъ истуканъ дышетъ въ мраморѣ лучше, нежели бы дышалъ въ глинѣ.

А. Когда мы хотимъ сдѣлаться стихотворцами или краснорѣчивыми писателями, то кажется непремѣнно должны знанія свои заимствовать изъ нѣкоторыхъ образцовъ или источниковъ.

Б. Главные учители тому природа, умъ и сердце. Безъ нихъ никакіе образцы не научатъ.

А. Однакожъ многіе новѣйшіе писатели сдѣлались великими, чрезъ подражаніе древнимъ. Виргилій учился у Гомера, Тассъ у Виргилія, Расинъ у Софокла и такъ далѣе.

Б. Не уже ли вы думаете, что я отвергаю подражаніе? Отнюдь нѣтъ. Хотя стихотворство называютъ природнымъ дарованіемъ, и хотя оно подлинно есть нѣкій врожденный даръ, однакожъ сей даръ долженъ

быть подкрѣпляемъ науками, чтеніемъ великихъ пѣснопѣвцевъ, и глубокимъ знаніемъ языка. Но надлежитъ слово *подражаніе* принимать въ истинномъ его смыслѣ.

А. Мнѣ кажется оно не имѣетъ двоякаго смысла.

Б. Очень имѣетъ. Обезьяна увидя, что портной кроилъ платье, захотѣла ему подражать, и когда онъ вышелъ вонъ, тогда она взявъ ножницы стала рѣзать, и все то, что онъ скроилъ, изрѣзала въ лоскутки. Писатель безъ достаточныхъ свѣденій точно также испортитъ образецъ или подлинникъ, которому онъ подражаетъ.

А. Какими же средствами должно обогащать умъ свой и обрѣтать вкусъ и знаніе?

Б. Какимъ образомъ пріобрѣтаетъ оныя живописецъ? Всегда ли онъ одну картину списываетъ? Нѣтъ: онъ разсматриваетъ ихъ тысячи древнія и новыя, писанныя великими и малыми художниками. Въ одной учится онъ изображать на лицахъ страсти, въ другой тѣлесныя усилія или напряженія, въ третьей лютость брани, въ четвертой шумное стремленіе бури, въ пятой спокойствіе и тишину природы, и такъ далѣе. Примѣчаетъ иногда въ худыхъ картинахъ нѣкоторыя частныя красоты, иногда въ хорошихъ нѣкоторыя погрѣшности и небреженія. Навыкаетъ изъ сравненія худаго съ

хорошимъ яснѣе и лучше чувствовать цѣну сего послѣдняго. Сличаетъ написанное дерево, цвѣтокъ, животное, съ естественнымъ деревомъ, цвѣткомъ, животнымъ, и такимъ образомъ учится въ природѣ почерпать искуство, и въ искуствѣ украшать природу. Напитавшись, посредствомъ прилѣжнаго упражненія и частаго умствованія, сими знаніями, избираетъ онъ родъ живописи, къ которому наиболѣе чувствуетъ склонности, и тогда, подкрѣпляя еще свои собственныя, отовсюду собранныя имъ свѣденія, образцами превосходныхъ въ семъ родѣ художниковъ, подражаетъ имъ, но такимъ образомъ, что въ подражаніи дѣлается самъ изобрѣтатель и творецъ. Писателю тотъже предлежитъ путь: первый образецъ его природа, вторый языкъ, третій книги.

А. Послѣднимъ изъ сихъ образцемъ мы не весьма богаты. Источники краснорѣчія нашего не отъ давнихъ временъ текутъ. Ломоносова почитаемъ мы первымъ, потомъ не многое число современниковъ его, потомъ также не великое число позднѣйшихъ писателей, пріобрѣтшихъ славу. Вотъ и все наши источники или образцы, изъ которыхъ мы почерпать, или которымъ подражать можемъ.

Б. Источники сіи не такъ малы, и безсомнѣнія удобны напоять умъ нашъ обшир-

ными свѣденіями. Но я не почитаю ихъ единственными. Есть другіе, несравненно ихъ изобильнѣйшіе.

А. Вы конечно разумѣете иностранныхъ писателей: Гомеровъ, Виргиліевъ, Тассовъ, Мильтоновъ, Камоенсовъ, Расиновъ и проч.?

Б. Отнюдь нѣтъ. Иностранные писатели могутъ насъ снабдить мыслями, изострить и увеличить силу нашего воображенія, научить нѣкоторымъ общимъ правиламъ стихотворства и краснорѣчія; но не дадутъ намъ того, чѣмъ все оное облекается въ силу и сладость, то есть словъ и языка. Напротивъ, чрезмѣрное наше къ нимъ прилѣпленіе и углубленіе ума въ ихъ сочиненія отводитъ насъ отъ достаточнаго упражненія въ собственномъ своемъ языкѣ, безъ котораго не можемъ мы здраво разсуждать ни о красотахъ словесности, ни о погрѣшностяхъ.

А. Какіе же другіе источники разумѣете вы?

Б. Главные и надежнѣйшіе. Образцы и примѣры, ведущіе насъ прямо въ хранилище стихотворства и краснорѣчія. Таковыхъ источниковъ суть три: 1е, священныя или духовныя наши книги. 2е, лѣтописи и всѣ подобныя имъ преданія. 3е, народный языкъ. Когда каждый изъ сихъ источниковъ хотя отчасти разсмотримъ мы съ нѣкоторымъ

вниманіемъ, то конечно убѣдимся въ надобности почерпать изъ оныхъ, и въ изобиліи языка и мыслей, какими умъ свой отсюду обогащать можемъ.

А. Священныя наши книги и прочія творенія, кажется мнѣ, потому не могутъ намъ служить образцами, что между ими не находится тѣхъ родовъ сочиненій, какіе мы заимствовали отъ иностранцевъ. Даже въ языкѣ нашемъ и названій онымъ нѣтъ. Мы по неволѣ должны употреблять чужія имена: поэма, трагедія, комедія, опера, ода, сатира, сонетъ, эпиграмма, и проч.

Б. Раздробленія сочиненій на разные роды у насъ конечно до осьмагонадесять вѣка не было, или по крайней мѣрѣ состояло въ весьма не многомъ числѣ: сказка, пѣсня, повѣсть, басня, быль, вотъ все, что мы знали. Но раздѣленіе сочиненій на разные роды не составляетъ существенности оныхъ.

А. Какъ? что вы подъ симъ разумѣете?

Б. То, что вы могли отъ Грековъ, или новѣйшихъ народовъ, заимствовать чуждый намъ родъ сочиненія, напримѣръ трагедію; но сіе заимствованіе состоитъ только въ переняпіи образа, расположенія и правилъ сего сочиненія. Чтожъ принадлежитъ до главнаго существа онаго, то есть до силы и важности слога, того вамъ ни Греческой, ни другой какой языкъ, дать не могутъ;

ибо истина сія несомнительна, что весьма часто рѣчь или выраженіе, на двухъ языкахъ изъ однозначущихъ словъ составленное, на одномъ прекрасно, а на другомъ худо; иначе всякой переводъ былъ бы равенъ съ подлинникомъ. Итакъ, когда вы не научитесь красотамъ собственнаго языка своего, то всѣ перенятые вами роды сочиненій: поэма, трагедія, ода, и проч., будутъ безъ души, безъ достоинства и слѣдовательно по одному только имени и образу своему таковыми. Естьли же вы напередъ въ своемъ языкѣ себя утвердите; когда узнаете обороты онаго, свойство, силу словъ, громкость, нѣжность, замысловатость, простоту рѣченій, тогда только можете быть высоки въ поэмѣ, величавы въ трагедіи, громки въ одѣ, забавны въ комедіи, остроумны въ эпиграммѣ.

А. Но можемъ ли мы все сіе почерпнуть въ старинныхъ нашихъ твореніяхъ?

Б. Вы въ нихъ узнаете языкъ; а сіе знаніе оградитъ васъ отъ всякихъ погрѣшностей, отъ всякихъ разсѣваемыхъ невѣжествомъ нелѣпыхъ толковъ; оно дастъ вамъ чувство или вкусъ, не тотъ ложной, которой основанъ на одной привычкѣ слуха; но тотъ истинный, который утвержденъ на разумѣ и разсудкѣ. Оно будетъ вамъ ключемъ и путеводителемъ ко всякому роду сочиненій.

А. Положимъ, что я могу сдѣлаться чрезъ то хорошимъ писателемъ въ прозѣ; но кто научитъ меня писать стихи? Всѣ наши старинныя творенія писаны прозою.

Б. Въ прозѣ часто попадаются стихотворческія мысли и выраженія; подобно какъ въ стихахъ часто и очень часто бываютъ прозаическія мѣста. Силу стиховъ составляютъ не мѣра и не рифмы, но мысль и разумъ. Когда я читаю слѣдующія выраженія: *отрыгни сердце мое слово благо*, или: *радуйся свѣще неугасимая огня невещественнаго*, или: *младъ бѣ лѣты, но умъ его сѣдинами цвѣтяше*, или: *коснись горамъ и воздымятся*, и тому подобныя, тогда и проза кажется мнѣ стихами.

А. Я чувствую, что сіи выраженія хороши, но желалъ бы, чтобъ посредствомъ истолкованія оныхъ разсудокъ мой еще яснѣе въ томъ убѣжденъ былъ.

Б. Я вамъ каждое изъ нихъ объясню. Выраженіе *отрыгни сердце мое слово благо* потому хорошо, что вы заключающуюся въ немъ мысль никакими другими словами такъ кратко и сильно не выразите.

А. Для чего же нѣтъ? я скажу: *произнеси сердце мое доброе слово.*

Б. Вы вмѣсто сильнаго и важнаго выраженія сдѣлаете слабое и простое.

А. Почему же такъ?

Б. Потому что глаголъ вашъ *произнеси* не сравнится въ семъ случаѣ ни знаменованіемъ ни силою съ глаголомъ *отрыгни*, означающимъ не простое *произношеніе*, но такое, съ которымъ сердце какъ бы часть духа своего изливало. Вы можете глаголъ *произноситъ* во многихъ другихъ случаяхъ употребить, какъ напримѣръ: *земля плоды свои произноситъ*; но *отрыгнуть* вы не можете ни о чемъ другомъ сказать, какъ токмо о *духѣ исходящемъ посредствомъ гортани изъ внутренности нашей*. Мы найдемъ много подобныхъ сему мѣстъ, въ которыхъ глаголъ сей прекрасно употребленъ, какъ напримѣръ: *радуйтеся небеса, и веселися земле, да отрыгнутъ горы веселіе, и холми правду, яко помилова Богъ люди своя, и смиренныя людей своихъ утѣши* (Исаія 49, 13). Ломоносовъ, уподобляя пушку горлу животнаго, прекрасно сказалъ: *гортани мѣдныя рыгаютъ жаръ свирѣлый*. Равнымъ образомъ естьли вы вмѣсто *слово благо*, скажете просто *доброе слово*, то сіе послѣднее выраженіе ваше не сохранитъ ни полнаго смысла, ни важности перваго.

А. Правда. Краткость и сила словъ много дѣлаютъ.

Б. Второе выраженіе: *радуйся свѣще негасимая огня невещественнаго*, заключаетъ въ себѣ также прекрасную мысль. Свѣча го-

рящая предъ образомъ есть подобіе жизни нашей и пылающаго къ Богу усердія. Какими жъ словами въ Богоматерѣ можетъ приличнѣе изображена быть любовь ея къ сыну своему, Спасителю рода человѣческаго, какъ не симъ наименованіемъ оныя: *свѣще неугасимая огня невещественнаго?*

А. Въ этомъ я согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ.

Б. Теперь разсмотримъ выраженіе: *младъ бѣ лѣты, но умъ его сѣдинами цвѣтяше.*

А. Мнѣ кажется въ сихъ словахъ *сѣдинами цвѣтяше*, заключается нѣкое противурѣчіе. Слово *сѣдины* показываетъ старость, а глаголъ *цвѣтетъ* изъявляетъ молодость: какъ же можетъ что нибудь старостію молодѣть, или сѣдинами цвѣсти?

Б. Въ семъ-то самомъ и состоитъ извитіе или украшеніе, что кажущееся противурѣчіемъ не есть противурѣчіе, потому что основаніе мысли справедливо. Чѣмъ старѣе становится человѣкъ, тѣмъ умъ его дѣлается опытнѣе, разсудительнѣе, сильнѣе и тверже: слѣдовательно *цвѣтетъ*. Итакъ, когда противуположеніе, что въ молодомъ человѣкѣ былъ такой умъ, которой свойственною старымъ людямъ мудростію прославлялся, не имѣетъ въ себѣ ничего темнаго и неестественнаго; то и украшеніе онаго симъ извитіемъ или игрою словъ, *сѣ-*

динами цвѣтяше, не отъемля у него ни мало ясности, придаетъ ему много остроумія и пріятности.

А. Да, это справедливо. Извитіе словъ тогда только въ намѣреніи своемъ не успѣваетъ, когда не у мѣста хочетъ блистать, или слишкомъ перехитритъ.

Б. Ломоносовъ и Сумароковъ, перекладывая въ стихи псаломъ, въ которомъ размышляя о величествѣ Божіемъ между прочимъ сказано: *коснись горамъ и воздымятся*, оба не перемѣнили сего выраженія и внесли оное въ стихъ точно таковымъ, какъ оное находится въ прозѣ. У Исаія (гл. 2, ст. 4) сказано: *раскуютъ мечи своя на орала, и копія свои на серпы*. Ломоносова стихи:

Мечи твои и копья вредны
Я въ плуги и въ серпы скую.

Взяты отсюду. Изъ сихъ не многихъ примѣровъ довольно уже явствуетъ, какъ полезны для насъ священныя книги, когда мы со вниманіемъ читать ихъ станемъ.

А. Я согласенъ, что въ нихъ многія выраженія сильны, хороши, богаты мыслями и приличіемъ словъ; но въ краткихъ и отдѣленныхъ рѣченіяхъ не такъ примѣтенъ огонь стихотворства, какъ въ цѣлыхъ описаніяхъ. Не можете ли вы показать нѣсколько такихъ примѣровъ, въ которыхъ бы богатство мыслей и сила языка еще яснѣе были видны?

Б. Таковыхъ примѣровъ множество. Разогнемъ первую книгу, возмемъ какой нибудь Псаломъ, Ирмосъ, мы вездѣ оное примѣтимъ. Напримѣръ: *древле убо проклята бысть земля Авелевою очервленившися кровію, братоубійственною рукою; боготочною же твоею кровію благословися окропленна и взыграющи вопіетъ: отцевъ боже, благословенъ еси.* Во первыхъ, какое прекрасное сравненіе Авелевой, убійство и грѣхъ водворившей смерти, съ Христовою, омывшею насъ отъ грѣхопаденія смертію! Тогда земля наша *проклята бысть*, нынѣ она *благословися окропленна* кровію Спасителя. Во вторыхъ, какая возвышенность выраженій! вмѣсто: отъ Авелевой покраснѣвъ крови, *Авелевою очервленившися кровію*. Вмѣсто: убійственною рукою брата, *братоубійственною рукою*. Вмѣсто: истекающею изъ тебя, Боже, кровію, *боготочною твоею кровію*. Вмѣсто: веселяся взываетъ, *взыграющи вопіетъ*. Таковая способность языка, что мы однѣ и тѣже мысли посредствовъ замѣненія сослововъ и раздѣленія или сложенія словъ, можемъ выражать простѣе или возвышеннѣе, не есть-ли источникъ краснорѣчія и великое въ словесности богатство?

А. Конечно такъ. Лагарпъ, сравнивая Французской языкъ свой съ древними, Гре-

ческимъ и Латинскимъ, находитъ тожъ самое преимущество въ сихъ послѣднихъ.

Б. Возмемъ еще нѣсколько примѣровъ: *егда низшелъ еси къ смерти, животе безсмертный! тогда адъ умертвилъ еси блистаніемъ божества.* Въ немногихъ сихъ словахъ какое богатство мыслей, и какая сила выраженій! Разберемъ съ подробностію: *низшелъ* — глаголъ сей показываетъ непринужденное, добровольное Богочеловѣка Христа подверженіе себя жребію смертныхъ. Ко всякому другому смерть приходитъ, онъ единый *низшелъ къ смерти;* ибо она не смѣла бы къ Нему приступить. И кто же низшелъ къ ней? — *животе безсмертный!* Самъ источникъ жизни, самъ безсмертный животъ! Чтожъ содѣлалъ чрезъ то сей низшедшій къ смерти животе безсмертный? *Адъ умертвилъ!* Каждое слово поражаетъ умъ мой новою силою; раждаетъ во мнѣ новое удивленіе. Адъ, сіе жилище тьмы, сію державу смерти, *умертвилъ!* Но какъ и чѣмъ умертвилъ Онъ его? Крѣпостію ли руки, силою ли власти, или остріемъ стрѣлъ, мечей, копій? Нѣтъ: *блистаніемъ божества!* Какая высокая, чудесная, и купно простая, удобопонятная мысль! Адъ, удаленный на безконечное пространство отъ высотъ небесныхъ; адъ, не освѣщаемый никогда лучами солнца; сей адъ конечно не могъ существо-

вать при появленіи въ него источника свѣта; гдѣ Богъ, тамъ нѣтъ ада; Богу не нужно было для разрушенія его употреблять силу или власть: Онъ появился, и адъ долженъ былъ *умертвиться блистаніемъ божества*. Какая кисть! Какое стихотворство!

А. Да, это правда. Но таковыя сильныя мѣста требуютъ не малаго вниманія и разсужденія.

Б. Безъ вниманія и разсужденія въ словесности столь же мало увидишь, какъ съ зажмуренными глазами въ живописи. Возмемъ еще какой нибудь изъ Псалмовъ, и посмотримъ, какъ описаны въ немъ дѣла Божіи: *благослови душе моя Господа: Господи Боже мой возвеличился еси зѣло, во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси, одѣяйся свѣтомъ яко ризою, простираяй небо яко кожу. Покрываяй водами превыспренняя своя, полагаяй облаки на восхожденіе свое, ходяй на крилу вѣтреню. Творяй Ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный. Основаяй землю на тверди ея, не преклонится въ вѣкъ вѣка. Бездна яко риза одѣяніе ея. На горахъ станутъ воды: отъ запрещенія Твоего побѣгнутъ, отъ гласа грома Твоего убоятся: восходятъ горы и нисходятъ въ мѣсто, еже основалъ еси имъ. Предѣлъ положилъ, его же не прейдутъ, ниже обратятся покрыти землю. Посылаяй источники въ дебрехъ, посредѣ горъ пройдутъ воды.*

(Псал. 103). Разсмотримъ сіи не многія строки и разберемъ смыслъ ихъ и силу. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ сродно взорамъ и воображенію нашему представить Бога, какъ человѣка, въ приличномъ ему облаченіи. Въ какой же одеждѣ онъ намъ является? *Во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси, одѣяйся свѣтомъ яко ризою.* Что такое *исповѣданіе?* всеобщая хвала, слава, поклоненіе. Что такое *велелѣпота?* Велія лѣпота, красота неизрѣченная. Итакъ вотъ какія ризы божескія: не шелкъ, не парча, не бархатъ; но *исповѣданіе, велелѣпота, свѣтъ!* Что же дѣлаетъ Богъ, изображенный въ семъ страшномъ, величественномъ и купно пріятномъ видѣ? *простираетъ небо аки кожу!* Какая преужасная разность между сравниваемыми вещами! Богу стольже легко простерть безпредѣльное небо, какъ человѣку постлать малѣйшую звѣриную кожу. Не ясно ли изображено здѣсь безконечное различіе между Божескимъ и человѣческимъ могуществомъ? *Покрываяй водами превыспренняя своя.* Кто кромѣ Бога можетъ верхъ воздуха покрывать водами въ росѣ, въ туманѣ, въ дождѣ, въ снѣгѣ, въ градѣ къ намъ низпадающими? *Полагаяй облаки на восхожденіе свое, ходяй на крилу вѣтреню.* То есть: облаки ложатся, кладутся въ подножіе Ему, въ ступени, для восхожденія на престолъ, на коемъ возсѣдая

носится, ходитъ Онъ на крыльяхъ вѣтра. Въ толь краткихъ словахъ какое величественное изображеніе! *Творяй Ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный.* Здѣсь *Ангелы* значитъ посылаемые отъ Него исполнители Его повелѣній; подъ словомъ же *духъ* разумѣется вѣтръ, вихрь, буря. Итакъ кого дѣлаетъ Онъ послами своими? кто тѣ, которые повинуются Ему, какъ слуги? Не живыя и одаренныя разумомъ существа, не человѣкъ или животное; но мертвыя и безчувственныя, вихрь и пламень! кого, кромѣ Бога, послушаютъ они? *Основаяй землю на тверди ея, не преклонится въ вѣкъ вѣка.* Утвердилъ землю на чемъ? на собственномъ ея основаніи; велѣлъ ей стоять; она стоитъ и ничто не въ силахъ поколебать ее. Вотъ какъ Богъ вездѣ описанъ Богомъ! *Бездна яко риза одѣяніе ея, на горахъ станутъ воды.* Всякое выраженіе показываетъ всемогущество Божіе: бездна (то есть вода или воздухъ), какъ риза одѣла землю, и воды, самое жидкое вещество, силящееся по свойству своему повсюду разливаться и колыхаться, по единому мановенію Божію станутъ, и гдѣ же? на горахъ! *Отъ запрещенія Твоего* (то есть, отъ угрозъ Твоихъ) *побѣгнутъ, отъ гласа грома Твоего убоятся* — гласъ грома! Какое сильное и смѣлое иносказаніе? Переставимъ только сіи два слова, и вмѣсто

отъ гласа грома Твоего, скажемъ *отъ грома гласа Твоего*, иносказанія больше не будетъ и сила выраженія пропадетъ.

А. Почему же такъ?

Б. Потому что *громъ гласа* не больше значитъ, какъ громкость голоса, всякому гласу больше или меньше свойственная; но *гласъ грома* представляетъ совсѣмъ иное понятіе. Тогда громъ изображается въ видѣ лица вопіющаго или издающаго отъ себя гласъ, и каковъ же долженъ быть гласъ, произносимый гортанью самого грома? Вотъ въ чемъ состоитъ иносказаніе и сила, которую предки наши едва ли не лучше насъ умѣли чувствовать. Жаль, что мы не читаемъ ихъ, и не учимся у нихъ выражать свои мысли. Сія наша гордость или презрѣніе къ нимъ есть дитя невѣжества. Но обратимся къ нашимъ разсужденіямъ. *Восходятъ горы и нисходятъ въ мѣсто, еже основалъ еси имъ: предѣлъ положилъ его же не прейдутъ*. Какое движеніе въ природѣ, и какая послушность Богу отъ самыхъ безчувственныхъ вещей: воды отъ гласа грома его бѣгутъ, боятся; горы возносятся, падаютъ, занимаютъ назначенныя имъ мѣста, и не смѣютъ ни на одну черту выступить за положенный имъ предѣлъ! *Посылаяй источники въ дебрехъ* (какую простой глаголъ сей *посылаетъ* восприемлетъ здѣсь особенность, необычайность:

посылаетъ Ангела, человѣка, есть обыкновенное выраженіе; но *посылаетъ источникъ*, то есть вещь неодушевленную, есть живый, стихотворческій образъ), *посредѣ горъ пройдутъ воды.* Новая сила выраженія: Богъ послалъ воды, и кто поставитъ имъ преграду? Чья рука остановитъ ихъ? горы имъ не воспрепятствуютъ: онѣ сквозь каменную толщу ихъ прорвутся. Какое сильное изображеніе власти Божіей: тѣжъ самыя воды, которыя по гласу Его *станутъ на горахъ*, теперь, по Егожъ повелѣнію *пройдутъ посредѣ горъ!* Естьли таковыя и подобныя симъ красоты недостаточны къ воспламененію воображенія нашего, то уже конечно ничто не воспламенитъ онаго. Замѣтимъ еще и то главное въ нихъ достоинство, что всѣ сіи чудесныя сказанія: *покрываетъ водами воздухъ, ходитъ на крыльяхъ вѣтровъ, повелѣваетъ бурямъ, посылаетъ источники, велитъ горамъ возноситься и падать, ставитъ воды на горахъ*, и пр., всѣ, говорю, сіи чудесныя, удивляющія насъ рѣченія, не есть мечта, вымыслъ, игра воображенія; но всѣ почерпнуты въ явленіяхъ природы, умомъ, разсматривавшимъ оную. Изъ сего разбора нѣсколькихъ токмо строкъ можно посудить, какое неисчерпаемое богатство стихотворныхъ красотъ и мыслей хранится въ Ирмосахъ, въ Псалмахъ, въ Іовѣ, въ пѣсняхъ пѣсней,

и въ другихъ сочиненіяхъ священнаго писанія. Хотя почти всѣ оныя переведены съ Греческаго языка, придерживаясь точнаго расположенія словъ, однакожъ не взирая на то, гибкость и сила Славенскаго языка позволила соблюсти всю высоту и важность подлинниковъ, такъ что сличая наши переводы съ переводами другихъ новѣйшихъ языковъ, находимъ мы въ нашихъ не досязаемое тѣми превосходство. Все вышесказанное мною относится къ одной токмо *Библіи*, но сколько есть другихъ духовныхъ твореній, изъ которыхъ мы силу языка и краснорѣчія почерпать можемъ? Димитрій *сладостный*, Ѳеофанъ *громкій*, Платонъ *благогласный*, сіи великіе наши первосвященники, и многіе другіе; сколько могутъ быть полезны душѣ и разуму, когда мы творенія ихъ со вниманіемъ и размышленіемъ читать будемъ? Покажемъ изъ одного Димитрія Ростовскаго хотя нѣкоторое малое число примѣровъ. Что можетъ быть краснорѣчивѣе сего отвѣта на вопросъ, для чего Богъ создалъ небесныя и земныя твари:

„Богу безначальному и безконечному, „Царю всѣхъ вѣковъ, безсмертному, крѣп„кому, премудрому, въ божественной своей „силѣ и господствѣ совершенному, ниже „коего недостаточества имущему, ни къ со„вершенству своему чего требующему, но

„всему въ себѣ довольну и преславну, не
„надлежаще нужда, ниже кая потреба, еже
„создати видимый сей миръ и невидимый,
„горняя и дольняя, и небесная и земная,
„Ангеловъ и человѣковъ, и всякую тварь;
„но вся та отъ преизобилующія въ немъ
„благости, и премудрости, и силы, создати
„изволилъ есть, являя всемогущую свою си-
„лу, непостижимую благость, сущи пре-
„исполненъ тоя, аки чаша преизливающаяся,
„ся, аки рѣка наводненная, бреги своя пре-
„ходящая, и удолія земли напояющая?"

Или сіе описаніе равносильнаго Богопочитанія въ отцѣ и сынѣ (Авраамѣ и Исаакѣ), изъ которыхъ первый по гласу Божію приготовляется принести въ жертву втораго:

„О новый позоръ, и воистинну Бога до-
„стоинъ! въ немъ же распознати невозмож-
„но, жрецъ ли терпѣливѣйшій, или жертва:
„ниже бо убивающаго, ни убиваемаго разн-
„ствуетъ цвѣтъ, не содрогаются страхомъ
„составы тѣла, не уныло лице, неизмѣнны
„очи, ни единъ отрицается, ни единъ сму-
„щается. Той изсуну мечъ, онъ уготова выю:
„единодушно и единоблагочестно со усерд-
„нымъ терпѣніемъ творяху повелѣнное, блю-
„дуще опасно, да некако богопротивно со-
„дѣется; и еже единъ хотяше, то другій
„изволяше: той дрова, ими же имѣ сожженъ

„быти, носитъ; овъ же олтарь созидаетъ.
„Подъ толикимъ страхомъ естество прево-
„сходящимъ радостни суть, даетъ мѣсто
„любовь яже по плоти, любви яже къ Богу.
„Обою явно благочестіе: стоитъ посредѣ
„мечъ, хотяй безъ пріятія страшному убій-
„ству славу принести, а не грѣхъ. И что
„се есть? сіе мучительство отчее претво-
„рися въ вѣру, и хотѣвшее убійство быти,
„прейде въ таинство! Дѣтоубійца отъиде
„безкровенъ, и вознесенный на жертву живъ
„есть: оба убо славы безсмертныя суть
„образъ, оба истиннаго богопочитанія уди-
„вительное вѣкомъ свидѣтельство."

(Лѣтопись Димитр. Ростов.)

А. Признаюсь, что изъ сего малаго числа показанныхъ вами примѣровъ я начинаю уже ясно видѣть, что священныя наши книги могутъ всякому стихотворцу служить великимъ училищемъ, не взирая на то, что онѣ писаны прозою. О нихъ я не спорю; всѣ народы признаютъ ихъ достоинство; во Франціи Роленъ, и въ другихъ земляхъ многіе ученые мужи писали о неподражаемомъ ихъ витійствѣ, хотя всякъ новѣйшій языкъ меньше нашего удобенъ къ сохраненію высоты и важности оныхъ. Но что принадлежитъ до другихъ старинныхъ нашихъ сочиненій, таковыхъ какъ лѣтописи и тому

подобныя, то я сомнѣваюсь, чтобъ въ нихъ можно было находить богатые образцы витійства и краснорѣчія.

Б. Съ одной стороны вы правы. Конечно мы не найдемъ въ нихъ той высоты и силы, какую находимъ въ Священныхъ писаніяхъ. Языкъ или слогъ ихъ гораздо простѣе. Но сіе-то самое и можетъ служить къ великой пользѣ нынѣшней нашей словесности.

А. Какимъ образомъ?

Б. Такимъ, что изъ сихъ двухъ источниковъ одинъ нуженъ намъ для избиранія словъ и украшеній высокимъ твореніямъ приличныхъ, другой для обыкновенныхъ рѣчей и выраженій простому слогу свойственныхъ; ибо какъ высокія сочиненія не могутъ изобиловать простонародными, а простыя высокими словами и выраженіями, то въ сихъ старинныхъ писаніяхъ находимъ мы много такихъ словъ и рѣченій, какихъ въ священныхъ книгахъ находить не можемъ, потому что оныя съ важностію и высотою слога ихъ несовмѣстны. Сверхъ сего читая сіи простыя сочиненія скорѣе можемъ мы примѣтить нѣкоторыя корни употребляемыхъ нами вѣтвей; ибо чѣмъ языкъ простонароднѣе, тѣмъ онъ старѣе и ближе къ своему началу, или первобытному составу словъ.

А. Отъ чего же такъ?

Б. Отъ того, что хотя времена и об-

стоятельства всякой языкъ или нарѣчіе подвергаютъ нѣкоторому измѣненію, однакожъ простонародной языкъ сохраняетъ долѣе первобытность свою, потому что меньше имѣетъ надобности въ раздробленіи своихъ мыслей, и для того меньше обширенъ, меньше богатъ. Обыкновенно говорятъ имъ простые, безграмотные люди, которые не выдумываютъ, какъ бы вмѣстѣ угождать разуму и слуху, какъ бы всякую рѣчь сказать лучше, короче, сильнѣе, и проч. Напротивъ того ученый языкъ для пріобрѣтенія важности требуетъ всегда нѣкотораго отличія отъ простонароднаго. Онъ иногда сокращаетъ, иногда совокупляетъ, иногда измѣняетъ, иногда выбираетъ слово. Сокращаетъ, когда вмѣсто *порохъ*, *ворогъ*, *корова*, *хоромы*, *молоко*, *соловей*, *воробей*, *вѣтеръ*, *воронъ*, говоритъ: *прахъ*, *врагъ*, *крава*, *храмъ*, *млеко*, *славій*, *врабій*, *вѣтръ*, *вранъ*, и проч. Совокупляетъ, когда вмѣсто *достоинъ похвалы*, *великъ лѣпотою*, *благіе дни*, *пѣніе пѣсенъ*, говоритъ: *достохвальный*, *великолѣпный*, *благоденствіе*, *пѣснопѣніе*, и проч. Измѣняетъ, когда вмѣсто *войди*, *сойди*, *олень*, *змѣя*, говоритъ: *вниди*, *сниди*, *елень*, *змій*, и проч., выбираетъ, когда вмѣсто *глазъ*, *лобъ*, *щоки*, *плечо*, *платье*, *лахмотье*, говоритъ: *око*, *чело*, *ланиты*, *рамо*, *одежда*, *вретище*, и проч.

А. Почему же въ простонародныхъ именахъ и глаголахъ скорѣе примѣтить можно корень или первобытный составъ ихъ?

Б. Потому что всякое сокращенное или измѣненное слово моложе первобытнаго и далѣе отъ своего начала. Напримѣръ въ словѣ *власть* мы никакъ не можемъ видѣть корня онаго, то есть первоначальной заключающейся въ немъ мысли. Въ неопредѣленномъ глаголѣ *владѣть* также оный не примѣтенъ. Но въ другихъ тогожъ глагола измѣненіяхъ *владѣю, владѣешъ, владѣетъ,* начинаетъ открываться, что слово сіе есть сложное; ибо мы имѣемъ глаголы *дѣю* (т. е. дѣлаю), *дѣешъ, дѣетъ.* Итакъ остается только узнать, отъ какова слова происходитъ другая половина его *вла.* Сіе покажетъ намъ простой старинной языкъ, какимъ писаны Несторова лѣтопись и другія подобныя тому книги. Тамъ найдемъ мы вездѣ не *Владимиръ,* не *владѣетъ,* но *Володимиръ, володѣетъ.* Слѣдовательно ясно видѣть можемъ, что первый слогъ *вла* есть не иное что, какъ сокращеніе прежняго *воло,* означающаго *волю.* Итакъ *володѣетъ* есть *волю дѣетъ,* то есть волю свою дѣлаетъ, по волѣ своей поступаетъ, воля его законъ другимъ: вотъ корень или первоначальная мысль, заключающаяся посредствомъ совокупленія двухъ вышеозначенныхъ словъ *воля* и *дѣетъ* въ гла-

голѣ *володѣетъ*, сокращенномъ потомъ во *владѣетъ*, и пустившемъ отъ себя многія другія отрасли, таковыя какъ *власть*, *волость*, *властелинъ*, *владыка*, и проч. Въ названіи *думный дьякъ* корень имени *дьякъ* также затмѣвается; но въ старинныхъ книгахъ находимъ мы, что слово сіе писалось *дѣякъ*, откуду видѣть можемъ, что оное происходитъ отъ глагола *дѣять*, и потому справедливо означаетъ дѣльца, т. е. дѣловаго или государственнаго человѣка, которой дѣла вершитъ или дѣлаетъ.

А. Изъ сихъ разсужденій вашихъ слѣдуетъ заключить, что изъ духовныхъ книгъ должны мы учиться высокому, а изъ свѣтскихъ преданій простому слогу.

Б. Конечно такъ. Но не подумайте, чтобъ простота не имѣла своей высоты. Краснорѣчіе можетъ быть двоякаго роду: одно плѣняетъ насъ украшеннымъ и цвѣтущимъ слогомъ, а другое поражаетъ умъ нашъ и чувства силою простоты и правды. Святославъ воинамъ своимъ, убоявшимся великаго числа Грековъ сказалъ: *не посрамимъ Рускія земли, но ляжемъ костьми туто: мертвыя бо не имутъ срама.* Сіе простое выраженіе: *мертвыя бо не имутъ срама*, есть живое, пламенное чувствованіе твердой, великой души; оно не могло иначе родиться, какъ токмо въ головѣ человѣка, дышущаго

честолюбіемъ и славою: слѣдовательно сильнѣе всякаго краснорѣчія долженствовало воспламенить сердца воиновъ. Мы можемъ также въ сихъ старинныхъ сочиненіяхъ, каковы суть лѣтописи наши, древняя Вивліоѳика, правда Руская, Владимирова духовная, слово о полку Игоревомъ, и проч., находить многія смѣлыя мысли и выраженія, которымъ съ осторожностію и разсудкомъ подражать весьма не худо. Древніе писатели наши когда хотѣли изобразить что нибудь сильное, напримѣръ великаго подвижника или богатыря, сражающагося на ратномъ полѣ и наносящаго страшные врагамъ своимъ удары, то выбирали и слова такія, которыя бы показывали необычайную его силу: *Царь же Романъ летяше сосѣщая и гоня, и копейными прободеньми просыпая врагомъ чрева.* (Никон. лѣтоп. стр. 185). Здѣсь вмѣсто *исторгая*, сказано *просыпая чрева.* Какое смѣлое выраженіе! Извитіе сіе въ наукѣ краснорѣчія называется иноименіемъ, то есть употребленіемъ одного имени вмѣсто другаго. Естьли бы таковая замѣна сдѣлана была безъ всякаго намѣренія и размышленія, или бы иносказательное слово, поставленное на мѣсто прямаго, служило только къ уменьшенію ясности и важности смысла, тогда бы можно было назвать сіе небреженіемъ слога, погрѣшностію. Но здѣсь

писатель выбиралъ слово. Ему не трудно было поставить *исторгая чрева*; но тогда было бы это одно простое представленіе дѣйствія, безъ всякаго искуства и живописи. Для того, воображая подвижника сего летающимъ какъ молнія, и представляя ударъ руки его толь сильнымъ, что отъ него великое число вражескихъ утробъ не токмо прободаются, но расторженныя на многія части, валятся, сыплются какъ песокъ; для того, говорю, и сказалъ онъ не прямое и безсильное *исторгая*, но иносказательное и многозначущее слово, *просыпая врагомъ чрева*. Въ той же лѣтописѣ и на той же страницѣ сдѣлано слѣдующее подобіе: *яко же нѣкій левъ, приложився страшливому скоту, провалитъ ребра его ногтьми.* Здѣсь выраженіе *провалитъ ребра* есть также необыкновенное. Оно показываетъ чрезвычайную силу льва. Всякое другое слово *проломитъ*, *прободетъ*, *проторгнетъ*, не дастъ такова понятія о силѣ львиной лапы, и величинѣ учиненной ею раны, какое даетъ глаголъ *провалитъ*. Оба сіи выраженія: *просыпая врагомъ чрева* и *провалитъ ребра*, суть столь же смѣлы, и таковажъ точно рода, какъ Ломоносова *раздираетъ горы* *), и Кор-

---

*) Отъ странъ родящихъ градъ и снѣги,
Съ Атлантской буря высоты

неліево *devorer un regne* *). Таковыя и подобныя симъ замѣчанія въ старинныхъ нашихъ книгахъ могутъ намъ быть весьма полезны: онѣ утвердятъ умъ нашъ, изострятъ воображеніе, покажутъ красоты, научатъ выбору словъ, силѣ выраженій, и снабдятъ всѣмъ что надобно для подкрѣпленія природнаго дарованія нашего силою языка и

Стремится чрезъ бугристы бреги,
Являя страшные слѣды:
Съ дубами камни похищаетъ
И горы двигнувъ раздираетъ.
(Ода 15).

Раздираетъ горы! Какая сила выраженія! Дѣйствіе описуемое глаголомъ *раздирать* обыкновенно совершается надъ слабою вещію, таковою какъ бумага, платье, и проч. Но когда мы тотъ же глаголъ употребимъ говоря о горѣ, то чрезъ сіе раждается въ умѣ нашемъ чрезвычайное понятіе о силѣ бури, которая то дѣлаетъ съ горою, что дѣлается съ бумагою, или подобною тому слабою вещію.

*) Лагарпъ (Lycée Tome I, page 105) говоритъ: le sublime de l'expression s'offre encore dans une de ces productions du grand Corneille, où il n'est grand que dans un seul endroit: je veux dire *Othon*. Il est question de trois ministres pervers, qui se disputaient les dépouilles de l'empire Romain, sous le regne passager du vieux Galba.

On les voyait tous trois s'empresser sous un maître,
Qui, chargé d'un long âge, a peu de tems à l'être,
Et tous trois à l'envi s'empresser ardemment
A qui devorerait ce regne d'un moment.

Devorer un regne! (пожрать царство) quelle effrayant énergie d'expression! et cependant elle est claire, juste et naturelle: c'est le sublime. Мы тожъ самое сказать можемъ о нашихъ выраженіяхъ *просыпал чрева, провалитъ ребра и раздираетъ горы.*

краснорѣчія, почерпнутою изъ собственныхъ нашихъ источниковъ.

А. Вы полагаете еще третій источникъ, а имянно простонародный нашъ языкъ, т. е. сказки и пѣсни; но мнѣ кажется оныя не иное что суть, какъ изустныя простыхъ людей преданія, весьма немногія, и притомъ не содержащія въ себѣ ни ума ни краснорѣчія.

Б. Такъ, когда мы ихъ всѣ вообще возмемъ безъ разбора. Но должно себѣ представить, что онѣ дошли до насъ уже перепорченныя, съ прибавками, съ перемѣнами, такъ что можетъ быть и тѣни прежняго вида въ нихъ не осталось.

А. Откудужъ заключу я, что прежній видъ ихъ былъ превосходный?

Б. Изъ нѣкотораго слабаго свѣта: недостаточнаго для яснаго пораженія взоровъ нашихъ, но достаточнаго для проницанія. Изъ нѣкоторыхъ оставшихся еще въ нихъ мыслей. Напримѣръ, вы услышите въ сказкѣ инословное описаніе о подвигахъ древняго рыцаря: какъ онъ поѣхалъ, или паче полѣтелъ на конѣ своемъ за тридевять земель въ тридесятое государство, избавлять какую нибудь стрегомую волшебницею красавицу, дочь царскую, которая заключена въ необитаемыхъ никѣмъ хрустальныхъ чертогахъ, устроенныхъ такимъ образомъ, что

при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи всѣ тайно проведенныя отъ нихъ къ окрестностямъ золотыя и серебряныя струны внезапно потрясутся и произведутъ громкой звонъ, отъ котораго всѣ спящія различныхъ видовъ чудовища проснутся и кинутся растерзать дерзкаго смертнаго, осмѣлившагося приближиться къ сему хранимому ими святилищу. Рыцарь сражается съ ними, побиваетъ ихъ, и входитъ во внутренность чертоговъ. Какая красота представляется взорамъ его? Такая, у которой тѣло толь необычайной бѣлизны и нѣжности, что видно, *какъ изъ косточки въ косточку можжечокъ переливается.* Не показываетъ ли одно сіе выраженіе, съ какою тонкостію древніе наши писатели умѣли представлять себѣ красоту женскую? Не для того ли обременили они рыцаря своего столькими препятствіями, столькими опасностями и подвигами, дабы послѣ тяжкихъ трудовъ увеличить пріятность его полученіемъ толь чрезвычайныхъ прелестей? Какъ же отрицать въ нихъ даръ воображенія, даръ вымысла, даръ стихотворства?

А. Да, это правда.

Б. Въ другой сказкѣ услышите вы, что представляя себѣ въ какомъ нибудь земномъ существѣ нѣкое небесное изображеніе, стихотворецъ говоритъ: *на груди у него красное*

солнце, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, въ затылкѣ частыя звѣзды. Какое огромное величество дано сему существу! Не показывается ли здѣсь больше нежели Гомерово исполинское воображеніе? Перейдите отъ сего поразительнаго мечтанія къ той удивительной нѣжности, которую вы въ приведенномъ недавно примѣрѣ видѣли, отъ сего священно-ужаснаго призрака *съ солнцемъ на груди, мѣсяцомъ во лбу и звѣздами въ затылкѣ*, къ той красавицѣ у которой видно, *какъ изъ косточки въ косточку можжечокъ переливается*, не почувствуете ли вы безмѣрнаго разстоянія отъ одной мысли до другой? Какъ же въ сказкахъ сихъ не примѣтить древнихъ слѣдовъ ума и стихотворенія?

А. Мысль ваша справедлива. Однакожъ сихъ слѣдовъ не такъ много, чтобъ подать намъ достаточное о томъ понятіе. Двухъ или трехъ хорошихъ мыслей недовольно для напоенія себя умомъ и духомъ того времени. Въ остальномъ, кажется мнѣ, очень мало добраго.

Б. Ежели вы въ сказкахъ и пѣсняхъ нашихъ, не смотря на цѣлое, станете вникать въ части, то есть разбирать нѣкоторыя мысли и выраженія, то увидите, что изъ нихъ не такъ мало хорошихъ, какъ вы думаете.

А. Можетъ быть; но примѣняясь къ нынѣшнему слогу нашему, признаюсь, что я не нахожу въ нихъ великой пріятности.

Б. Вы потому такъ думаете, что пріучились, какъ и всѣ мы, къ чтенію переводныхъ съ иностранныхъ языковъ писаній, и никогда на коренное Руское не обращали своего вниманія.

А. Вы меня уничижаете, полагая во мнѣ такъ мало знанія въ словесности, что я хорошаго отъ худаго отличить не умѣю.

Б. Отнюдь нѣтъ: я отдаю всякую справедливость вашему просвѣщенію. Но вы обманываетесь ежели думаете, что привычка не имѣетъ надъ умомъ никакой власти. Повѣрьте мнѣ, что естьли изъ двухъ равнаго достоинства вещей, на одну станемъ мы всегда устремлять вниманіе наше, а на другую никогда, или очень рѣдко, то первая будетъ намъ казаться лучше, нежели она въ самомъ дѣлѣ есть; а другая напротивъ хуже. Умъ нашъ непремѣнно преклонится на сторону той, о которой мы больше думаемъ.

А. Я согласенъ, что отъ привычки раждается пристрастіе, но во всѣхъ другихъ вещахъ, кромѣ наукъ и словесности, въ которыхъ судія бываетъ разумъ, а не навыкъ.

Б. Въ словесности навыкъ столько же имѣетъ силы, какъ и въ другихъ вещахъ:

напримѣръ ежелибъ вы читая какіе нибудь любовные стихи или письмо, нашли въ немъ выраженіе: *предметъ нѣжности моей*, произвело ли бы оно въ васъ какое удивленіе?

А. Я не вижу, чему тутъ удивляться.

Б. А ежели бы въ томъ же самомъ письмѣ нашли вы: *пустила сухоту по моему животу?*

А. Да: это было бы смѣшно.

Б. Намъ теперь смѣшно, а когда писали симъ слогомъ, тогда смѣшно было выраженіе: *предметъ нѣжности моей*, и чей смѣхъ справедливѣе, разумъ этова не докажетъ. Навыкъ одинъ виновникъ тому и судія. Онъ часто, при всѣмъ своемъ невѣжествѣ, одерживаетъ верхъ надъ разумомъ. Мы нынѣ говоримъ: *я плѣнился тобою*, а въ старину говаривали: *я уязвился тобою*. Навыкъ не взирая на странность мысли: *взять самого себя въ плѣнъ*, пріучилъ насъ къ первому выраженію; а разумъ находитъ во второмъ выраженіи мысль лучше и чище. Я привелъ въ примѣръ здѣсь только два рѣченія, но ихъ можно найти множество: отсюду видно, что многое въ новомъ языкѣ или слогѣ нравится намъ по навыку, и обратно: многое въ старомъ языкѣ кажется намъ дико потому только, что мы, чрезъ привычку къ другому, отъ того уже отвыкли.

А. Да чтожъ въ такомъ случаѣ дѣлать?

Б. Остерегаться отъ внушеній навыка, и не давать ему воли заступать мѣсто разума. Читая старинныя сочиненія должно смотрѣть на справедливость мысли и на силу выраженія, а не на то, что мы нынѣ иначе объясняемся.

А. Я съ своей стороны обѣщаю вамъ быть такимъ; но вы съ вашей должны меня увѣрить и возродить во мнѣ лучшее понятіе о древнемъ нашемъ стихотвореніи.

Б. Вы налагаете на меня трудное дѣло, которое превосходитъ мои способности, и притомъ требуетъ пространныхъ разсужденій и доказательствъ; однакожъ по возможности моей, и сколько краткость разговора сего мнѣ позволитъ, я постараюсь удовлетворить вашему желанію. Мы имѣемъ двоякаго рода сказки, однѣ прозою, другія стихами. Ихъ не много, мало намъ извѣстны, и мы конечно не видимъ въ нихъ ни Гомеровъ, ни Виргиліевъ; однакожъ находимъ особенныя свойства языка и стихотворенія; примѣчаемъ нѣкоторыя искры, по коимъ заключаемъ, что оныя суть остатки горѣвшаго нѣкогда пламени. Слово о полку Игоревомъ далеко отстоитъ отъ Иліады, отъ Одиссеи, отъ Энеиды; въ сравненіи съ ними оно есть малый отрывокъ отъ оныхъ, и паче сказка или повѣсть, нежели поэма; но въ своемъ родѣ оно исполнено красотами, неуступа-

ющими Гомеровымъ или Оссіяновымъ. Кажется нѣтъ возможности написать такую повѣсть, не имѣя предшественниками Бояновъ: откуду въ человѣкѣ ничего не читавшемъ родится вдругъ богатство ума и краснорѣчія? Итакъ хотя не знаемъ мы сихъ Бояновъ, и потому не можемъ дѣлать сравненія между ими и Гомерами, однакожъ во многихъ старинныхъ сочиненіяхъ, сказкахъ и пѣсняхъ видимъ оставшіеся отъ ихъ ума и воображенія примѣтные слѣды. Возмемъ напримѣръ сію сказку, помѣщенную въ книгѣ о *древнемъ богослуженіи Славянъ*, и которая, какъ думать должно, по краткости и легкости своихъ стиховъ, отъ давняго времени сохранилась безъ повреждения въ устахъ народныхъ:

Начинается сказка
Отъ сивка отъ бурка,
Отъ вѣща коурка,
На честь и на славу
Отецкому сыну,
Удалому витязю,
Храброму рыцарю,
Доброму молодцу,
Рускому Князю,
Что всякія силы
Сѣчетъ, побиваетъ;
А бабу Ягу
На полати бросаетъ;
А смерда Кащея
На привязѣ держитъ;
А змѣя горыныча

Топчетъ ногами;
И красную дѣвку
За тридевять морь
Въ тридесятой землѣ,
Изъ подъ грозныхъ очей,
Изъ подъ крѣпкихъ замковъ
На бѣлу Русь увозитъ.

Каково кажется вамъ сіе начало сказки?

А. Весьма хорошо. Конечно всѣ сіи баснословныя сказанія о бабѣ Ягѣ, о Смердѣ Кащеѣ, о змѣѣ Горынычѣ, сдѣлались уже для насъ темны и неизвѣстны; однакожъ, не взирая на то, чудесные подвиги Рускаго Князя расказаны такъ плавно и пріятно, что составляютъ красивое описаніе.

Б. У древнихъ рыцарей конь былъ единственный ихъ товарищъ, и потому стихотворцы тогдашнихъ временъ при описаніи онаго не довольствовались естественными изображеніями, но всегда смѣшивали оныя съ нѣкоторою чудесностію. У Гомера Ахиллесовы кони не только различаются смертною и безсмертною породою, но даже разговариваютъ съ Ахиллесомъ. У Аріоста ѣздятъ на крылатыхъ коняхъ, летающихъ подъ небесами. Наши Бояны коней называли *вѣщими*, и подобнымъже образомъ ихъ описывали:

А выдетъ ли молодецъ
Въ чистое поле?
Онъ свиснетъ, онъ гаркнетъ,

Свистомъ богатырскимъ,
Крикомъ молодецкимъ:
Ты гой еси конь мой!
Ты сивка, ты бурка,
Ты вѣща коурка!
Ты стань передо мною,
Какъ листъ предъ травою.
На свистъ богатырской,
На крикъ молодецкой,
Откуду ни возмется
Конь сивобурой
И сивокоурой:
Гдѣ конь побѣжитъ,
Тамъ земля задрожитъ;
А гдѣ конь полетитъ,
Тамъ весь лѣсъ зашумитъ.
На полетѣ конь изо рта
Пламенемъ пышетъ;
Изъ черныхъ ноздрей
Свѣтлыя искры бросаетъ,
И дымъ изъ ушей
Какъ трубами пускаетъ.
Не въ день и не въ часъ,
Во единый онъ мигъ
Предъ витяземъ станетъ.

Какъ находите вы сіе изображеніе коня?

А. Хорошо; но что-то необыкновенно, странно.

Б. Я уже предувѣдомилъ васъ, что въ старину сей родъ стихотворенія былъ весьма употребителенъ, да и нынѣ во многихъ важныхъ сочиненіяхъ оный не отвергается. Не о томъ дѣло, какъ должно описывать коня, естественнымъ ли образомъ, или чудеснымъ; это принадлежитъ до другаго раз-

сужденія; здѣсь же только о томъ вопрошается, примѣтенъ ли въ стихахъ сихъ огонь и пылкость воображенія?

А. Этова никакъ у нихъ отнять не можно.

Б. Посмотримъ теперь убранство конское.

Удалой нашъ молодецъ
Сивку погладитъ:
На спинку положитъ
Сѣдельцо Черкаско,
Попонку Бухарску;
На шейку уздечку
Изъ бѣлаго шелку,
Изъ шелку Персидскаго,
Пряжки въ уздечкѣ
Изъ краснаго золота,
Изъ Аравитскаго.
Въ пряжкахъ шпенечки
Изъ синя булата,
Булата заморскаго,
Шелкъ не порвется,
Булатъ не погнется,
И красное золото
Ржавѣть не будетъ.

Не имѣетъ ли уборъ сей нѣкоторой своей красоты, какъ легкимъ исчисленіемъ частей его, такъ и превосходствомъ доброты оныхъ?

А. Имѣетъ. Одно только меня останавливаетъ: конь сей по описанію представляется великимъ, даже огромнымъ; а между тѣмъ о частяхъ тѣла его говорится уменьшительнымъ образомъ: *спинка*, *шейка*.

Б. По свойству языка нашего уменьшительныя имена не одно умаленіе значатъ,

но также и красоту вещи, или просто учтивость и ласку. Когда мы ихъ въ семъ смыслѣ употребляемъ, тогда настоящее знаменованіе оныхъ, то есть изъявленіе *малости,* часто совсѣмъ отъ нихъ отъемлется, или на тотъ разъ забывается. Напримѣръ, сказавъ женщинѣ: *пожалуйте вашу ручку,* мы не разумѣемъ чрезъ то, что рука у ней меньше, нежели у другихъ женщинъ, или меньше той, какую она по возрасту своему имѣть должна; но подразумѣваемъ, вправду или изъ одной вѣжливости, что она имѣетъ прекрасную руку. Сіе свойство языка почерпнуто изъ самой природы; ибо какъ всѣмъ великимъ вещамъ свойственно возбуждать въ насъ удивленіе и страхъ, а всѣмъ малымъ привлекать къ себѣ нашу любовь и жалость, то и весьма естественно, что мы въ уменьшительныхъ именахъ понятіе о *малости* сопрягаемъ съ понятіемъ о *красотѣ* или *пригожствѣ*, отъ котораго естественнымъже образомъ раждается учтивость и ласка. Отсюду въ сказкѣ сей *спинка, сѣдельце, попонка*, *шейка*, *уздечка*, *шпенечки*, значитъ *пригожство*, а не *малость.* Поставимъ на мѣсто сихъ уменьшительныхъ именъ настоящія имена, описаніе много потеряетъ пріятности.

А. Возвратимся къ нашей сказкѣ.

Б. За убранствомъ коня слѣдуетъ уборъ самого рыцаря:

У добраго молодца
Щитъ на груди,
На правой рукѣ перстень;
Подъ мышкою палица
Серебреная,
А подъ лѣвою мечь
Со жемчужиною;
Богатырская шапка,
На шапкѣ соколъ;
За плечами колчанъ
Съ калеными стрѣлами.

Что скажете вы о семъ воинскомъ нарядѣ?

А. Прекрасенъ! Такъ легокъ и величественъ, что естьли бы написать богатыря сего на картинѣ, онъ бы и на картинѣ былъ молодецъ:

Б. Теперь послушайте похвалу витязю:

Въ бою молодецъ
И битецъ и стрѣлецъ
Не боится меча,
Ни стрѣлы, ни копья.

Не примѣчаете ли вы здѣсь отрывистаго ударенія сладкозвучныхъ анапестовъ, прекрасно изображающихъ храбрость рыцаря?

А. Весьма примѣчаю и любуюсь ими.

Б. Послушайте далѣе:

Онъ садится на бурку
Удалымъ полетомъ.

Каковъ вамъ кажется сей послѣдній стихъ?

А. Онъ весьма хорошо выражаетъ легкость и ловкость, съ какою рыцарь садится на коня.

Б. Мы нынѣ конечно не скажемъ *удалымъ полетомъ*, но это не мѣшаетъ чувствовать красоту сего выраженія. Далѣе:

Онъ ударитъ коня
По крутымъ по бедрамъ,
Какъ по твердымъ горамъ.

Не раждаетъ ли сей послѣдній стихъ удивительнаго понятія о крѣпости конскихъ бедръ?

А. Это правда.

Б. Теперь слѣдуетъ путешествіе рыцарево:

Подымается конь
Выше темнаго лѣсу
Къ густымъ облакамъ:
Онъ и холмы и горы
Межъ ногъ пропускаетъ,
Поля и дубровы
Хвостомъ устилаетъ,
Бѣжитъ и летитъ
По землямъ, по морямъ,
По далекимъ странамъ.

Какое исполинское воображеніе, и какими благогласными стихами сказанное! Кажется не рыцарь *бѣжитъ и летитъ*, но вихрь и буря!

А. Признаюсь, что я начинаю примиряться съ Рускими сказками.

Б. Окончаніе сей сказки есть слѣдующее:

А каковъ доброй конь,
То таковъ молодецъ:
Ни видать, ни слыхать,
Ни перомъ описать,
Только въ сказкѣ сказать.

Конецъ сей показываетъ, что слово *сказка* уже само собою означало такое стихотворенie, которое посвящено было игрѣ воображенія и чудеснымъ описаніямъ. Пословица: *сказка ложь, а пѣсня быль*, тожъ самое подтверждаетъ. Естьли бы отъ таковыхъ сказокъ остались у насъ не малые токмо отрывки, но сохранились цѣлыя книги, могли ли бы мы тогда завидовать *неистовымъ Роландамъ* Аріостовымъ?

А. Вы говорите: *естьли бы сохранились*; но можетъ быть онѣ отъ того не сохранились, что ихъ не было.

Б. Можетъ быть не было; а можетъ быть и были: сгорѣвшее мѣсто дымится, огня уже не видать, но дымъ показываетъ, что прежде тутъ былъ огонь. Великолѣпіе разрушеннаго града видно изъ его развалинъ.

А. Такихъ сказокъ, какую вы здѣсь привели въ примѣръ, весьма не много; прочія не думаю чтобъ содержали въ себѣ что нибудь хорошее, или по крайней мѣрѣ очень мало.

Б. Вы съ нѣкоторой стороны правы. Самыхъ древнихъ сочиненій, то есть писан-

ныхъ во времена язычества, мы не видимъ. Сіи *Перуны*, *Одины*, *Дажбоги*, *Позвизды*, *Диды*, *Лады*, *Лели*, *Бабы яги*, *Смерды кащеи*, *Змѣи горынычи* и проч., суть конечно остатки отъ тѣхъ временъ, но остатки толь мрачные, что ни малѣйшею долею столько намъ не извѣстны, какъ Греческіе *Юпитеры*, *Нептуны*, *Марсы*, *Венеры*, *Діяны* и проч. Между тѣмъ баснословіе какъ съ стихотворствомъ, такъ и со многими другими искуствами имѣетъ весьма тѣсную связь. О сихъ, то есть Греческихъ богахъ, читаемъ мы во всѣхъ книгахъ, писанныхъ самыми высокими умами; видимъ ихъ во всѣхъ картинахъ, рисункахъ, ваяніяхъ, самыми искусными художниками произведенныхъ. Вездѣ и повсюду твердятся они въ мысляхъ, въ памяти и воображеніи нашемъ. Не знать о нихъ есть не имѣть свѣденія ни въ словесности, ни въ искуствахъ и художествахъ. Такъ Греческое баснословіе сдѣлалось намъ нужно! Руское напротивъ нигдѣ не представляется ни уму, ни взорамъ, ни воображенію нашему, и даже самые слабые и темные слѣды онаго совсѣмъ исчезаютъ. Оно во многомъ сходно съ Греческимъ: напримѣръ подъ именами *Гименея* и *Эрота* (Латинскаго *Купидона*) Греки разумѣли боговъ брака и любви; въ нашемъ баснословіи первой изъ нихъ называется *Ладо*, второй *Леля*. Греческія имена

суть одни пустые для насъ звуки, не содержащіе въ себѣ никакова знаменованія; Рускія же имена суть семейственныя въ нашемъ языкѣ слова, то есть имѣющія одинакой смыслъ съ другими отъ тогожъ корня происходящими словами: потому *Ладо*, что *слаживаетъ*, соглашаетъ бракъ; потому *Леля*, что *лелѣитъ*, нѣжитъ чувства. Однако не взирая на сей въ самомъ словѣ заключающійся разумъ, мы почти нигдѣ въ книгахъ нашихъ не находимъ *Ладъ* и *Лель*, но вездѣ *Гименеевъ* и *Купидоновъ*. Такимъ образомъ съ древнимъ баснословіемъ помрачилось и древнее наше стихотворство. Нѣкоторыя имена боговъ, и малыя объ нихъ свѣденія по изустнымъ преданіямъ дошли до насъ; тожъ самое сдѣлалось и съ стихотворствомъ. Мы по нѣкоторымъ догадкамъ и достигшимъ до насъ чрезъ многія породы людей немногимъ остаткамъ мыслей и выраженій имѣемъ слабое о томъ понятіе. Напримѣръ читая неизвѣстнаго сочинителя *Слова о полку Игоревомъ*, упоминающаго о нѣкоемъ *Боянѣ*, съ вѣроятностію заключаемъ, что сей сочинитель конечно читалъ *Бояна*, и можетъ быть многими мыслями и выраженіями его воспользовался; ибо всякой писатель отъ другаго, а особливо превосходнаго писателя, нѣчто заимствуетъ. Такимъ же точно образомъ можемъ мы разсуждать о сказкахъ

и пѣсняхъ нашихъ. Онѣ переходили изъ устъ въ уста. Языческія книги и письмена могли не быть, или быть и истребиться. Изустныя преданія подвержены перемѣнамъ, забвенію. Перешедъ столько вѣковъ, онѣ должны были предстать предъ насъ совсѣмъ не тѣ, каковы пошли сначала. По нынѣшнему ихъ образу надлежитъ думать, что ихъ слагали весьма простые, не искусные въ словесности люди; но сіе-то самое и подтверждаетъ, что нѣкоторыя выраженія, мысли, обороты, подобія, остались у сихъ людей чрезъ преданія въ памяти отъ тѣхъ сочиненій, которыя писаны были настоящими *Боянами*, то есть великими древними стихотворцами; ибо таковыя мѣста во многихъ самыхъ простыхъ сказкахъ и пѣсняхъ попадаются. Возмемъ напримѣръ сіе описаніе терема, построеннаго женихомъ для своей невѣсты:

Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверхія,
Да трои сѣни косящеты,
Да трои сѣни рѣшетчеты.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ терему солнце;
На небѣ звѣзды, въ терему звѣзды;
На небѣ заря, въ терему заря,
И вся красота поднебесная.

Построить такое жилище для своей любезной, въ которомъ бы, какъ въ зеркалѣ, видны

были всѣ небесныя явленія, есть мысль высокая, которую бы ни Гомеръ, ни Виргилій, не отвергнули. Но возмите всю сказку, вы не найдете въ ней ничего соотвѣтствующаго сей мысли. Не ясно ли, что она сохранилась отъ древняго времени, между тѣмъ какъ все прочее, составляющее сказку, придѣлано къ ней вновь, простымъ и неискуснымъ образомъ? Вы найдете во многихъ пѣсняхъ, не похожихъ одна на другую, одни и тѣжъ самые стихи, или съ малыми весьма перемѣнами, прекрасные, и часто остальная часть пѣсни не походитъ ниже тѣнію на сіе превосходное мѣсто. Не служитъ ли это новымъ доказательствомъ, что сіи мысли и выраженія суть дошедшіе до насъ остатки отъ древнихъ сочиненій? Мы можемъ много таковыхъ мѣстъ показать. Напримѣръ сіе прекрасное изображеніе всадника:

Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
У коня грива до сырой земли,
Онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ.

Или описаніе Позвизда, свирѣпаго бога бурь и непогодъ:

Съ брады дожди льютъ проливные,
Изъ устъ валятъ туманы злые.
Тряхнетъ ли Позвиздъ волосами?
Валитъ на землю полосами
Нивъ истребитель, крупный градъ.
Махнетъ ли хладною полою?

Звѣздчатъ снѣгъ хлопьями валитъ.
Летитъ ли облачной страною?
Предъ нимъ предыдетъ шумъ и свистъ;
Полкъ вѣтровъ, бурь, за нимъ несется,
Взвѣвая къ небу прахъ и листъ;
Столѣтній дубъ трещитъ и гнется,
Боръ клонится къ землѣ главою,
Трепещутъ рѣки въ берегахъ.
Крутится ль въ голыхъ онъ скалахъ?
Свиститъ, реветъ, гулитъ, ярится.
Ударитъ ли въ утесъ крыломъ?
Вздрогнетъ гора, утесъ валится,
И въ пропастяхъ катится громъ.

А. Мнѣ кажется сіи послѣдніе приведенные вами стихи принадлежатъ уже къ новѣйшимъ нынѣшнимъ сочиненіямъ.

Б. Можетъ быть; но въ нихъ помѣщены старинныя красоты. Когда вы въ описаніи Перуна прочитаете, напримѣръ слѣдующіе стихи:

Мракомъ одѣянъ, вихрями повитъ,
Грозныя тучи ведетъ за собою;
Клонятся горы былинкой предъ нимъ.

То повѣрьте, что сіи выраженія почерпнуты изъ древнихъ Рускихъ источниковъ.

А. По этому наше стихотворство можно раздѣлить на два рода, одно старое, бывшее до Кантемира, Тредьяковскаго и Ломоносова, а другое новое, сдѣлавшееся извѣстнымъ съ ихъ временъ?

Б. Точно такъ.

А. Можно ли означить и показать суще-

ственную разность между сими двумя стихотворствами?

Б. Можно; однако таковое показаніе требуетъ пространнаго изслѣдованія и многихъ разсужденій, не совмѣстныхъ съ краткостію нашего разговора.

А. По крайней мѣрѣ я бы желалъ знать нѣкоторыя отличія.

Б. О нѣкоторыхъ отличіяхъ я вамъ сказать могу. Напримѣръ:

I. Старинное Руское стихотворство не только терпитъ, но и любитъ повтореніе, какъ въ именахъ и цѣлыхъ рѣченіяхъ такъ и въ предлогахъ:

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя зеленая.

Или:

Ахъ на горѣ горѣ,
На высокой на горѣ,
На высокой на горѣ
Что на всей красотѣ, и проч.

II. Хотя и новое стихотворство, не убѣгаетъ прилагательныхъ именъ, однакожъ въ старомъ были оныя несравненно употребительнѣе, и почти каждое существительное имѣло свое прилагательное: *красное солнышко, свѣтлый мѣсяцъ, частыя звѣзды, синее море, черной соболь, бѣлая лебедь,* и пр. и пр. Особливо же помѣщеніе сихъ именъ

позади существительныхъ составляло не малую красоту:

> Отворяетъ ворота широкія,
> Ведетъ во гридни свѣтлыя,
> Сажаетъ за столы дубовыя,
> За скатерти браныя.

Или:

> Тутъ повели его въ погребы глубокіе,
> Запирали дверьми желѣзными.

Иногда же употреблялось и повтореніе, какъ напримѣръ:

> Идутъ двѣ дѣвицы, двѣ красныя.

Или:

> Бѣгутъ два горностая, два зимніе *).

Сюда же принадлежатъ и слѣдующіе стихи:

> Изъ подъ камушка изъ подъ бѣлова,
> Изъ подъ кустика изъ подъ ракитова.

Или:

> Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя;
> Оживлю я свои ноги, ноги рѣзвыя.

Вездѣ въ старинныхъ нашихъ стихахъ найдемъ мы *палаты бѣлокаменныя*, *теремы златоверхіе*, *гусли звончатыя*, и проч.

III. Часто прилагательныя имена, безъ всякаго раздѣляющаго ихъ знака, ставились

*) Подъ словомъ *зимній* разумѣется здѣсь самый бѣлый; ибо горностаи зимою обыкновенно бываютъ бѣлѣе, чѣмъ лѣтомъ.

по два рядомъ: *темный дремучій лѣсъ*, *бѣлая кудрявая береза*, *желтый сыпучій песокъ*, *крутой красной бережокъ*, и проч.

IV. Великую въ составленіи стиховъ свободу дѣлало сокращеніе прилагательныхъ именъ: *бралъ дѣвицу за бѣлы руки* (вмѣсто за бѣлыя); *садился на добра коня* (вмѣсто на добраго); *завыли рога у туга лука* (вмѣсто у тугаго); *мать сыра земля* (вмѣсто сырая); *чужа дальня сторона* (вмѣсто чужая дальняя). Сіи сокращенныя имена ударялись, смотря по роду стиховъ, иногда на послѣднемъ слогѣ: *за бѣлы́ руки*, *на добра́ коня*, *у туга́ лука*, *сыра́ земля*, *чужа́ сторона*; иногда же на первомъ:

Насыпа́ли чашу чиста се́ребра,
А другую чашу красна золота.

Здѣсь уже не произносилось анапесто-ямбически: *чиста́ серебра́*; но дактило-хореически: *чи́ста се́ребра*. Таковыя ударенія много способствовали къ отличенію стихотворнаго языка отъ прозы. Впрочемъ старинные наши стихотворцы простирали вольность словоударенія гораздо далѣе, нежели мы, и въ этомъ едва ли они не правы. Они смотрѣли на смыслъ стиховъ и на красивость выраженія, предоставляя читателю ударять слово тамъ, гдѣ повелѣваетъ ему стопопаденіе. Онъ самъ долженъ былъ знать, гдѣ

сказать *мóлодецъ*, и гдѣ *молодéцъ*; гдѣ *на прáвой*, и гдѣ *на правóй рукѣ перстень*, и пр.

V. Не малую также удобность, красоту, благогласіе и пріятность, приносило усѣченіе сихъ именъ, какъ напримѣръ въ словѣ о полку Игоревомъ: *возвержеся на борзъ комонь* (вмѣсто на борзаго коня) или въ пѣсняхъ:

Одинъ у меня *милъ* сердечной другъ.
Распоялся мой *золотъ* перстень.
Сходни бросали на *крутъ* бережокъ.

А иногда также и по два рядомъ: *быстръ червленъ корабль, бѣлъ горючь камень, младъ ясенъ соколъ*, и проч.

VI. Старинное наше стихотвореніе любило, какъ мы уже отчасти о томъ упоминали, въ нѣжныхъ и пріятныхъ сочиненіяхъ уменьшительныя имена:

Ты дѣтинушка, сиротинушка,
Безпріютная твоя головушка.

Или:

Пѣтушокъ мой пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Ты къ чему рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь?

Также уменьшительныя усѣченныя, таковыя какъ *бѣлешенекъ, зеленешенекъ, младешенька:*

Ахъ! какъ далече далече въ чистомъ полѣ,
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ,
Отъ огонечка шелъ дымочикъ тонешенекъ, и пр.

Многіе изъ сихъ красотъ, производимыхъ уменьшительными именами, чужды новѣйшему стихотворенію нашему, потому что оно почерпнуто изъ иностранныхъ источниковъ, въ которыхъ красоты сіи не существуютъ. Между тѣмъ однакожъ оныя суть тоже самое въ изображеніи мыслей, что легкія и прозрачныя краски въ живописномъ искуствѣ. Въ картинѣ, какъ и въ самомъ естествѣ, дальность отличается отъ близости постепеннымъ угасаніемъ яркости цвѣтовъ. Равнымъ образомъ и здѣсь послѣ словъ *далече далече*, выраженіе *видѣнъ огонь*, не показало бы той отдаленности, какую показываетъ выраженіе: *видѣнъ огонечекъ малешенекъ*, *дымочикъ тонешенекъ*. Въ шутливыхъ и забавныхъ сочиненіяхъ употреблялись иногда увеличительныя имена:

Полетѣлъ комарище въ лѣсище,
Садился комаръ на дубище,
Дубъ подъ нимъ зашатался, и проч.

VII. Нѣкоторыя приговорки, или прибавочныя слова были совершенно особенныя, которыхъ ни на какой другой языкъ перевести не можно, какъ напримѣръ: *видо́мъ не видать*, *слухо́мъ не слыхать*, или:

Старой мужъ *журмя* журитъ.

*

Или;

Полети моя каленая стрѣла
Высокимъ высокошенько,
Далекимъ далекошенько, и проч.

VIII. Причастіе, кончащееся на *чи*, въ старинномъ стихотвореніи, не такъ какъ въ новомъ, не изгнано было, и часто находило мѣста̀, въ которыхъ оно преимуществовало предъ причастіемъ на *я:*

Ходила тутъ красная дѣвица,
Ходючи она горько плакала,
Ко крылечушку припадаючи,
Волгу матушку причитаючи.

Или:

И я рада бы гадала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плѣтучи,
Шелкомъ прививаючи,
Златомъ преплѣтаючи.

Или:

Сидитъ сова на печи
Крылышками треплючи,
Оченьками лопъ лопъ,
Ноженьками топъ топъ.

IX. Часто въ старинномъ стихотвореніи нашемъ находимъ мы особаго рода *уподобленія*, которыя можно назвать *отрицательными*, потому что изъ двухъ сравниваемыхъ между собою вещей, одна, чрезъ отрицаніе или уничиженіе предъ нею достоин-

ства другой, получаетъ вящшую важность и великолѣпіе, какъ напримѣръ:

Не черная туча изъ за горъ поднималася,
Поднималося храброе Руское воинство.

Здѣсь сочинитель чрезъ отрицаніе даетъ чувствовать, что Руское воинство *гораздо ужаснѣе было*, нежели *поднимающаяся изъ за горъ черная туча.*

И л и:

Не ковыль трава въ полѣ зашаталася,
Зашаталася, братцы, рать великая.

Здѣсь также отрицаніе показываетъ, что рать была многочисленнѣе ковыли, то есть высокой травы, растущей въ великомъ количествѣ на степяхъ. Сіе сравненіе даетъ огромное понятіе о числѣ ратниковъ, между тѣмъ какъ глаголъ *зашаталася*, напоминающій о колебаніи сей травы предъ вѣтромъ, живо представляетъ движеніе войскъ воображенію. Равнымъ образомъ и въ сихъ стихахъ:

У душечки у красной дѣвицы
Не дожжикомъ бѣло лице смочило,
Смочило бѣлое личико слезами,
Тужа плача по милинькомъ дружечкѣ,
По ласковомъ привѣтливомъ словечкѣ,

Отрицаніе показываетъ еще большее нежели дожжичкомъ *смоченіе лица* отъ многаго пролiянія слезъ, изъявляющихъ великую горесть

той, которая ихъ проливаетъ. Къ сему же роду украшенія принадлежатъ и слѣдующіе стихи:

Едино солнце на небѣ,
Едина дочь у батюшки.

Здѣсь хотя нѣтъ отрицанія, однакожъ уподобляемая вещь заимствуетъ важность свою отъ той, которой уподобляется. Впрочемъ многія попадающіяся въ Рускихъ пѣсняхъ сравненія или подобія такъ просты и естественны, что заключающуюся въ нихъ истину всякой, мудрый и не мудрый, равно чувствуютъ и понимаютъ, какъ напримѣръ:

Не рыбушка въ неводѣ разметалася,
Красна дѣвица по молодцѣ стосковалася.

Или:

Не во всякомъ крѣпкомъ камушкѣ есть искра,
Не во всякомъ добромъ молодцѣ есть правда:
Любилъ меня милъ сердечной, да покинулъ.

Иныя сравненія весьма величавы, какъ напримѣръ:

Не красенъ весенній день безъ солнышка,
Не свѣтла осення ночь безъ мѣсяца:
Ахъ! не весела бесѣдушка безъ милова дружка,
Безъ милова дружка, безъ сердечнова.

Или:

Не золотая трубушка вострубила,
Возговоритъ нашъ батюшко православный Царь.

Какое прекрасное сравненіе гласа Царскаго съ золотою трубою! И какъ для добраго

царя, чувствующаго себя подлиннымъ столпомъ вѣры и отцемъ отечества, должны быть пріятны сіи простыя, но усердныя и многозначущія отъ народа своего слова: *батюшко православный Царь!* Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ подобій можно также и здѣсь примѣчать подтвержденіе тому мнѣнію, что въ сказкахъ и пѣсняхъ нашихъ хранятся остатки древнихъ стихотвореній; ибо многія изъ сихъ подобій имѣютъ одинакое основаніе мыслей и выраженій съ тѣми, какія читаемъ мы въ пѣснѣ или словѣ о полку Игоревомъ, какъ напримѣръ: сочинитель сей пѣсни, описуя побѣгъ Игоревъ отъ Половцевъ, говоритъ: *а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду*. Также и въ другихъ мѣстахъ: *полете соколомъ подъ мглами*, или: *тогда Влуръ волкомъ потече*. Сіе отношеніе различныхъ дѣйствій человѣческихъ къ свойствамъ животныхъ примѣчаемъ мы и въ простонародныхъ нашихъ сочиненіяхъ:

Ахъ нынѣшня зима
Не погожая была,
Не погожая была,
Все метелица мела;
Всѣ дорожки занесла:
Ахъ нѣту мнѣ пути,
Куда къ миленькой идти.
Я по старымъ по примѣтамъ
Позадь гуменью пойду:
И я улицею

Сѣрой утицею,
Через черную грязь
Перепелицею,
Подворотенку пойду
Бѣлой ласочкою,
На широкой дворъ взойду
Гарнастаюшкою,
На крылечушко взлечу
Яснымъ соколомъ,
Во высокъ теремъ взойду
Добрымъ молодцомъ.

Всѣ сіи превращенія не безъ намѣренія и мыслей прибраны. Онѣ составляютъ иносказательное исчисленіе тѣхъ попеченій и предосторожностей, съ какими любовники обыкновенно ходятъ украдкою къ своимъ любовницамъ: для того *улицею сѣрой утицею*, чтобъ никто не видалъ его, идущаго по улицѣ, естественно *сѣрой*, такова же цвѣта птицею. Для того *черезъ черную грязь перепелицею*, чтобъ перескакивая проворно чрезъ оную, или перепархивая на подобіе перепелки, предстать передъ глаза своей любезной въ той чистотѣ и опрятности, въ какой влюбленный человѣкъ обыкновенно держать себя старается. Для того *подворотенку бѣлой ласочкою*, чтобъ отворяніемъ воротъ не надѣлать шуму, и пройти подъ оныя тихонько, на подобіе сего звѣрька, ростомъ весьма низкаго. Для того *на широкой дворъ горнастаюшкою*, что звѣрекъ сей мягкими лапками не слышно какъ ступаетъ. Для

того *на крылечушко яснымъ соколомъ*, чтобъ поскорѣе взлетѣть на оное, и съ ясными отъ радости, подобно какъ у сей птицы, очами, войти въ теремъ въ настоящемъ видѣ своемъ, *добрымъ молодцомъ*.

Въ Игоревой пѣснѣ Ярославна говоритъ вѣтру: *чему господине мое веселіе по ковылію развѣя?* Въ простонародной пѣснѣ подобное же сему поется:

Я не знаю какъ мнѣ быти
Своему горю пособити:
Я пойду ли въ чисто поле,
Я развѣю свое горе
По всему ли чисту полю:
Уродись ты мое горе,
Ты травою, муравою,
Бѣлой ярою пшеницей.

Тамъ Ярославна жалуется, что вѣтръ *веселіе ея развѣялъ по ковыли;* здѣсь тоскующее лице *горе свое развѣваетъ по полю:* основаніе мысли одинаково. Иногда въ сихъ пѣсняхъ попадаются сравненія весьма сходныя съ Гомеровыми. Гомеръ, въ пѣснѣ, описующей смерть Патроклову, Мирмидонскіе полки уподобляетъ раздраженнымъ пчеламъ, вылетающимъ съ шумомъ изъ ульевъ, и нападающимъ на того, кто потрясеніемъ жилищъ ихъ возбудилъ въ нихъ ярость; мы въ нашихъ пѣсняхъ таковыя же находимъ уподобленія воиновъ со пчелами. Дѣло идетъ о взятіи Азова. Царь спрашиваетъ, какъ взять

городъ Азовъ? Князья и бояра промолчали. Прослезившійся Царь обращается къ воинамъ и вопрошаетъ ихъ о томъ же. Тогда,

Какъ не ярыя пчолушки зашумѣли,
Что возговорятъ храбрые воины:
Взять ли намъ не взять ли грудью бѣлою;

Съ симъ словомъ полетѣли:

Подъ тѣ стѣны бѣлокаменныя,
Подъ тѣ раскаты высокіе:
Не съ горъ камни покатилися,
Покатилися со стѣнъ непріятели;
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлися груди босурманскія;
Не дождевые ручьи разливалися,
Разливалася кровь нечестивая.

Также въ старинныхъ стихотвореніяхъ не малая красота примѣчается въ составленіи стиховъ такимъ образомъ, что, не смотря на полный смыслъ перваго стиха, второй служитъ ему какъ бы нѣкіимъ дополненіемъ или красивою прибавкою. Таковы суть слѣдующіе стихи:

Подъ мышкою палица
Серебряная,
А подъ лѣвою мечь
Со жемчужиною.

Или слѣдующіе:

Нащиплю я хмѣлю,
Хмѣлю ярова;
Наварю я пива,

Пива пьянова;
Позову я въ гости
Гостя дорогова,
Гостя дорогова,
Батюшку роднова.

Также и слѣдующіе, въ которыхъ описывается, что любовница изъ окошка своего опускаетъ полотно для принятія къ себѣ друга милова:

Я спущала полотно
За косящето окно;
Не худое полотно,
Не худое, не гнилое,
Полушолковое.

Сіи отличія какъ нимало здѣсь собраны и какъ ни кратко описаны, однакожъ онѣ довольно показываютъ, сколь много новое наше стихотворство удалилось отъ стараго. Разность сія такъ велика, что мы подъ *Рускими пѣснями* часто разумѣемъ не вообще всѣ пѣсни наши, но только тѣ, которыя имѣютъ старинный слогъ и поются въ простомъ народѣ.

А. Какова вы мнѣнія о сихъ простонародныхъ пѣсняхъ?

Б. Въ нихъ также какъ и въ сказкахъ весьма много хорошаго.

А. Меня это удивляетъ. Кажется чему въ нихъ быть хорошему? Содержаніе ихъ показываетъ, что онѣ слагаемы были самыми простыми людьми, изъ которыхъ многіе можетъ быть и грамотѣ не знали.

Б. Все это правда; но при всемъ томъ есть въ нихъ прекрасныя мысли и выраженія. Видно что музы, убѣгая иногда отъ ученыхъ, любятъ посѣщать простыя хижины.

А. По крайней мѣрѣ сіе посѣщеніе бываетъ весьма рѣдко. Я самъ не отрицаю въ нихъ нѣкотораго достоинства, но сравните новыя пѣсни съ старыми, вы тотчасъ примѣтите великую между ими разность.

Б. Примѣчу, что новыя пѣсни далеко уступаютъ старымъ.

А. Вы шутите! Не ужъ ли вы простонародныя пѣсни, сложенныя въ низкомъ быту людей, предпочитаете новымъ, сочиненнымъ просвѣщенными умами и въ благородныхъ обществахъ.

Б. Предпочитаю.

А. Позвольте чистосердечно сказать, что вы слишкомъ пристрастны ко всему старому.

Б. А вы ко всему новому. Раздѣлимъ наши пристрастія пополамъ, средина подойдетъ ближе къ истинѣ. Впрочемъ повѣрьте мнѣ, что сердце не въ училищахъ научается чувствовать, и также вздыхаетъ въ шалашахъ, какъ и въ позлащенныхъ чертогахъ.

А. Конечно такъ. Природа вездѣ природа. Но какую же главную разность полагаете вы между старыми и новыми пѣснями?

Б. Главная разность по моему состоитъ въ томъ, что всѣ новыя пѣсни твердятъ объ одномъ и томъже. Возмите ихъ пять, десять, двадцать, сколько хотите, вы ничего не найдете въ нихъ, кромѣ любви. Вездѣ одно и тоже: или описаніе красотъ и прелестей любовницы, или жалобы на несклонность, или упреки за невѣрность, или восторги при свиданіи, или печаль при разлукѣ, или грусть въ отсутствіи, или нѣжныя пѣни, или отчаянныя угрозы, или воспоминаніе прежнихъ пріятностей, или вображеніе ожидаемыхъ утѣхъ, и тому подобное. Во всѣхъ сихъ единообразныхъ описаніяхъ большою частію видѣнъ умъ, рѣдко слышенъ голосъ чувствъ и сердца. Старинныя пѣсни напротивъ того суть лирическіе расказы о весьма различныхъ между собою произшествіяхъ. Въ нихъ есть и воображеніе, и сила, и огонь, и языкъ страсти. Въ иной изображается нѣчто жалкое и печальное, какъ напримѣръ: „нѣгдѣ умирающій „на ратномъ полѣ удалый воинъ лежитъ на „коврѣ подлѣ огня, припекая раны свои кро„вавыя. Въ головахъ у него колчанъ стрѣлъ, „по правую руку сабля острая, по лѣвую ту„гой лукъ, а въ ногахъ стоитъ доброй конь, „единственный смерти его свидѣтель. Уми„рающій воинъ прощается съ конемъ сво„имъ, велитъ ему бѣлое тѣло свое зарыть

„копытами въ землю, и потомъ, возвратясь „на святую Русь, поклониться отцу и ма- „тери его, отвезть благословеніе малымъ „дѣтушкамъ, и сказать молодой его вдовѣ, „что женился онъ на другой женѣ, въ при- „даное взялъ поле чистое, свахою была ка- „леная стрѣла, а спать положила пуля му- „шкетная.“ Въ другой представляется что нибудь чувствительное и нѣжное, какъ на- примѣръ: отданная по неволѣ на чужую сто- рону въ замужство дочь, разставшись съ чадолюбивою матерью своею, ѣдетъ въ семью не знакомую, и воображая себѣ какъ мать *въ бесѣдахъ сидючи и на чужихъ дѣтей гля- дючи* печалится объ ней, выпускаетъ изъ рукъ, послѣднее утѣшеніе, *соловья своего*, и говоритъ ему: „полети соловеюшко, на мою „родимую сторонушку; сядь въ зеленомъ „саду на любимую яблоньку, пой, воспѣвай, „соловей, утѣшай мою матушку; разбивай „ея грусть сердечную, что милое чадо ея „живетъ на чужой сторонѣ у лютаго све- „кра не сговорчиваго, у лихой свекрови не „разборчивой, гдѣ всякой часъ безъ дѣла „брань несетъ, безъ вины наказаніе.“ Въ третьей для шутки описывается что ни- будь не возможное, какъ напримѣръ: „дѣвица, „напряди мнѣ шелку изъ бѣлаго снѣгу, сшей „мнѣ башмачки изъ желта песочку, насучи „мнѣ вервей изъ дожжевыхъ капель, и пр.“

Или что нибудь забавное и смѣшное, какъ напримѣръ: „много доброй молодецъ послу„жилъ, на краю печки лежучи; онъ увидя „корыто долгое спрашиваетъ у товарищѣй: „не это ли Волга широкая, крутобережная? „Много имъ цвѣтнаго платья поношено; по „подоконью онучь попрошено; много на ко„няхъ поѣзжено, на чужія дровни присѣда„ючи, и проч." Въ иной пѣснѣ предлагается какая нибудь загадка и разрѣшеніе оной, какъ напримѣръ:

Ахъ что у насъ дѣвица безъ огня горитъ?
Безъ огня горитъ и безъ крылъ летитъ?
Безъ крылъ у насъ летитъ и безъ ногъ бѣжитъ?

Дѣвица отвѣчаетъ:

Безъ огня у насъ горитъ солнце красное,
А безъ крылъ у насъ летитъ туча черная,
А безъ ногъ у насъ бѣжитъ мать быстра рѣка.

Такимъ образомъ всякая пѣсня есть нѣкое особое изображеніе. Соберите сіи картины, вы найдете въ нихъ унылое, жалкое, печальное, забавное, смѣшное, ужасное, историческое, нравственное, семейственное, и словомъ всякаго рода описанія.

А. Это конечно не малое преимущество. Однакожъ позвольте сказать, что при всѣхъ попадающихся иногда хорошихъ мѣстахъ, вообще картины сіи написаны не искусною кистію и худыми красками.

Б. Не всѣ. Многія изъ нихъ весьма прекрасны: нѣкоторыя во всей своей цѣлости, а другія въ частяхъ.

А. Я не могу спорить, потому что никогда не входилъ въ подробное разбираніе оныхъ: но желалъ бы посмотрѣть хотя на одну изъ нихъ.

Б. Когда хотите, я вамъ покажу многія. Возмемъ, напримѣръ, сію пѣсню, которой все содержаніе состоитъ въ томъ, что сочинитель къ возбужденію жалости нашей представляетъ намъ поле и убитаго на немъ человѣка. Посмотримъ какія краски употребилъ онъ для содѣланія сей картины поразительною, и заслуживаетъ ли имя искуснаго живописца. Оставимъ поработившую слухъ нашъ мѣру стиховъ и привычку къ нынѣшнему нашему нарѣчію; станемъ только смотрѣть на красоту вымысла, на искуство составленія частей, на истину мыслей, и на силу выраженій. Сочинитель обращается къ полю и говоритъ:

Ахъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое!
Всѣмъ ты поле изукрашено,
Травушкою и муравушкою
И цвѣточками василечками.

Во первыхъ замѣтимъ сей унылый и томный напѣвъ, толь приличный содержанію пѣсни. Во вторыхъ, какое сперва пріятное пред-

ставляется намъ зрѣлище: *чистое поле, раздолье широкое, украшенное травушками и цвѣточками!* Для чего сей злачный образъ? Для того, дабы послѣ пріятнаго видѣнія тѣмъ сильнѣе поразить насъ слѣдующимъ потомъ ужасомъ:

Ты однимъ поле обезчещено:

Обезчещено? Какое сильное слово! сей разговоръ съ полемъ, сіе приданіе одному токмо человѣку свойственнаго качества, *обезчещено*, дѣлають его въ воображеніи моемъ нѣкакимъ одушевленнымъ существомъ, пріемлющимъ участіе въ приключеніи. Такимъ образомъ все въ картинѣ дышетъ жизнію. Но чѣмъ оно обезчещено?

Посреди тебя поля чистаго
Стоитъ частъ ракитовъ кустъ,
На кустикѣ сидитъ младъ сизой орелъ,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
Онъ точитъ кровь на сыру землю.

Какая противуположность первому вступленію! *Тамъ на широкомъ полѣ зеленѣютъ травушки и цвѣточки*, здѣсь *изъ держимаго когтями орла чернаго врана точится кровь на сыру землю!* Но къ чему сіе кровавое изображеніе? мы тотчасъ это увидимъ:

Подъ кустикомъ лежитъ убитъ доброй молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.

Вотъ чѣмъ поле обезчещено! Вотъ что значитъ предыдущее изображеніе! Оно показываетъ, что на семъ мѣстѣ сошлись два соперника: одинъ подобенъ сизому орлу, другой черному врану *); оно свидѣтельствуетъ происходившую между ими брань; представляетъ, съ какимъ мужествомъ два сіи подвижника сражалися, и какъ одинъ изъ нихъ *сизый орелъ*, побѣдилъ другаго, *черного врана*, котораго тѣло лежитъ подъ кустомъ. По сіе время все хорошо; все представлено мнѣ искусно, живо. Сочинитель успѣлъ уже потрясть душу мою различными чувствованіями: пріятностію, удивленіемъ, ужасомъ; остается ему поразить меня жалостію. Посмотримъ, какъ онъ сіе сдѣлаетъ.

Не ласточки, не касатушки,
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются —

Остановимся на сихъ двухъ стихахъ. Здѣсь каждое слово достойно особливаго замѣчанія. Птицы, называемыя ласточками или касаточками, по безпрестанной заботѣ о насыщеніи малыхъ дѣтей своихъ кажутся

---

*) Хотя орелъ почитается сильнѣйшею изъ всѣхъ птицею, однакожъ и воронъ одаренъ великою силою. Сила орла состоитъ въ когтяхъ и крыльяхъ; сила же ворона въ крѣпкомъ и большомъ клювѣ, такъ что самыя бойкія изъ хищныхъ птицъ, таковыя какъ соколъ и кречетъ, не смѣютъ нападать на ворона, какъ развѣ побуждаемыя чрезмѣрнымъ голодомъ.

быть къ нимъ горячѣе всѣхъ другихъ пернатыхъ. Самое названіе ихъ, происходящее отъ имени *ласка*, *ласковость*, то показываетъ. Прилагательное *теплое* такъ прилично гнѣзду, какъ солнцу *красное солнышко*, землѣ *мать сыра земля*. Глаголъ *увиваться* выражаетъ точно ту заботу, то попеченіе, съ какимъ птицы сіи вокругъ гнѣздъ своихъ летаютъ. Итакъ не льзя лучшихъ и приличнѣйшихъ собрать красокъ для представленія въ картинѣ того, что сочинитель представить хочетъ. Каждое слово есть живѣйшая, искуснѣйшая черта кисти. Но ктожъ подобно *увивающимся около теплыхъ гнѣздъ своихъ ласточкамъ* вокругъ сего убитаго *добраго молодца* увивается? Родная мать его, сестра и молодая жена! Какія въ совокупности три раздирающія душу лица! и какъ чувства мои, истинною подобія и силою приличія словъ приготовлены къ раздѣленію съ ними ихъ горести! Гдѣ въ простой и краткой пѣсенкѣ покажете вы мнѣ лучшаго живописца? Но сочинитель и тѣмъ еще не удовольствовался: онъ увѣнчалъ конецъ своей пѣсни, прекраснѣйшимъ нравственнымъ размышленіемъ, и показалъ мнѣ истинное различіе между печалію, какою снѣдается материнское ни чѣмъ неутѣшимое сердце, и тою, которую молодость чувствуетъ токмо временно. Въ пѣснѣ его:

Мать плачетъ, какъ рѣка льется;
Сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ росу высушитъ.

Какое вмѣстѣ величавое и естественное сравненіе! Сіи простыя, но истинныя, въ самой природѣ почерпнутыя мысли и выраженія, суть тѣ красоты, которыми поражаютъ насъ древніе писатели, и которыя только тѣми умами постигаются, коихъ вкусъ не испорченъ жеманными вымыслами и пухлыми пестротами. Онѣ вселяются въ душу и живутъ въ ней, между тѣмъ какъ выдумки хитраго и холоднаго ума нравятся какъ игрушки, и вскорѣ исчезаютъ какъ дымъ.

А. Я примирился съ Рускими сказками, а теперь вижу, что мнѣ надобно будетъ примириться и съ Рускими пѣснями.

Б. Другая подобная же сей пѣсня не столько чувствительности, но еще большій ужасъ раждаетъ. Въ началѣ ея описывается нѣкая едиными токмо скалами обильная страна:

Ахъ вы горы, горы крутыя!
Ничего вы горы не породили,
Ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ василечковъ,
Вы породили только бѣлъ горючь камень.

По изображеніи толь унылыми стихами сей дикой, голой, необитаемой пустыни, сочи-

нитель представляетъ на ней одинъ только частъ ракитовъ кустъ, подъ которымъ

Лежитъ убитъ доброй молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ свои кудри черныя,
Изъ ребръ его поросла трава,
Ясны очи пескомъ засыпались.

Какая смѣлая кисть! Какой ужасной видъ смерти! Какая страшная картина!

А. Это правда. Перо смѣлѣе кисти: я думаю живописецъ не осмѣлился бы изобразить на холстѣ толь страшное зрѣлище. И что всего страннѣе: въ стихахъ сихъ стопопаденіе смѣшено, нѣтъ никакой мѣры, но они такъ хороши, что я бы никакъ не покусился сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя перемѣны, для соблюденія мѣры, опасаясь, что испорчу ихъ силу и угождая слуху оскорблю разумъ.

Б. Въ иной пѣснѣ молодой воинъ стоитъ на часахъ у гробницы ПЕТРА Великаго и обливаяся слезами говоритъ:

Ахъ ты батюшко свѣтёлъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему,
Все ты прячешься за облоки,
Закрываешься тучей темною. . . .

Какое прекрасное изображеніе всеобщаго унынія вскорѣ послѣ смерти великаго мужа и Царя! Потомъ воинъ сей отъ сильнаго

желанія увидѣть паки ПЕТРА Великаго живымъ, какъ бы въ нѣкоемъ изступленіи восклицаетъ:

Разступися ты мать сыра земля,
Ты раскройся гробова доска,
Развернися ты золота парча,
И ты встань проснись православный Царь!

Покажите мнѣ въ Квинтиліянахъ и Лагарпахъ, когда они разсуждаютъ о украшеніяхъ или извитіяхъ, примѣръ превосходнѣйшій сего. Лагарпъ, наприкладъ, толкуя о извитіи, называемомъ *обращеніе*, говоритъ, что оно долженствуетъ состоять въ движеніи крѣпко поколебаннаго воображенія, или сильно растроганной души, и приводитъ слѣдующее изъ Боссюэта восклицаніе: „мечъ Го„сподень! какой ударъ совершилъ ты! Вся „земля поражена удивленіемъ *)!" или слѣдующіе изъ Андромахи Расиновой стихи: „нѣтъ „мы уже не увидимъ васъ болѣе, священныя „стѣны, которыхъ Гекторъ мой сохранить „не могъ **)." Ежели обращеніе состоитъ въ крѣпко поколебанномъ воображеніи, или сильно растроганной души, то сравните сіе мечтаніе воина при гробницѣ ПЕТРА Ве-

*) Glaive du seigneur! quel coup vous venez de fraper! toute la terre en est étonnée!

**) Non, nous n'ésperons plus de vous revoir encor,
Sacrés murs, que n'a pu conserver mon Hector.

ликаго съ мечтаніемъ Боссюэтовымъ и Андромахинымъ, и скажите, которое изъ нихъ сильнѣе и краснорѣчивѣе.

А. Я инова сравненія сдѣлать не умѣю, какъ только такое: Французскіе примѣры хороши, удивляютъ; но отъ Рускаго волосы становятся дыбомъ: мнѣ кажется, я вижу, какъ *мать сыра земля разступается, гробовая доска раскрывается, золотая парча развертывается, и ПЕТРЪ Великій возстаетъ изъ гроба!*

Б. Не отрицайте же того, чтобъ въ Руских пѣсняхъ нашихъ не было превосходныхъ мыслей.

А. Согласенъ, что можно въ нихъ находить величественное, жалкое и ужасное.

Б. Прибавьте къ тому и стихотворное. Возмемъ напримѣръ сію пѣсню:

Что по выше было города Царицына,
Что по ниже было города Саратова,
Протекала, пролегала мать Камышенка рѣка,
За собой она вела круты красны берега;
Круты красны берега и зеленые луга,
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку, и проч.

Изъ сихъ шести стиховъ, четвертой и пятой принадлежатъ къ тѣмъ стихамъ, которые самими музами внушаются.

А. Они кажется потому хороши, что оживотворяютъ изображеніе.

Б. Точно такъ. Но не то ли и составляетъ высокое стихотворное искуство, чтобъ всему описуемому давать душу, давать чувство и жизнь? Выраженіе *за собой она вела*, не представляетъ ли рѣку нѣкіимъ одушевленнымъ, величаво грядущимъ существомъ, за которымъ въ слѣдъ идутъ крутые красные берега? Какое великолѣпное шествіе! Отнимите сіи слова: *протекала*, *пролегала*, *за собой она вела*, и поставьте вмѣсто оныхъ: *текла и по обѣимъ сторонамъ ея лежали*, очарованіе пропадетъ, волшебство исчезнетъ, и воображеніе престанетъ восхищать душу.

А. Да, это правда. Слова не токмо собственнымъ знаменованіемъ своимъ и звукомъ, но даже знаменованіемъ сопряженныхъ съ ними предлоговъ или частицъ, придаютъ много силы и красоты выраженію. Предлогъ *про* означаетъ всегда дѣйствіе сквозь что нибудь, какъ напримѣръ: *пройти*, *пробиться*, *проломить*, *продѣть*, *продраться*, *проникнуть*, и проч. Во всѣхъ сихъ словахъ подразумѣвается *дѣйствіе*, отверзающее себѣ путь *сквозь что нибудь*, какъ-то: *пройти сквозь горы*, *пробиться сквозь народъ*, *проломить стѣну на сквозь*, и такъ далѣе. Отсюду глаголы *протекала*, *пролегала*, раждаютъ въ мысляхъ нашихъ такое живое воображеніе, какъ будто рѣка теперь лишь передъ глазами на-

шими воспріемлетъ начало бытія своего, то есть идетъ сквозь поля, роетъ себѣ ложе и составляетъ берега.

Б. Разсужденіе ваше весьма справедливо.

А. Еще остаются у меня нѣкоторыя сомнѣнія. Мнѣ кажется нѣтъ въ сихъ пѣсняхъ того учтивства, той нѣжности, той замысловатости и тонкости мыслей, какая господствуетъ въ новѣйшихъ нашихъ сочиненіяхъ.

Б. Да, конечно. Вы не найдете въ нихъ ни *купидона, стрѣляющаго изъ глазъ красавицы;* ни *амврозіи, дышущей изъ устъ ея;* ни *души въ ногахъ*, когда она пляшетъ; ни *ума въ рукахъ*, когда она ими размахиваетъ; ни *Грацій, сидящихъ у нее на щекахъ и подбородкѣ*. Простые писатели ихъ не умѣли такъ высоко летать. Они не уподобляли любовницъ своихъ ни Венерамъ, ни Діянамъ, которыхъ никогда не видывали, но почерпали сравненія свои изъ природы видимыхъ ими вещей. Напримѣръ, когда хотѣли похвалить ту, которая имъ нравится, то говаривали, что у ней:

Очи соколиныя,
Брови соболиныя,
Походка павлиная;
По двору идетъ,
Какъ лебедь плыветъ, и проч.

И л и :

Безъ бѣлилъ ты дѣвка бѣлехонька,
Безъ румянъ ты дѣвка румяна,
Ты честь хвала отцу матери,
Сухота сердцу молодецкому.

Названіе *дѣвка* было у нихъ учтиво и почтенно, потому что достоинство имени заключалось у нихъ въ достоинствѣ вещи. Нравственность ихъ въ выраженіи: *ты честь хвала отцу матери*, находила больше прелестей нежели въ *тоненькихъ ножкахъ*, *розовыхъ губкахъ и трепещущихъ грудяхъ*, которыхъ *явное трепетаніе* больше досаждало ихъ цѣломудрію, нежели нравилось ихъ сладострастію.

А. Да, изъ пѣсенъ ихъ видно, что нравы ихъ, при всей своей грубости, поближе были къ кореннымъ добродѣтелямъ, чѣмъ наши.

Б. Для того-то можетъ быть и были они таковы, что грубость ихъ не была еще разсѣяна тьмой просвѣщеній. Языкъ нѣжности ихъ имѣлъ въ себѣ также нѣчто особое отъ нынѣшняго. Они не говорили своимъ любовницамъ: *я заразился къ тебѣ страстію, я плѣнилъ себя твоими взорами, я пораженъ стрѣлою твоихъ прелестей, ты предметъ моей горячности, я тебя обожаю*, и пр. Все это чужое, не наше Руское. Они для выраженія своихъ чувствованій не искали кудрявыхъ словъ и хитрыхъ мыслей, но до-

вольствовались самыми простыми и ближайшими къ истиннѣ умствованіями, какъ напримѣръ:

Ты не вейся, не вейся трава со ракитой,
Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей:
Хорошо было свыкаться, тошно раставаться.

Они въ любви не знали пышныхъ выраженій, не уподобляли огня своего Троянскому пламени:

„И больше самъ горю, чѣмъ Пергамы пылали *).“ Нѣтъ, они говаривали:

Надежа надежа милъ сердечной другъ,
Заронилъ ты мнѣ искру въ ретиво сердце:
Безъ огня мое сердечко разгоралося,
Безъ поломя ретивое распылалося.

Сіи выраженія: *заронилъ ты мнѣ искру въ ретиво сердце, безъ огня мое сердечко разгоралося*, несравненно лучше для меня всѣхъ сихъ жеманныхъ учтивствъ, холодныхъ, обо-

---

*) Трагедія Демофонтъ. Дѣйств. 2. Явлен. 5 стихъ 58. (Пергамы старинное имя Трои). Ломоносовъ подражалъ въ семъ мѣстѣ Расину, у котораго Пирръ говоритъ Андромахѣ:

Je souffre tous les maux que j'ai faits devant Troye.
Vaincu, chargé de fers, de regrets consumé,
Brulé de plus de feu que je n'en allumé, etc.
(Andromaque tragedie de Racine. Acte I, scene 2),

Волтеръ справедливо въ семъ мѣстѣ замѣчаетъ, что ежели бы языкъ любви въ Расиновыхъ трагедіяхъ былъ вездѣ такой, чтобъ вмѣсто сердца говорилъ умъ, такъ бы безсмертныя трагедіи его давно уже съ грудою прочихъ погребены были во мракѣ забвенія.

ротовъ, удаленныхъ отъ природы вымысловъ, чужеземныхъ рѣченій, перенимаемыхъ нами съ тѣхъ языковъ, на которыхъ не льзя выразить ни *заронилъ ты мнѣ искру, ни сердечко мое разгоралося.*

А. Вы справедливы: я теперь ясно вижу, что какъ ни далеко отошли мы отъ сей пріятной простоты, однакожъ сердце еще чувствуетъ ее. Даже мнѣ кажется, что ежели разумъ свергнетъ съ себя иго навыка, то и онъ преклонится на сторону сердца.

Б. Конечно такъ. Разумъ человѣческій, гоняясь за хитростями, такъ удаляется иногда отъ простоты, что потерявшись во мракѣ умствованій, съ радостію возвращается къ прежнимъ своимъ чистымъ, природою внушеннымъ понятіямъ.

А. Вы сказали мнѣ о разныхъ представляющихся въ Рускихъ пѣсняхъ картинахъ или изображеніяхъ. Я уже видѣлъ нѣкоторыя изъ оныхъ, но желалъ бы еще взглянуть на тѣ, въ которыхъ видна любовь, разлука, или нравственность.

Б. Я охотно удовлетворю вашему желанію. Вы хотите знать такъ ли они, какъ мы, умѣли изображать свои сердечныя чувствованія? Разность между ими и нами примѣчается въ томъ, что наше сердце какъ будто не смѣетъ не спросясь у разума изъявлять любовь свою, а ихъ сердце гово-

рило то, что чувствовало. Разумъ молчалъ и не смѣлъ ему подавать совѣтовъ, зная, что онъ въ семъ случаѣ больше испортитъ дѣло, нежели поправитъ. Отсюду кажется намъ, что мы силу страсти нашей недовольно изъявимъ, когда не уподобимъ любовницу свою Венерѣ, когда не назовемъ ее божествомъ, когда не сравнимъ огонь очей ея съ солнечными лучами, и такъ далѣе. Вотъ языкъ разума. Послушайте-жъ теперь, какъ въ слѣдующей пѣснѣ говоритъ сердце:

Туманно красное солнышко туманно,
Печальна красная дѣвица печальна.
Никто ея кручинушки не знаетъ,
Ни батюшка ни матушка родные,
Ни бѣлая голубушка сестрица.
Печальна красная дѣвица печальна.
Не можешь ты злу горю пособити,
Не можешь ты мила друга забыти
Ни денною порою ни ночною,
Ни утренней зарею ни вечерней.
Въ тоскѣ своей возговоритъ дѣвица:
Я тогда мила друга забуду,
Когда подломятся мои скорыя ноги,
Когда опустятся мои бѣлыя руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками.

Вотъ языкъ сердца! Языкъ истинныхъ чувствованій! Нѣтъ здѣсь никакихъ выисканныхъ разумомъ украшеній, или увеличеній, напрягающихся изъявить силу страсти, и напротивъ уменьшающихъ или охлаждаю-

щихъ оную чрезъ отнятіе у ней простоты и естественности. Здѣсь всѣ мысли, всѣ выраженія заимствованы отъ самой природы, отъ простоты нравовъ, и отъ языка страсти. Сочинитель не сравниваетъ красавицы своей ни съ какими умственными существами, не уподобляетъ печали ея адскимъ мукамъ, но простымъ своимъ стихомъ: *въ туманѣ краснаго солнышка не видно,* даетъ мнѣ величайшее понятіе о красотѣ ея печалію помраченной.

Никто ея кручинушки не знаетъ,
Ни батюшка ни матушка родные,
Ни бѣлая голубушка сестрица.

Какою еще при печали и прелестяхъ лица украсилъ онъ ее скромностію, стыдливостію: даже сестрѣ не смѣла открыться! Притомъ какая видна здѣсь нравственность: всякую тайну дочернюю напередъ узнавалъ отецъ и мать.

Не можетъ мила друга забыти
Ни денною порою ни ночною,
Ни утренней зарею ни вечерней.

Какія простыя слова, но какимъ сильнымъ образомъ изъявляютъ чувствованіе любви!

Въ тоскѣ своей возговоритъ дѣвица:

Здѣсь разумѣется, что она сама себѣ, въ тайнѣ сердца своего, говоритъ:

Я тогда мила друга забуду,
Когда подломятся мои скорыя ноги,
Когда опустятся мои бѣлыя руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками.

Какой живой образъ смерти! Весь смыслъ стиховъ сихъ заключается въ слѣдующей мысли: *когда я умру;* но какъ языкъ страсти, безъ всякихъ выдумокъ ума, плодовитъ и краснорѣчивъ!

А. Вижу, и начинаю распознавать языкъ истинныхъ чувствованій, доходящій до глубины сердца, отъ языка холоднаго ума, тщетно покушающагося острыми выдумками своими замѣнить искренность и простосердечіе прямой любви. Не припомните ли вы какова тому примѣра? Сличеніе сихъ двухъ противуположностей показало бы яснѣе разность между оными.

Б. Въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ мы не найдемъ такихъ примѣровъ; но можемъ сыскать ихъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ, когда мы отрекшись отъ самихъ себя сдѣлались подражателями иностраннымъ, и начали простую силу ума своего мѣнять на ихъ чопорное умничанье: тогда стали появляться таковыя и подобныя симъ пѣсенки: любовникъ, прося любовницу свою, чтобъ она дала прохладу горячей его любви, говоритъ:

Коли столько было силы, что умѣла огонь дать,
Обратися вдругъ водою и потщися заливать.

И л и :

И тобою лишъ одной я на свѣтѣ и живу,
Но напрасно дарагая я живымъ уже слыву;
Можно ль быть живымъ безъ сердца, ты ко-
торо отняла,
А отнявши на промѣну своего не отдала?

А. Правда, очень видно, что это не нашъ слогъ, но подражаніе. Однакожъ и того отрицать не льзя, что уже мы болѣе не слѣдуемъ такимъ жеманнымъ, или какъ вы называете, чопорнымъ выдумкамъ ума, когда онъ безумствуетъ и на себя не походитъ. Самая мѣра стиховъ сихъ показываетъ, что они должны быть писаны въ первыя времена сближенія нашего съ иностранцами и ихъ словесностію.

Б. Часто и въ нынѣшнихъ стихахъ съ поправленною мѣрою найдете вы тожъ самое безобразное подражаніе. Но мудрено ли было сдѣлать намъ худой навыкъ? Самые учители наши, Французы, у которыхъ мы болѣе всѣхъ перенимаемъ, до временъ Корнелія и Расина писали таковымъже слогомъ. Желаете ли видѣть, какъ въ Маріаннѣ, Тристановой трагедіи, Иродъ съ наперсникомъ своимъ Саломомъ разговариваетъ? Саломъ, желая отвратить его отъ любви къ Маріаннѣ, говоритъ ему: „какое удовольствіе

„находите вы любить скалу, съ которой „непрестанно текутъ источники слезъ, и „которая любви вашей не чувствуетъ?“ Иродъ отвѣчаетъ: „ежели божественный „предметъ, который я обожаю, слыветъ „скалою, такъ это алебстровая *скала*, прі„ятная *луда* *), на которой блистаетъ все „то, чѣмъ природа соблазнить меня хотѣла. „Нѣтъ ни одного рубина, столь багрянаго, „какъ уста ея, которыя къ чему только „прикоснутся, всему сообщаютъ запахъ ам„бры, и блескъ очей ея таковъ, что мои „чувства поставляютъ ихъ по крайней мѣрѣ „въ числѣ алмазовъ **).“ Таковъ, говоритъ Лагарпъ былъ слогъ самыхъ знаменитыхъ

---

*) Слово *скала*, а особливо *луда*, мало употребительны; но точно то значатъ, что у Французовъ *roche* и *écueil*. Я употребилъ ихъ здѣсь для сохраненія точности смысла.

Salome.

**) Quel plaisir prenez-vous de chérir une roche,
Dont les sources de pleurs coulent incessement,
Et qui pour votre amour n'a point de sentiment?

Hérode.

Si le divin objet dont je suis idolâtre,
Passe pour un rocher, c'est un rocher d'albâtre,
Un ecueil agréable où l'on voit éclater
Tout ce que la nature a fait pour me tenter.
Il n'est point de rubis vermeil comme sa bouche,
Qui mêle un esprit d'ambre à tout ce qu' elle touche;
Et l'éclat de ses yeux veut que mes sentimens
Les mettent pour le moins au rang des diamans.

писателей, господствовавшій въ трагедіяхъ, поэмахъ, и вообще во всемъ краснорѣчіи въ то время, когда Корнелій написалъ своего Сида. Можно ли послѣ сего повѣрить тѣмъ Рускимъ писателямъ, которые говорятъ, что языкъ нашъ не установленъ, что мы не имѣемъ образцовъ, и проч.? Да какіежъ образцы лучше: тѣ ли, которые мы въ духовныхъ нашихъ пѣснопѣніяхъ и въ простонародномъ языкѣ находимъ, или тѣ, которые въ Тристанахъ и другихъ подобныхъ ему писателяхъ предстояли Корнелію и Расину? Но оставимъ сіи разсужденія: онѣ далеко насъ заведутъ. Обратимся лучше къ нашимъ пѣснямъ. Разсмотримъ одну изъ нихъ такую, въ которой описывается свиданіе и разлука двухъ соединенныхъ узами любви сердецъ:

На восходѣ красна солнышка,
На закатѣ свѣтла мѣсяца,
Не соколъ леталъ по поднебесью,
Молодецъ ходилъ по бережку.
Онъ не скоро шелъ, снаравливалъ,
Во зеленой садъ заглядывалъ,
Самъ кручинясь проговаривалъ:
Ужъ всѣ пташечки проснулися,
Другъ со другомъ повидалися,
Сизыми крыльями обнималися;
Лишь одна моя голубушка
Лебедь бѣла красна дѣвица,
Что прилука молодецкая,
Крѣпко спитъ теперь во теремѣ:
Знать ей милой другъ не грезится,

Знать о мнѣ она не думаетъ.
Мое сердце разрывается,
Что съ надежей не встрѣчается.

Разберите сіи стихи, вы найдете въ нихъ искусное расположеніе и приличность мыслей. Здѣсь все то сказано, что раждаетъ въ умѣ слушателя пріятныя напоминовенія, и побуждаетъ сердце его къ принятію участія въ жалобахъ любовника. Во первыхъ разлучающаяся чета, то есть любовникъ и любовница, представлены оба въ прекраснѣйшемъ видѣ: онъ *молодецъ превосходнѣйшій летающаго по поднебесью сокола*, она *лебедь бѣлая и прилука молодецкая.* Во вторыхъ, въ уста любовника вложена пренѣжная жалоба; *всѣ птички*, говоритъ онъ, *проснулися, успѣли уже повидаться и обнять другъ друга крылышками, одинъ я не вижу моей милой; знать она не думаетъ обо мнѣ.* Въ третьихъ часъ дня избранъ самый пріятнѣйшій: *между закатомъ свѣтла мѣсяца и восходомъ красна солнышка.*

А. Однако это очень рано.

Б. Для насъ, спящихъ до полудни, конечно очень рано. Мы въ такую пору не видаемся съ своими любовницами. Но надобно воображать себя въ состояніи тѣхъ людей, которые никогда не просыпаютъ солнечнаго восхода, и пробуждаются вмѣстѣ съ пробужденіемъ всей природы. Наконецъ ожидае-

мая съ нетерпѣливостію любовница появляется, но въ какомъ видѣ?

Идетъ дѣвица изъ терема,
Что бѣло лице заплакано,
Ясны очи помутилися,
Бѣлы руки опустилися.

Мы не такимъ образомъ описываемъ нынѣ печаль красавицъ, но сія безмолвная кручина: *ясны очи помутилися, бѣлы руки опустилися*, едва ли не лучше сихъ влагаемыхъ нами въ уста любовницъ восклицаній: *о рокъ! о лютый рокъ! Я рвусь, терзаюсь*, и тому подобныхъ. Часто самыя легкія черты живѣе изобразятъ печаль, не тѣ ли всѣ излишно придуманныя слова. Посмотримъ теперь послѣднее ихъ свиданіе.

Не стрѣла сердце поранила,
Не змѣя его ужалила . . . .

Чтожъ такое? Какою еще и сихъ жестокихъ язвъ лютѣйшею мукою пораженъ онъ былъ?

Красна дѣвица промолвила:
Ты прости прости мой милой другъ,
Ты прости душа отецкой сынъ:
Ввечеру меня помолвили,
Завтра будутъ поѣзжалые,
Повезутъ меня въ церковь Божію:
Я достануся иному другъ,
И вѣрна буду по смерть мою.

Мы по нынѣшнимъ нашимъ нравамъ скажемъ: какой холодной конецъ! Такъ; но поставимъ

себя въ тѣ времена, когда бракъ для цѣломудренной женщины былъ гробомъ всѣхъ ея сердечныхъ склонностей. Она жила одному только мужу, всему прочему умирала.

А. Я расположеніемъ и мыслями сей пѣсни весьма доволенъ, и не знаю отъ чего разлука сія, при всей своей холодности, кажется мнѣ жалчѣе, нежели когда бы оба они упали въ обморокъ.

Б. Для того, что печаль ихъ безъ всякихъ излишествъ естественна. Одинъ сей стихъ: *ты прости прости мой милой другъ*, показываетъ, какъ тяжело было сердцу ея разставаться съ нимъ. Одно сіе слово: *меня помолвили*, безъ всякаго роптанія на отца и мать даетъ любовнику знать, что она оставляетъ его по неволѣ. Одно сіе рѣченіе: *повезутъ меня въ церковь Божію*, безъ всякой проповѣди о должностяхъ супруги, достаточно въ миломъ другѣ ея родить почтеніе къ ней, и безъ оскорбленія признать необходимыми слова ея: *и вѣрна буду по смерть мою*. Истинная печаль молчалива. Никогда *болтливость* не составляла ея свойства. Агамемнонъ присылаетъ Глашатаевъ своихъ къ Ахиллу, дабы взять у него прекрасную дочь Брисееву. Гомеръ печаль и разлуку ихъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Патроклъ вводитъ унылую красоту въ шатеръ Ахилла, сидящаго въ мрачныхъ мы-

„сляхъ оперши сь на свое оружіе; Глашатаи „берутъ ее подъ руку; она въ скромной пе„чали задумчива и безмолвна проходитъ „мимо его, идетъ медленно по берегу и ча„сто озирается назадъ.“ Вотъ самая тихая разлука, но какая чувствительная! Безмолвіе говоритъ здѣсь больше, нежели всякое краснорѣчіе. Разсмотримъ теперь пѣсню, въ которой описывается нещастіе человѣческое:

Ты нещастной доброй молодецъ,
Безталанная головушка!
На роду тебѣ написано
Со младыхъ дней горе мыкати:
Въ колыбелѣ родной матери,
Въ малыхъ лѣтахъ ты отца отсталъ;
Во слезахъ прошелъ твой красный вѣкъ,
Во стенаньи молоды лѣта.

По изображеніи толь рѣзкими чертами нещастія сего добраго молодца, сочинитель представляетъ его, что наконецъ думалъ онъ единственное благополучіе свое найти въ любви, и обращаясь къ избранной имъ невѣстѣ говоритъ:

Ты зазноба, ты зазнобушка,
Ты прилука молодецкая,
Красна дѣвица отецка дочь!
Твои очи соколиныя,
Твои брови соболиныя,
Руса̀ коса̀ красота твоя,
Приманили къ тебѣ мо̀лодца
Прилучили безталаннаго.

Сіе описаніе прелестей избранной имъ невѣсты конечно уже не во нравахъ нашихъ, и далеко отходитъ отъ того рода описаній или привѣтствій, какія дѣлаемъ мы нашимъ красавицамъ, изъ коихъ не только тѣ, которыя по непонятной къ чужому языку страсти затворили входъ въ сердце свое всякимъ Рускимъ словамъ; но даже и тѣ, въ которыхъ осталась еще искра ума, твердящая имъ, что не должно гнушаться своимъ языкомъ, даже и тѣ, не позволятъ уже назвать себя ни *зазнобушкою*, ни *прилукою молодецкою*, ни *отецкою дочерью*. Онѣ насъ не поймутъ, естьли мы имъ скажемъ: *ты меня къ себѣ прилучила*, и можетъ быть иная изъ нихъ разсердится, ежели мы очи ея уподобимъ *соколинымъ очамъ*, брови *соболинымъ бровямъ*, и ничего лучшаго у ней не примѣтимъ, какъ только одну ея *русую косу*, которую часто и примѣтить не льзя, потому что она отрѣзана! Однако не взирая на сію разность въ одеждѣ, въ обычаяхъ, и слѣдственно въ образѣ мыслей и выраженій, мы видимъ еще сіи простые наряды, слышимъ еще сіе простое нарѣчіе, и когда *воспитаніе и переимчивость* не совсѣмъ отвратили умъ нашъ отъ всего отечественнаго, то сердце любитъ еще оныя.

А. Мнѣ кажется мы съ сими выраженіями въ нашемъ языкѣ, или въ нашихъ книгахъ,

встрѣчаемся точно такъ, какъ съ единоземцами въ чужой землѣ.

Б. Похоже на то: съ токовою же рѣдкостію и пріятностію. Но обратимся къ нашей пѣснѣ. Сочинитель весьма удачно и остроумно продолжаетъ говорить о щастіи, какое *безталанный доброй молодецЪ* думалъ найти въ прелестяхъ своей невѣсты:

Въ красотѣ твоей дѣвической,
Въ твоей младости и разумѣ,
Чаялъ онъ сыскать отца и мать;
На устахъ твоихъ надѣялся
Онъ размыкати тоску и грусть,
Въ очахъ твоихъ надѣялся
Потопить свое безщастіе.

Сіи стихи достойны того, чтобъ подробно вникнуть въ оные. Для того разсмотримъ сперва заключающуюся въ нихъ мысль, а потомъ замѣтимъ выраженія. Первые три стиха описываютъ семейственное щастіе, послѣдніе четыре сладость любви. Достоинство невѣсты представлено таковымъ, что сирота и самый нещастнѣйшій человѣкъ надѣялся найти въ ней оба сіи блаженства, то есть душевное и чувственное. Можно ли что нибудь лучше сего придумать къ изображенію благополучнаго брака? Разсмотримъ теперь выраженія:

Въ красотѣ твоей дѣвической,
Въ твоей младости и разумѣ,
Чаялъ онъ сыскать. . . .

Что такое сыскать? Верховное благо семейственнаго щастія: *отца и мать!* Какая вмѣстѣ съ величайшею похвалою невѣсты, величайшая похвала нравамъ!

На устахъ твоихъ надѣялся. . . .

Что надѣялся? разбить, разсѣять, разогнать. . . ? Нѣтъ! *размыкать* тоску и грусть. Сіе слово *размыкать*, не взирая на то, что мы нынѣ въ подобномъ случаѣ употребить онаго не осмѣлимся, не можетъ съ равною силою смысла ни какимъ другимъ словомъ быть замѣнено.

Въ очахъ твоихъ надѣялся. . . .

Что еще надѣялся? найти утѣшеніе? Почерпнуть отраду? . . . . Нѣтъ! *потопить*, свое безщастіе. *Очи ея*, при словѣ *потопить*, не иначе воображаются мнѣ, какъ моремъ радости и веселія. Подобныя сему слова Буало называетъ *trouvés* (найденныя). Я бы въ нашемъ языкѣ, по моему, назвалъ ихъ *ладными*, то есть приходящими въ ладъ.

А. Стихи сіи очень хороши. Я бы желалъ только, чтобъ пятой и седьмой стихъ кончились не на одномъ и томъже глаголѣ.

Б. Всѣ приводимыя мною изъ пѣсенъ нашихъ мѣста́ не ставлю я вамъ въ образецъ искуснаго, мѣрнаго и правильнаго сложенія стиховъ; они далеки отъ той строгости,

какая нынѣ требуется; но естественность мыслей, простота подобій, истинна чувствованій и приличіе словъ, часто бываютъ въ нихъ столь превосходны, что мы рѣдко находимъ то въ самыхъ правильныхъ и ученымъ образомъ составленныхъ стихахъ.

А. Это правда: сочинитель сей пѣсни умѣлъ произвесть во мнѣ сожалѣніе къ сему нещастному человѣку, и я бы желалъ, чтобъ онъ напослѣдокъ въ объятіяхъ любви достойной супруги нашелъ покой и утѣшеніе.

Б. Конецъ сей пѣсни произведетъ въ васъ еще бо́льшее сожалѣніе. Послушайте:

Ахъ какъ ягодѣ калинушкѣ
Не бывать во вѣкъ малинушкой,
Не бывать такъ горемышному
Вѣкъ во щастьи и во радости;
Красна дѣвица скончалася . . . .
Ты безщастье, ты безгодье зло!
До чего тебѣ домыкати
Сиротинушку, дѣтинушку,
Безталанна, горемышнаго?
Ужъ ни въ чемъ ему удачи нѣтъ,
Ни талану на бѣло́мъ свѣту;
Знать таланъ его скрываетстя
Въ четырехъ доскахъ въ сырой земли.

А. Теперь вижу, что какъ ни вышли изъ употребленія у насъ слова *горемышный*, *безгодье*, *безталанный*, и какъ ни чужды для насъ сіи простыя, но естественныя подобія *не бывать калинушкѣ малинушкою*, однакожъ не взирая на то, когда мы безъ предубѣ-

жденія вникнемъ въ расположеніе сей пѣсни и въ смыслъ каждаго слова и выраженія, то не можемъ отрицать, чтобъ сочинитель, искавшій возродить въ насъ жалость къ нещастію человѣческому, не достигъ до своего намѣренія. Одно только меня останавливаетъ: почему красная дѣвица или красота дѣвическая названа *зазнобою*, то есть словомъ, происходящимъ отъ глагола *зябнуть*, когда женскія прелести раждаютъ въ насъ огонь и пламень?

Б. Составъ сего слова дѣйствительно таковъ, что заключающуюся въ немъ мысль не скоро проникнуть можно, потому что оная почерпнута не прямо отъ самой причины, но отъ слѣдствія производимаго сею причиною и совершенно ей противнаго. Понятіе, отъ котораго сіе слово произведено, есть слѣдующее: когда человѣкъ зазнобитъ какую нибудь часть тѣла своего, тогда изъ хлада раждается огонь, и сія больная часть начинаетъ горѣть самымъ сильнѣйшимъ жаромъ. Итакъ назвать красавицу *зазнобою* есть не только самое страстное, но вмѣстѣ и самое почтительнѣйшее для нее выраженіе; ибо предполагаетъ ее добродѣтельну, строгу, неприступну, и симъ хладомъ своимъ, или соединеннымъ съ прелестями цѣломудріемъ, *зазнобляющу* сердце, то есть дѣйствіемъ мраза воспаляющую въ немъ

жарчайшій пламень, но такой, которой раждающимся отъ почтенія страхомъ, удерживается, застываетъ, не смѣетъ отказываться.

А. Въ самомъ дѣлѣ заключающаяся въ семъ словѣ мысль весьма естественна и замысловата. Сколько мнѣ извѣстно, я не знаю ни въ какомъ языкѣ не только равносильнаго, ниже равнозначущаго сему слова. Такое понятіе не могло родиться, какъ токмо въ мозгу народа, живущаго въ холодныхъ сѣверныхъ странахъ. Я весьма доволенъ симъ словомъ, но признаюсь, что *прилучить* и *прилука* не совсѣмъ для меня ясны.

Б. Я увѣренъ, что вы столькоже довольны будете сими словами, когда знаменованіе ихъ достаточно изслѣдуете. Ежели мы подъ словами *разлучить*, *отлучить* разумѣемъ удаленіе одной вещи отъ другой, то уже конечно подъ словомъ *прилучить* не иное что разумѣть можемъ, какъ приближеніе одной вещи къ другой. Напримѣръ, если мы, говоря о магнитѣ, скажемъ, что онъ однимъ концемъ отлучаетъ, а другимъ прилучаетъ къ себѣ желѣзо, то весьма ясно, что глаголы *отлучаетъ* и *прилучаетъ* значатъ здѣсь тоже, что отдаляетъ и приближаетъ, или отталкиваетъ и привлекаетъ. Слѣдовательно въ стихахъ:

Твои очи соколиныя,
Твои брови соболиныя,
Руса̀ коса̀ красота твоя,
Приманили къ тебѣ молодца,
Прилучили безталаннаго,

Глаголъ *прилучили* значитъ: *сдѣлали то, что я всегда къ тебѣ стремлюсь, и не могу жить въ отдаленіи отъ тебя.* Равнымъ образомъ выраженіе: *ты прилука молодецкая*, заключаетъ въ себѣ точно такуюже мысль, какъ бы кто любезной своей сказалъ: *ты все, что въ мужескомъ полѣ есть юнаго, влечешь къ себѣ.* Я не думаю, чтобъ какая нибудь женщина могла быть недовольна сею мыслію, а потому и считаю, что *прилука молодецкая* тогда только не понравится ей, когда она не будетъ разумѣть сихъ словъ.

А. Вы правду сказали: я такъ теперь люблю простонародную *зазнобушку* и *прилуку*, что всѣ наши: *ангелъ мой*, *дражайшая*, *обожаемая*, *безподобная*, *предметъ любви моей*, и чужія *ma chere*, *mon amour*, *ma mignone*, и проч., ничего предъ ними не стоятъ.

Б. Я ожидалъ отъ васъ этова. Но обратимся къ нашимъ пѣснямъ. Вы видите, что разные сочинители оныхъ умѣли различными образами вамъ понравиться: иной представилъ вамъ жалкое зрѣлище на чистомъ полѣ; другой описалъ вамъ дикую страну и горы съ изображеніемъ на нихъ страшнаго

вида смерти; третій восхитилъ васъ печалію и мечтаніями юнаго воина при гробѣ великаго мужа; четвертый оживотворилъ предъ вами рѣку; пятый умилилъ сердце ваше изъявленіемъ силы любовной страсти; шестой привелъ васъ въ сожалѣніе описаніемъ о разлукѣ двухъ любящихся; седмой исторгъ изъ груди вашей вздохъ о нещастіи человѣческомъ. Послушайте же теперь, какъ еще одинъ произведетъ въ васъ сострадание не къ подобному вамъ человѣку, но къ безсловесной твари. Вотъ его пѣсня:

Какъ на дубчикѣ два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися.

Какое нѣжное и пріятное изображеніе, сдѣланное для того, дабы слѣдующимъ приключеніемъ произвесть въ насъ болѣе жалости.

Отколь ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Онъ ушибъ, убилъ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова.

Послѣдній стихъ есть повтореніе, но какое прекрасное повтореніе!

Онъ кровь пустилъ по сыру́ дубу,
Раскидалъ перья по чисту́ полю,
Онъ пухъ пустилъ по поднебесью.

Можно ли что нибудь величавѣе сказать о власти сокола, и жалостнѣе о смерти голубя?

Какъ растужится, разворкуется,
Сизая голубушка по голубчикѣ,
По голубчикѣ мохноногенькомъ.

Голубушка и *голубчикъ* тѣмъ болѣе знаменательны здѣсь, что заключаютъ въ себѣ сугубый смыслъ: во первыхъ означаютъ птицу, во вторыхъ ласку или привѣтствіе, какое обыкновенно подъ сими словами разумѣется. Попытайтесь на другомъ языкѣ выразить сіе тоскливое состояніе: *какъ растужится, разворкуется*; попытайтесь сыскать слово *мохноногенькой*.

Какъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
Ты не плачь, не плачь сиза голубушка,
Сиза голубушка по своемъ голубчикѣ:
Полечу ли я на сине море,
Пригоню тебѣ голубей стадо:
Выбирай себѣ сизова голубя,
Сизова голубя мохноногова.
Какъ возговоритъ сиза голубушка:
Не лети соколъ на сине море,
Не гони ко мнѣ голубей стадо,
Вить то ужъ будетъ мнѣ другой вѣнецъ,
Малымъ голубятушкамъ не родной отецъ.

Какою кротостію, какою чувствительностію преисполненъ сей отвѣтъ голубкинъ ясному соколу! Она не сдѣлала ему никакихъ укоризнъ, никакихъ упрековъ; не изъявила горести своей ни какими жалобами, ни какими восклицаніями; но между тѣмъ прилично свойственной роду своему кротости и вѣрности, ясно изобразила, какъ

люто поступилъ онъ съ нею, и какою нещастною сдѣлалъ ее на вѣки.

А. Ахъ! эта голубка простымъ своимъ стихомъ:

Малымъ голубятушкамъ не родной отецъ.

Такую сильную сказала правду, что я, изъ соболѣзнованія къ ней, растерзалъ бы этова злова сокола.

Б. Ваше на него сердце есть самая лучшая похвала сочинителю. Иная пѣсня непритворнымъ образомъ описываетъ нравы и благополучную или нещастную семейственную жизнь, какъ напримѣръ слѣдующая:

Выдала меня матушка далече за мужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати подолгу гостити.
Лѣто проходитъ, матушки нѣту;
Другое проходитъ, сударыни нѣту;
Третье въ доходѣ, матушка ѣдетъ.
Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
Что это за баба? что за старуха?
Я вить не баба, я не старуха,
Я твое, матушка, милое чадо.
Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?
Бѣлое тѣло на шелковой плѣткѣ,
Алой румянецъ на правой на ручкѣ:
Плѣткой ударитъ, тѣла убавитъ;
Въ щеку ударитъ, румянцу не станетъ.

А. Пѣсня эта очень хорошо сложена. Нещастіе жены, выданной за злонравнаго мужа,

безъ всякихъ шумныхъ отъ ней жалобъ и стенаній, живо и довольно жалко изображено; разговоръ съ матерью хорошо придуманъ; а особливо нравится мнѣ сей замысловатый отвѣтъ, что *бѣлое тѣло ея на шелковой плѣткѣ, а румянецъ на правой рукѣ у мужа*; но между тѣмъ пѣсня сія имѣетъ въ себѣ ту непріятную мысль, что мужъ бьетъ жену свою плетью и по щекамъ.

Б. Пѣсня не виновата, она описываетъ нравы. Читая таковыя сочиненія, мы должны воображать себя въ томъ состояніи людей, въ которомъ это важивалось или водится. Мы нынѣ конечно гнушаемся обычаемъ бить женъ своихъ, однако, при всемъ истребленіи сей нравственной жестокости, врядъ можемъ ли похвастать, чтобъ семейственная жизнь наша была щастливѣе, нежели между простыми людьми. Впрочемъ не заключайте по сему ихъ грубому съ нѣжнымъ поломъ обращенію, чтобъ жены ихъ были меньше нашихъ свободны, и никогда надъ мужьями своими не господствовали. Слѣдующая пѣсня вамъ это докажетъ:

Заманила меня жена по малину,
Привязала меня жена ко березѣ;
Недѣлюшку цѣлую гуляетъ,
На другую недѣлюшку приходитъ:
Хорошо ли ты мужъ живешь, жируешь?
Какое мое жонушка жированье:
Мнѣ комарики всѣ ножки истючили,

Мнѣ еловая кора приглодалась,
Мнѣ болотная водица припилася.
Ты отпустишь ли мужъ меня въ гости?
Государыня жена, хотя къ Москвѣ.
Ты на ночку, на другую и на третью?
Государыня жена, хоть на недѣльку.
Ты встрѣтишь ли меня на дворѣ?
Государыня жена, хотя въ полѣ.
Ты поклонишся ль мнѣ въ поясъ?
Государыня жена, хотя въ землю.

А. Какъ вообразить себѣ такую противуположность во нравахъ, какую сіи двѣ пѣсни изъявляютъ? По одной изъ нихъ мужъ есть мучитель своей жены, а по другой рабъ и невольникъ.

Б. Таковыя противности во многихъ вещахъ примѣчаются: не рѣдко при первомъ взорѣ рабство намъ кажется свободою, а свобода рабствомъ. Нѣтъ ничего похожѣе и различнѣе, какъ сердце одного человѣка съ сердцемъ другаго. Часто притворная учтивость и ласка гораздо больше имѣютъ въ себѣ жестокости, нежели чистосердечная грубость.

А. Изъ всѣхъ приведенныхъ вами примѣровъ кажется мнѣ, что Руское стихотворство отлично отъ всѣхъ прочихъ: оно особенно принадлежитъ нашему языку, и мы можемъ находить въ немъ не только хорошія мысли и выраженія, но даже собственную свою мѣру и стопопаденіе, пріятное и правильное.

Б. Безсомнѣнія. Вы могли во многихъ мѣстахъ примѣтить, что нѣкоторые стихи особливо языку нашему свойственны, а другіе общи намъ со всѣми древними и новыми языками, какъ напримѣръ:

Онъ ударитъ коня
По крутымъ по бедрамъ,
Какъ по твердымъ горамъ.

Вы видите здѣсь чистые двустопные анапесты. Впрочемъ ежели гдѣ въ другихъ мѣстахъ стопопаденіе и мѣра нарушены, то сіе произошло можетъ быть отъ ошибокъ переписщиковъ или перескащиковъ; а поправить сіи ошибки весьма трудно; ибо поправки или придѣлки въ древнихъ стихотвореніяхъ, равно какъ и въ древнихъ истуканахъ и картинахъ, часто бываютъ такъ видны, какъ на старомъ платье новыя заплаты.

А. По чему же такъ?

Б. Потому, что трудно, а особливо въ продолжительномъ сочиненіи, сохранить, свойство языка, такъ чтобъ начавъ писать простымъ старымъ слогомъ вездѣ наблюдать оный, вездѣ говорить словами и оборотами приличными тому времени, не поднимаясь и не опускаясь ни выше ни ниже, и не смѣшивая оныхъ съ новыми тогда не извѣстными выраженіями; ибо ежели вы сперва начне-

те говоришь мнѣ старымъ любовнымъ языкомъ: *любчикъ мой любчикъ, сизинькой голубчикъ*, и послѣ тотчасъ сойдете на *срывать улыбку съ устъ предмета нѣжности моей*, то вы чрезъ смѣшеніе разныхъ временъ и слоговъ произведете нѣкую странную пестроту. Ежели бы изъ сихъ стиховъ:

Зашумѣлъ народъ на площади,
Какъ шумитъ Каскадъ въ стремленіи *).

Во второмъ стихѣ сказано было:

Какъ шумятъ пороги быстрые,

Такъ бы воображеніе мое не встрѣтило ни чего такаго, чтобы отрывало его отъ той древности, къ какой стихи сіи относятся. Но слово *каскадъ* разрушаетъ всю его забывчивость. Равнымъ образомъ когда я прочитаю:

На закатѣ свѣтла мѣсяца,
На восходѣ солнца краснаго . . . .

И чрезъ пять или шесть стиховъ стану читать:

*) Выписывая примѣры для показанія погрѣшностей, я не показываю книгъ откуда ихъ взялъ; но естьли кто изъ благосклонныхъ читателей примѣтитъ оное, то прошу его не подумать, что я чрезъ то самого сочинителя, или всѣ его сочиненія охуждаю; отнюдь нѣтъ: я говорю только о выстановленномъ мною мѣстѣ или стихѣ, не входя ни мало въ общее сужденіе о дарованіяхъ писателя; ибо какъ въ худомъ изъ оныхъ могутъ иногда найтиться хорошія мѣста или выраженія, такъ и въ хорошемъ худыя.

Вотъ картина продолженія
Сей эпохи достопамятной.

Тогда *картина продолженія эпохи* тотчасъ и весьма живо представитъ мнѣ разность языка и слога между двумя первыми и двумя послѣдними стихами; ибо можно смѣло утверждать, что въ тѣ времена, къ какимъ два первые стиха относятся, не пришло бы никому въ голову сказать *картина эпохи*, и еще меньше *картина продолженія эпохи*.

А. Не ужъ ли же въ старый слогъ не должно вмѣшивать ничего новаго, или въ новый стараго?

Б. Напротивъ, всячески должно о томъ стараться; ибо симъ однимъ средствомъ словесность наша процвѣтетъ и обогатится. Но сила въ томъ, что къ этому потребно великое въ языкѣ своемъ упражненіе, безъ котораго писатель не можетъ произвесть превосходнаго сочиненія, подобно какъ живописецъ не можетъ написать прекрасной картины, когда не пріобрѣлъ свѣденія и навыка искусно подбирать тѣни и краски. Молодые стихотворцы весьма похвально дѣлаютъ, что стараются возобновить старинный нашъ слогъ и древнее стихосложеніе; но недовольно подражать одному размѣру стиховъ; надобно, такъ сказать, напитаться мыслями, выраженіями,

словами нашихъ предковъ; надобно умѣть у нихъ заимствовать, дабы въ новомъ нарѣчіи сохранить важность, великолѣпіе, силу, краткость и пріятность прежняго языка. Красоты мыслей никогда не старѣются. Итакъ ежели вы такимъ образомъ сочетовать ихъ станете, что старая красота будетъ казаться новою, а новая старою, тогда въ слогѣ вашемъ не будетъ никакой пестроты, и читатель съ восхищеніемъ увидитъ въ васъ прелести *Игоревой пѣсни*, перемѣшанныя съ прелестями *душеньки*, такъ искусно, что онѣ вмѣстѣ гораздо лучше, нежели порознь. Нѣкоторые новѣйшіе писатели наши весьма искусно подражали сему старинному въ пѣсняхъ слогу. Таковое подражаніе нахожу я въ одной изъ передѣланныхъ пѣсенъ, въ которой влюбившаяся дѣвушка, жалуясь на нескромные о томъ людскіе толки, говоритъ:

Злые люди все украдкою глядятъ,
Меня бѣдную заочно всѣ бранятъ.
Какъ же слушать пересудовъ мнѣ людскихъ?
Сердце любитъ не спросясь людей чужихъ,
Сердце любитъ не спросясь меня самой.
Вы уймитесь, злые люди, говорить;
Не уйметесь, научите не любить.
Потужите лучше въ горѣ вы со мной.
Было время, и на васъ была бѣда:
Чье сердечко не болѣло никогда?

Вотъ языкъ старинной простоты! Вотъ слогъ во всѣ времена и всякому сердцу пріятной!

А. Вы мнѣ говорили о старинныхъ сочиненіяхъ нашихъ, о народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ, но хотѣли упомянуть нѣчто и о пословицахъ.

Б. Пословицы наши могутъ также, какъ и народныя сказки и пѣсни, снабжать писателя мыслями, оборотами языка, и служить къ подкрѣпленію силъ его и знаній въ словесности. Онѣ суть краткія поученія, содержащія въ себѣ всѣ нужнѣйшія въ общежитіи добродѣтели, и показующія благіе нравы тѣхъ, между которыми таковыя правила существовали и существуютъ. Возмемъ напримѣръ главнѣйшую добродѣтель богопочитаніе, сколько найдемъ мы такихъ пословицъ и поговорокъ, которыя простыми, но краткими и сильными выраженіями возбуждаютъ въ насъ любовь къ Богу, утверждаютъ насъ къ терпѣнію во всякомъ состояніи. Таковы напримѣръ суть слѣдующія:

Добръ отецъ до дѣтей,
Добръ и Богъ до людей.

Или:

Въ бѣдѣ не унывай,
На Бога уповай.

Или:

Голенькой охъ,
А за голенькимъ Богъ.

Или:

Богатъ Богъ милостію (и проч.)

Сія послѣдняя пословица при всей своей простотѣ и краткости заключаетъ въ себѣ сильную мысль; ибо всякое богатство, хотябъ оно было безчисленнѣе песку и капель въ моряхъ, поставляетъ скудостію, или ни чѣмъ, въ сравненіи съ богатствомъ, съ изобиліемъ божеской милости. Она говоритъ: нѣтъ ничего богатаго въ подсолнечной, *богатъ Богъ милостію.*

Часто бываетъ, что человѣкъ невинно страждетъ, и неправедно обвиняется: нещастное состояніе, удобное вывесть изъ всякаго терпѣнія и ввергнуть въ уныніе и отчаяніе. Въ такомъ случаѣ какое утѣшительное любомудріе и какую твердость духа влагаетъ въ насъ сія пословица:

Когда нѣту стыда,
Умереть не бѣда!

Какое священное правило нравственности и добродѣтели заключается въ сихъ не многихъ словахъ! Стыда, угрызенія совѣсти, должно больше бояться, нежели самой смерти. Подобно сему Ѳемистоклъ у Метастазія говоритъ дѣтямъ своимъ: l'orror vi faccia la colpa, non il castigo: ужасайтесь преступленія, а не казни. Всегда въ пословицахъ на-

шихъ храненіе чистой совѣсти и праводушія поставляется высочайшею обязанностію:

За доброе имя и честь
Приготовься и голову несть.

Слава, храбрость и презрѣніе смерти въ бояхъ, всегда были отличнымъ свойствомъ Славянъ. Предки наши говаривали:

Смерть лишь ребячья да бабья гроза,
А бойцамъ молодцамъ не воротитъ глаза.

Такъ думали они, когда оборона отъ нападенія вражды или зависти принуждала ихъ исторгать свой мечъ; но впрочемъ брань и убійство почитали всегда порокомъ, изъявляя отвращеніе свое къ несправедливому бою сими словами: *на зачинающаго Богъ.*

Склонность къ милосердію видна во многихъ нашихъ пословицахъ. Единое признаніе и раскаяніе въ преступленіи почиталось уже достаточною причиною къ обезоруженію гнѣва или правосудія. Строгій законъ, видя кающагося преступника, отлагалъ суровость свою и устами человѣколюбія произносилъ: *повинную голову и мечъ не сѣчетъ.* Самая злоба и мщеніе долженствовали довольствоваться единократнымъ наказаніемъ преступившагося предъ ними, не смѣя повторять своихъ ударовъ и гоненій; ибо народное мнѣніе: *съ одного вола по двѣ кожи не дерутъ*, ихъ отъ того удерживало.

Гостепріимство всегда было добродѣтелію Рускаго народа. Гдѣ только есть рубище и кроха хлѣба, тамъ нагота прикрыта и голодъ утоленъ. Щедролюбивый хозяинъ, предлагая гостю все, что имѣлъ у себя лучшаго, съ чистосердечнымъ удовольствіемъ говаривалъ: *радомъ битчеломъ* или *чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.*

Благодѣтельствовать подобнымъ себѣ и возбуждать въ сердцахъ ихъ благодарность почиталось таковоюже предусмотрительностію, какъ садить сѣмена въ ожиданіи рано или поздо отъ нихъ себѣ плодовъ и корысти: пословица, *кинь хлѣбъ соль назадъ, будетъ впереди,* то доказываетъ.

Помогать бѣдному каждый почиталъ за долгъ и за такую притомъ маловажную щедроту, которая ничего не стоитъ, какъ скоро всѣ вообще будутъ сострадательны. Отсюду пословица: *съ міру по нитки, голому рубашка.*

Но я бы въ безпредѣльное пустился море, естьли бы захотѣлъ всѣ оныя припомнить и силу ихъ истолковать. Сколько есть такихъ, которыя по заключающемуся въ нихъ нравоученію не должны никогда выходить изъ нашей памяти, какъ напримѣръ сіи:

Дружбу помни, а злобу забывай.
Благо плывучи помни бурю.

Займы платежемъ красны.
Женщинѣ красота домостройство.
Златое время молодыя лѣта.
Злая совѣсть хуже палача.
Волю неволя учитъ.
Безъ пастуха овцы не стадо.
Всякое время переходчиво.

И множество другихъ. Сколько также шутливыхъ, но заключающихъ въ себѣ много соли и правды, таковыхъ какъ:

Шило въ мѣшкѣ не утаишь.
И то зубы, что кисель ѣдятъ.
Всякой молодецъ на свой образецъ.
Воронѣ соколомъ не быть.
Пѣшей конному не товарищъ.
Гдѣ тонко, тутъ и рвется.
Дураку законъ не писанъ.
Доброй конецъ все дѣло вѣнчаетъ.

И тому подобныхъ.

А. Нѣтъ ли еще какихъ источниковъ, изъ которыхъ бы любитель языка и словесности могъ почерпать нѣчто полезное для обогащенія своихъ познаній?

Б. Безсомнѣнія есть, но оныя токмо случайно попадаться могутъ. Надлежитъ для сего стараться отыскивать всякаго рода рукописи, въ которыхъ, не смотря на различіе слога, и даже иногда на худость онаго, часто встрѣчаются достойныя примѣчанія мѣста, или мысли хорошія, или несправедливо забытыя выраженія и слова.

Весьма не худо таковыя рукописи прочитывать со вниманіемъ, и оставляя то, что въ нихъ худо, пользоваться тѣмъ, что хорошо. Мнѣ случилось видѣть большую рукописную книгу въ листъ, содержащую въ себѣ разныя стихотворенія. Слогъ въ ней особой, не подходящій ни къ высокому Славенскому, ни къ простонародному, какимъ писаны лѣтописи наши, ниже къ нынѣшнему нашему нарѣчію; языкъ не чистый и во многихъ мѣстахъ темный; однакожъ при всемъ томъ есть въ ней много любопытства достойнаго.

А. Не упомните ли вы какихъ нибудь стиховъ изъ сей книги?

Б. Она не больше получаса была въ моихъ рукахъ. Изъ весьма не многаго, что я успѣлъ прочитать въ ней, выписалъ я изъ разныхъ мѣстъ для любопытства слѣдующіе стихи. Любовница, разсуждая о любезномъ своемъ, говоритъ:

. . . . . . И всегда
Здѣбъ сидѣла,
На тя зрѣла.
Сердцемъ, не глазомъ, о мой прелюбимый!
Зракъ свой питалабъ, зракъ ненасытимый;
Безъ всякаго страха внутрь и внѣ, въ дни и въ ночи,
Ахъ! какъ бы тоскливыя напасла я очи!

А. Чтожъ такое находите вы примѣчанія достойнаго въ сихъ стихахъ?

Б. Читая подобныя сочиненія не должно останавливаться на томъ, что въ нихъ сказано: *здѣбъ сидѣла, на тя зрѣла.* Истинный любитель словесности смотритъ на истину чувствованія, на разумъ и красоту рѣчи, а не на прибавку или убавку буквъ въ нѣкоторыхъ ея словахъ. Для того не можетъ онъ отрицать, чтобъ въ сей мысли не заключалась нѣкая сила страсти: *здѣсь бы я всегда сидѣла, и на тебя, мой любезной, смотрѣла сердцемъ, не глазами.* Равнымъ образомъ и въ послѣдующихъ стихахъ примѣчаются столь же страстныя выраженія: *безъ всякаго страха питала бы зракъ мой, зракъ ненасытимый.* Послѣдней стихъ:

Ахъ! какъ бы тоскливыя напасла я очи!

Прекрасенъ для того, кто знаетъ силу глагола *напасти.*

А. А что же онъ значитъ?

Б. Напитать, насытить. Стадо *пасется* собственно значитъ *питается* травою.

А. А я думалъ, что глаголъ *пасти* значитъ сберегать, охранять. Такъ разумѣлъ я оный въ рѣчи: *пастухъ пасетъ стадо.*

Б. Это второе его знаменованіе, свойственное ему по смежности понятій; ибо кто *пасетъ* (питаетъ) стадо, тотъ купно и охраняетъ оное. Отсюду слова *пастырь* и *пастухъ*, изъ которыхъ одинъ есть охра-

нитель и питатель духовною пищею словесныхъ, а другой охранитель и питатель тѣлесною на паствахъ пищею безсловесныхъ овецъ. Слово сіе не въ одномъ Славенскомъ языкѣ существуетъ: оно обще ему со многими другими языками, какъ - то съ Латинскимъ, Италіянскимъ, Французскимъ, и проч. Во всѣхъ оныхъ сохранилось оно почти безъ всякаго измѣненія: pastor, pastore, pasteur. Италіянскіе изъ *вѣрнаго пастуха* (pastor fido) стихи:

Pasce le verdi erbette
La greggia a lei commessa, ed ella *pasce*
De *suoi* begli *occhi* il *pastorello* amante.

Можно по Руски изъ слова въ слово перевесть: *пасетъ себя зелеными муравами стадо ей порученное, а она пасетъ своими прекрасными очами пастушка любимаго*. Глаголъ ихъ *pasce* и нашъ *пасетъ* (точно также какъ и слова *suoi*, свои; *occhi*, оки или очи; *pastorello*, пастушокъ) разнятся только окончаніями, во всякомъ языкѣ различными; но впрочемъ суть однѣ и тѣже, какъ буквами, такъ и знаменованіемъ.

А. Въ самомъ дѣлѣ подъ словомъ *паство* не можно ничего другаго разумѣть, какъ *питалище*; ибо естьли тожъ самое мѣсто вспахать или засыпать пескомъ, такъ чтобы не осталось на немъ никакой травы для

пищи стадамъ, што бы оно не называлось болѣе *паствомъ*.

Б. Изъ сего вы видите, что *напасти очи* есть точно напитать, насытить ихъ.

А. Мнѣ кажется для знанія языка необходимо нужно упражняться въ разсматриваніи разума и корня словъ.

Б. Конечно. Безъ того не можно имѣть чистыхъ и ясныхъ о словахъ понятій; а когда значеніе и союзъ ихъ съ другими происходящими отъ нихъ вѣтвями темны, тогда никакія правила не снабдятъ насъ чувствованіемъ красоты и силы языка. Что значитъ сочинять? выбирать изъ представляющихся уму нашему мыслей самыя лучшія и приличнѣйшія. Чѣмъ сіи мысли объясняются? словами. Слѣдовательно безъ размышленія о словахъ, безъ вниканія въ коренное ихъ значеніе, столь же неудобно изображать свои мысли, какъ живописцу писать картину, безъ знанія, изъ какова смѣшенія красокъ какой цвѣтъ раждается.

А. Не выписали ль вы еще какихъ стиховъ изъ сей книги?

Б. Выписалъ слѣдующіе:

Гдѣ ты, свѣте мой, пойду во всѣ домы,
Пойду въ мазанки, въ мѣста незнакомы,
Всякій путь измѣрю, всѣ ямы, долины,
Для твоей причины
И моей кручины;

Отвѣдаю, какъ песъ кусты и ямы
Отыскиваетъ глазомъ и ноздрями,
Или мать дщери по мѣстамъ безпутнымъ
И съ вытьемъ окрутнымъ
Ищетъ тоскливо, и проч.

А. Что вы въ сихъ стихахъ примѣчаете?

Б. Много худова: *мазанки, для твоей причины и моей кручины, отвѣдаю кусты и ямы,* все это вы должны пропустить. Но между тѣмъ есть и хорошее. Напримѣръ вообще сія тоскливая забота о сысканіи своего любезнаго изображена съ довольною силою. Сіе выраженіе: *всякій путь измѣрю,* вмѣсто; *всѣ пути исхожу*, также весьма не худо. Сіе сказаніе о собакѣ или псѣ, что онъ *отыскиваетъ глазомъ и ноздрями*, естественно и живо. Слово *безпутный*, въ приложеніи къ мѣсту (по мѣстамъ безпутнымъ), какъ ни ново для меня, однакожъ употребленіе его здѣсь основано на свойствѣ языка, и слѣдовательно я не отвергать оное безразсудно, а почерпнуть изъ того наставленіе долженъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ какихъ словъ реченіе сіе составлено? изъ отрицательнаго предлога *безъ* и существительнаго имени *путь*. По чему же, говоря о человѣкѣ, въ которомъ нѣтъ *пути* (то есть достоинствъ или добрыхъ нравовъ), могу я сказать: *безпутный человѣкъ;* а говоря о непроходимомъ мѣстѣ, въ которомъ нѣтъ *путей*, (то есть

дорогъ, стезей), не долженъ сказать: *без-путное мѣсто?* Въ иносказаніяхъ подобіе берется отъ прямаго или кореннаго смысла; но *безпутный* въ приложеніи къ человѣку (безпутный человѣкъ) есть иносказаніе или заимствованное подобіе, а въ приложеніи къ мѣсту (безпутное мѣсто) есть прямое значеніе, которое по сходству понятій переносится уже и къ человѣку. Какъ же не знавъ подлинной вещи можемъ мы разумѣть уподобленіе съ оною? Напередъ надобно знать, что такое *камень* или *каменный домъ*, дабы потомъ по сравненію съ онымъ разумѣть иносказаніе: *каменное сердце*. Изъ одного примѣра сего можно видѣть, что безъ чтенія книгъ, сихъ хранилищъ содержащагося въ словахъ ума, и безъ любомудрствованія о заключающихся въ нихъ понятіяхъ, не возможно пріобрѣсть знаніе языка, а безъ знанія онаго нѣтъ ни истинной словесности, ни чувствованія красотъ ея, ниже справедливаго о ней суда.

А. Я теперь вижу, что сказать *напастѝ очи* (вмѣсто насытить) и *безпутныя мѣста* (вмѣсто непроходимыя), свойственно языку; но что такое значитъ: *и съ вытьемъ окрутнымъ?*

Б. Съ великимъ, жестокимъ, ужаснымъ. Слово *окрутный* неупотребительно болѣе; однакожъ мы говоримъ *крутой нравъ* (вмѣсто

жестокой, упрямой), *крутой гнѣвъ* (вмѣсто сильный, пылкій): слѣдовательно и слово *окрутный* не совсѣмъ отдалено отъ понятій нашихъ.

А. Не знаете ли вы еще какихъ стиховъ изъ сей книги?

Б. Я замѣтилъ еще нѣкоторые стихи, которые сами по себѣ не хороши, и не имѣютъ въ себѣ ничего примѣчанія достойнаго, но образъ и мѣра ихъ мнѣ нравятся:

. . . . Тако Гипсифила
Обманула, хоть Язона и любила.
Поѣхалъ Язонъ, оставилъ любую;
Но не такую,
Но не такую застаалъ, какъ мысль была.
И Аріадна мало ли бранила
За то Фисея, что съ ней спознался,
Да злѣ растался,
Да злѣ растался. Слезитъ Аріадна:
Ахъ мнѣ! коль твоя любовь безпощадна!
Столько невѣрно мене покидаешъ,
Самъ уплываешъ,
Самъ уплываешъ на быстрыя воды, и проч.

Мнѣ кажется сіе повтореніе четвертаго краткаго стиха въ полустишіи пятаго, осмаго въ полустишіи девятаго, и такъ далѣе, могло бы составить весьма пріятное для слуха согласіе, естьли бы стихи хорошо написаны были, а особливо когда бы при повтореніи не оканчивался смыслъ, какъ-то въ полустишіи: *да злѣ растался*; но замысловато и кстати сопрягался бы съ послѣ-

дующими словами, какъ то въ стихахъ: *но не такую, но не такую засталъ, какъ мысль была,* или: *самъ уплываешь, самъ уплываешь на быстрыя воды.*

Наконецъ заключимъ изъ всего того, о чемъ мы говорили, что мы имѣемъ въ словахъ и въ мысляхъ много собственныхъ своихъ богатствъ и сокровищъ, но которыя не суть болѣе *сокровищи*, какъ токмо потому, что *сокрыты*, не извлечены наружу, и отъ того забыты, растеряны, отдѣлены отъ тѣла нашей словесности, и нигдѣ, кромѣ тѣхъ книгъ, которыхъ мы не читаемъ, не существуютъ.

А. Дѣйствительно мы имѣемъ много источниковъ, откуду почерпая и соглашая оное съ употребляемымъ нами нарѣчіемъ, могли бы мы нынѣшнюю нашу словесность постояннымъ образомъ установить и обогатить.

Б. Конечно такъ. Священныя книги снабдили бы насъ избранными словами, краткими выраженіями, красотою и приличіемъ иносказаній, высотою мыслей и силою языка. Изъ лѣтописей нашихъ и другихъ подобныхъ имъ сочиненій, снова присвоили бы мы себѣ много хорошаго и прямо Рускаго. Народный языкъ, очищенный нѣсколько отъ своей грубости, возобновленный и принаровленный къ нынѣшней нашей словесности,

сближилъ бы насъ съ тою пріятною невинностію, съ тѣми естественными чувствованіями, отъ которыхъ мы удаляясь дѣлаемся больше *жеманными говорунами*, нежели истинно краснорѣчивыми писателями. Мы бросились на новѣйшіе иностранные языки, и переводя съ нихъ стали придерживаться ихъ свойствамъ. Чего у нихъ въ языкѣ нѣтъ, того уже и мы въ сочиненіяхъ своихъ употреблять не смѣемъ. Сіе излишнее подражаніе имъ отводитъ насъ отъ собственныхъ красотъ языка нашего, и стѣсняя предѣлы онаго, служитъ болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ словесности. Всякому ученому человѣку, а особливо писателю, конечно не худо знать всѣ иностранные языки, однако знаніе своего языка всего нужнѣе; ибо безъ того весь трудъ его, употребленный на обученіе чужихъ языковъ, останется тщетенъ; изъ иностранныхъ же полезнѣе всѣхъ Греческій и Латинскій. Они братья Славенскому языку, во всемъ съ ними сходному, стольже древнему, стольже сильному и богатому. Всѣ новѣйшіе языки признаютъ преимущество ихъ предъ собою. Какъ же съ таковымъ языкомъ, каковъ нашъ, избрать себѣ образцомъ какой нибудь новѣйшій языкъ? оставить для него всѣ собственныя свои красоты? гоняться за его словами, за его выраженіями, за его оборотами, и не смѣть

думать и говорить по своему? Когда мы симъ образомъ далѣе поступать станемъ, то словесность наша необходимо должна будетъ отчасу болѣе приходить въ упадокъ; ибо многія важныя и высокія слова забудутся, корни ихъ истребятся, вѣтьви происшедшія отъ нихъ или посохнутъ, или кругъ знаменованія каждой изъ нихъ вмѣсто распространенія стѣснится, чужія и новыя не свойственныя намъ рѣченія будутъ больше и больше входить, пускать странныя отрасли, распространяться, отнимать силу у коренныхъ словъ, подвергать ихъ такимъ перемѣнамъ, какимъ подвержена одежда или комнатные уборы, и наконецъ изъ богатѣйшаго языка, въ которомъ почти каждое слово имѣетъ свой корень, течетъ отъ извѣстнаго и чистаго понятія, сдѣлается языкъ сборный, новѣйшій, не имѣющій болѣе того ума, которой присутствовалъ при составленіи каждаго рѣченія, давалъ каждому слову, каждому выраженію, силу и душу. Можетъ ли чрезъ поколебаніе такимъ образомъ языка обогащаться словесность? Напротивъ того когда мы обратимъ вниманіе наше на собственный свой языкъ, и вмѣсто основаннаго на временномъ навыкѣ безразсуднаго пренебреженія къ словамъ и свойственному намъ составу оныхъ, начнемъ въ каждомъ изъ нихъ разбирать мысль и

силу, приличіе или неприличіе въ слогѣ, тогда конечно откроются намъ новые источники, могущіе обогатить нынѣшнюю нашу словесность. Мразы и хлады не препятствуютъ въ душахъ нашихъ горѣть огню краснорѣчія и стихотворства; природа не лишила насъ дарованій: свидѣтельствуютъ въ томъ прежніе и нынѣшніе наши писатели; но мы бы вознеслись несравненно выше, когда бы силы свои изъ собственныхъ нѣдръ своихъ извлекали. Тогда иностранецъ, переводя насъ, нашелъ бы въ книгахъ нашихъ многія чуждыя ему и поражающія его красоты. Словесность наша привлекла бы его вниманіе, точно таковымъ же образомъ, какъ привлекаютъ его свойства Греческаго и Латинскаго языковъ. Но ежели, переводя насъ, онъ ничего не будетъ находить, кромѣ подражанія собственному его языку, то всѣ преимущества языка нашего останутся погребены въ мракѣ, и мнимые просвѣтители наши всегда и справедливо проповѣдовать будутъ, что мы все отъ нихъ заимствуемъ и сами собою ничего не имѣемъ, ни достоинства языка, ни собственныхъ мыслей своихъ и объясненій.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ РАЗГОВОРАМЪ О СЛОВЕСНОСТИ,

ИЛИ

ВОЗРАЖЕНІЯ ПРОТИВЪ ВОЗРАЖЕНІЙ, СДѢЛАННЫХЪ НА СІЮ КНИГУ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ РАЗГОВОРАМЪ О СЛОВЕСНОСТИ,

или

ВОЗРАЖЕНІЯ ПРОТИВЪ ВОЗРАЖЕНІЙ, СДѢЛАННЫХЪ НА СІЮ КНИГУ.

(См. Вѣстникъ Европы 1811 г. No 12 стр. 285, и No 13, стр. 34).

Въ помянутомъ Вѣстникѣ, подъ статьею *критика*, помѣщенъ разборъ или мнѣніе господина Издателя о книгѣ называемой *разговоры о Словесности*. Сія критика начинается слѣдующими словами *):

„Читая разныя творенія почтеннаго „сочинителя *разговоровъ о словесности*, я „всегда имѣю въ мысляхъ своихъ его намѣ-„реніе благородное и полезное — и проч.“

Сочинитель *разговоровъ* благодаритъ (чрезъ меня) за доброе о немъ мнѣніе господина Издателя Вѣстника. Отвѣчаетъ ему

*) Слова господина Издателя всегда означаться будутъ двумя запятыми„.

чистосердечнымъ почтеніемъ своимъ и увѣряетъ, что онъ съ своей стороны разныя творенія его находитъ также полезными и уважаетъ оныя. Но какъ господинъ Издатель изъявилъ (безсомнѣнія для пользы словесности) несогласіе свое на многія изъ мнѣній сочинителя разговоровъ, почитая ихъ несправедливыми и погрѣшительными; то и я, потому жъ самому подвигу, то есть для пользы словесности, намѣренъ разсмотрѣть, подлинно ли замѣчанія господина Издателя такъ основательны и справедливы, какъ того требуетъ благоразумный и безпристрастный судъ. Таковыя *возраженія противъ возраженій* могутъ яснѣе открыть истину и послужить къ нѣкоторому удовольствію или пользѣ любопытному читателю. Итакъ станемъ продолжать. Господинъ Издатель Вѣстника на слова сочинителя разговоровъ: (языкъ нашъ имѣетъ въ церковныхъ книгахъ правила достаточныя и твердыя для правописанія. Стран. 1), возражаетъ:

„Въ церковныхъ книгахъ содержатся „только примѣры, изъ которыхъ составле„ны правила для правописанія; чтожъ ка„сается до самыхъ правилъ, то ихъ искать „надобно въ грамматикахъ."

Естьли *изъ примѣровъ составлены правила*, то стало быть правила сіи (содержа-

щіяся въ грамматикахъ) основаны на примѣрахъ церковныхъ книгъ. Возраженіе сіе имѣетъ только видъ *возраженія*, но въ самомъ дѣлѣ подтверждаетъ мнѣніе сочинителя разговоровъ.

„Впрочемъ и церковныя книги не всѣ „сходны между собою въ правописаніи: въ „однѣхъ предлоги соединяются съ именами, „въ другихъ ставятся отдѣльно; въ однѣхъ „имена собственныя начинаются прописс„ными буквами, въ другихъ строчными; въ „однѣхъ написано *пріятіе*, въ другихъ, хотя „правда и не многихъ, *приятіе* и проч.“

Правописаніе значитъ нѣчто болѣе, чѣмъ прописныя или строчныя буквы въ именахъ собственныхъ, и тому подобное. Естьли мы, читая церковныя книги, ничему больше не научимся, такъ не для чего и трудиться ихъ читать. Надобно стараться изъ нихъ узнать свойство языка, силу и разумъ словъ; а не просто замѣчать, гдѣ какая буква поставлена, тогда во всякой книгѣ, церковная ли она или гражданская, можно будетъ чувствовать и видѣть, такъ ли что, какъ должно, въ ней сказано и написано. Далѣе Г. Издатель на слова сочинителя: (нынѣ начинаютъ отступать отъ употребительнаго въ церковныхъ книгахъ правописанія и пр.), говоритъ:

„Не нынѣ, а очень давно отступать „начали. Буквы *кси* и *пси*, давно уже не упо- „требительны; вмѣсто долгаго ѡ теперь „ставятъ вездѣ о короткое и проч.“

Сіе отступленіе отъ введенныхъ въ Рускую азбуку не надобныхъ намъ Греческихъ буквъ не можетъ и называться *отступленіемъ*, но весьма справедливымъ очищеніемъ оной отъ чужеязычія. За чѣмъ намъ Греческія *кси* и *пси*? у насъ даже и словъ такихъ нѣтъ, которыя бы съ сихъ слоговъ начинались. Итакъ сочинителю разговоровъ не было никакой надобности говорить о сихъ мѣлочахъ, отъ которыхъ хотя языкъ ничего не претерпѣвалъ, однакожъ весьма хорошо, что ихъ изгнали. Онъ разсуждалъ только о тѣхъ перемѣнахъ, весьма недавно появившихся, которыя родились отъ незнанія свойствъ языка, и которыя (ежели станутъ умножаться), то совсѣмъ испортятъ языкъ. Вотъ о чѣмъ надлежало ему разсуждать, а не о буквахъ *кси* и *пси*, которыхъ изгнаніе есть совсѣмъ не то, что нынѣ вводимыя, неслыханныя никогда прежде, и нимало не сообразныя съ языкомъ перемѣны и новости. Всѣхъ ихъ исчислять здѣсь много, но читатель можетъ увидѣть ихъ въ *разговорахъ о словесности*. Далѣе Г. Издатель на слова сочинителя: (какомужъ слѣдовать правилу? Прилѣжному чтенію старинныхъ книгъ,

ближайшихъ къ корню языка, и проч.), возражаетъ:

„Ежели *чтеніе* принято здѣсь за *слова*, „за *текстъ*, то прилагательное при немъ „употреблено не у мѣста; а ежели оно зна- „читъ тоже что *читаніе*, то глаголъ *слѣдо-* „*вать* относиться къ нему не можетъ.“

Сочинитель разговоровъ благодаритъ господина Издателя Вѣстника за такое *дѣльное* и *важное* замѣчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, поступая по всей грамматической строгости, надлежало бы сказать: *правилу прилѣжнаго чтенія* (т. е. поставить себѣ правиломъ прилѣжное чтеніе); но сочинитель думалъ, что при вопросѣ: *какомужъ слѣдовать правилу?* отвѣтъ: *прилѣжному чтенію*, избѣгая не нужнаго повторенія словъ, будетъ столько же ясенъ, какъ бы сказано было: *правилу прилѣжнаго чтенія*, и что всякъ легко почувствуетъ, что глаголъ *слѣдовать* по силѣ вопроса относится здѣсь къ слову *правило*, а не къ слову *чтеніе*. Можетъ быть сочинитель ошибается. Вольтеръ въ подобномъ случаѣ сказалъ нѣкоторому Аббату: вы очень хорошо знаете граматику, но я лучше васъ знаю языкъ. Сочинитель разговоровъ не хочетъ и не имѣетъ права послѣдовать въ семъ случаѣ Вольтеровой гордости.

„Книга *ближайшая* къ корню языка есть „также ощутительная неправильность.“

Называя что нибудь неправильностiю, надлежало бы показать, въ чѣмъ состоитъ сiя неправильность. Слово *ощутительная* нимало того не показываетъ. Между тѣмъ конечно всякая старинная книга ближе къ корню языка, нежели новая. Въ новыхъ книгахъ иныя слова измѣнились и корень ихъ затмился, а въ старинныхъ оный виднѣе. Какъ, напримѣръ, узнать теперь откуду происходитъ слово *серги?* но когда мы заглянемъ въ старинную книгу, и найдемъ въ ней, что оныя назывались *усерязи,* тогда, разбирая слово сiе, видимъ, что оно составлено изъ словъ *усе* (уши) и *рязи* (ряжу, наряжаю). Отсюду открываемъ начало онаго, усматриваемъ заключающуюся въ немъ мысль, и находимъ, что оно, для скорѣйшаго выговора, претерпѣло измѣненiя: сократилось сперва въ *серзи,* а потомъ въ *серги,* по свойству измѣненiя *з* и *г* (какъ и во многихъ другихъ словахъ *нозѣ* и *ноги*, *бози* и *боги*, и проч.). Вотъ почему старинная книга ближе къ корню языка, и не только нѣтъ тутъ никакой *ощутительной неправильности*, но напротивъ есть самая *ощутительная* истина. Г. Издатель продолжаетъ:

,,Нѣкоторые писали *дватцать, тритцать;* другiе пишутъ *двадцать, тридцать*, ,,и порицать ихъ за то не должно, изъ уваженiя къ доброму намѣренiю."

Да кто ихъ *порицаетъ?* Гдѣ читатель въ разговорахъ о словесности найдетъ *порицаніе* тѣмъ, которые вмѣсто *дватцать* пишутъ *двадцать?* Развѣ разсужденіе, какимъ образомъ лучше и правильнѣе писать, называется *порицаніемъ?* Мы вскорѣ увидимъ здѣсь одну изъ тѣхъ небольшихъ *хитростей,* какія сочинитель разговоровъ и другихъ книгъ, во всѣхъ противъ него возраженіяхъ, часто примѣчаетъ *).

„Очевидно, что они хотятъ помирить „словопроизводство съ выговоромъ, двухъ „величайшихъ непріятелей."

А чегожъ хочетъ сочинитель разговоровъ? Не весь ли разговоръ его о правописаніи основанъ на томъ? За чтожъ ему порицать ихъ, когда онъ самъ того желаетъ? Все требованіе его состоитъ только въ томъ, чтобъ желаніе свое основывать на свойствахъ языка и здравомъ разсудкѣ. Развѣ это порицаніе кому нибудь? Но теперь увидимъ откуду Г. Издатель приписываетъ сочинителю мнимое *порицаніе.* Вотъ откуду: онъ выписываетъ слѣдующія слова сочинителя разговоровъ: „сіи неосновательныя и

---

*) Слово *хитрость* не относится ни здѣсь, ни въ послѣдующихъ ниже сего мѣстахъ, къ критикѣ господина Издателя Вѣстника, но къ другимъ. Сочинитель разговоровъ увѣренъ, что здѣсь оная не есть желаніе вредить ему, но только поспѣшное осужденіе.

„невѣжественныя мнѣнія: *отдѣлить Славен-„ской языкъ отъ Рускаго* (которой не суще-„ствуетъ; ибо слогъ или нарѣчіе не есть „языкъ) . . . . таковыя, говорю, нелѣпости „не приходили имъ (писателямъ) никогда „въ голову (стр. 6)." Такъ выписалъ онъ и сократилъ слѣдующее мѣсто изъ разговоровъ о словесности: „сіи мѣлочныя мысли „отмѣнить букву *ъ*, истребить *ѣ*, писать „не *тритцать* а *тридцать*, не *востокъ* а „*возтокъ*; сіи неосновательныя и невѣже-„ственныя мнѣнія: *отдѣлить Славенской „языкъ отъ Рускаго* (которой не существу-„етъ; ибо слогъ или нарѣчіе не есть языкъ), „*откинуть половину словъ языка* (дабы за-„бывъ корни оныхъ не разумѣть и другой „половины), *писать какъ говоримъ* (то есть „не знать различія между краснорѣчивымъ „и простонароднымъ, между возвышающимъ „душу и употребляемымъ для объясненія „ежедневныхъ надобностей языкомъ); тако-„выя, говорю, и симъ подобныя нелѣпости, „не приходили имъ никогда въ голову." (Разговоры о словесн. стран. 3 и 6). Теперь взглянемъ на сіи двѣ выписки: въ одной (соображая оную съ предъидущими Г. Издателя словами) сочинитель всѣхъ равно *порицаетъ неосновательными и невѣжественными мнѣніями* какъ тѣхъ, которые *отдѣляютъ Славенской языкъ отъ Рускаго*, такъ и тѣхъ, ко-

торые пишутъ *двадцать* вмѣсто *дватцать*. По другой отличаетъ онъ ясно малыя вещи отъ большихъ. Одно называетъ *мѣлочными мыслями* хотѣть (чего прежде не дѣлали) для ненужнаго словопроизводства оскорблять слухъ, какъ-то вмѣсто *дватцать*, *востокъ*, писать *двадцать*, *возтокъ*. Таковыя простыя разсужденія (и которыя притомъ въ самой книгѣ основаны на доказательствахъ) не называются *порицаніемъ*. Сочинитель самъ прежде такъ писалъ; но когда сталъ о томъ размышлять, то находитъ, что для удержанія чистоты языка не должно вдаваться въ словопроизводство такъ, чтобы для онаго во всякомъ случаѣ отвергать участвованіе слуха. Итакъ *порицаніе* или укоризна его *неосновательными и невѣжественными мнѣніями* не простирается на сіи малыя небрежности; но на вредныя и нелѣпыя умствованія, ясно имъ означенныя, и которыя не суть предполагаемыя или мечтательныя, но изданныя въ свѣтъ и существующія въ печатныхъ книгахъ. На чтожъ, каковабъ то ни было писателя, чрезъ выписку и сокращеніе словъ его, показывать въ такомъ видѣ, какова онъ въ книгѣ своей отнюдь не имѣетъ? Можно не закрывать его погрѣшностей, но должно ли стараться дать ему худой видъ? *) Часто невозможно

*) Здѣсь поступлено съ нимъ еще довольно милостиво; а въ

писать иначе, какъ относя нѣкоторыя выраженія свои къ извѣстному уже и давно объясненному мнѣнію. Иначе надлежало бы всякой разъ повторять прежнее. Итакъ желающему возражать должно оговаривать мнѣніе, подъ симъ выраженіемъ заключающееся, а не просто смыслъ выраженія. Напримѣръ сочинитель порицаетъ тѣхъ, которые *отдѣляютъ Славенской языкъ отъ Рускаго;* но сіе отдѣленіе можетъ иногда быть невинное, иногда безвредное, а иногда весьма вредное. Разумѣть подъ симъ разность нарѣчія и слога между церковными и свѣтскими книгами, есть отнюдь не такое мнѣніе, которое бы можно было назвать *неосновательнымъ* и *невѣжественнымъ;* заблуждаться въ томъ, и только думать про себя, а не дѣйствовать, не принесетъ никакова вреда языку; но ежели тѣ, кому надобны (какъ говоритъ самъ Г. Издатель) *васильки и ландыши, вздохи сердца, оттѣнки чувствительности, гармонія чувствъ, симпатія душъ* и проч., ежели тѣ вздумаютъ и станутъ вопіять, что всѣ другія книги, не ихъ языкомъ писанныя, суть *Славенскія, варварскія,* недостойныя чтенія, и основываясь на сей

другихъ критикахъ указываютъ на страницу сочиненной имъ книги, и заставя говорить его совсѣмъ противное тому, что у него на сей страницѣ сказано, возражаютъ противъ онаго.

премудрой мысли начнутъ прежній языкъ поправлять и передѣлывать по своему, утверждая и крича, что одни невѣжды любятъ Славенской языкъ, а они, просвѣщенные въ Рускомъ языкѣ *Флоріянами* и *Доратами*, намѣрены всѣми силами стараться отклонить его отъ языка предковъ своихъ, и приблизить сколько можно къ языку чужеземныхъ писателей, и такихъ еще, которые и свой языкъ испортили: ежели, говорю, слѣдствія таковыхъ мнѣній начнутъ появляться и въ составѣ языка и въ правописаніи, то не ужъ ли такіе подвиги къ дѣйствительному раздѣленію Славенскаго языка съ будущимъ Рускимъ (ибо нынѣ онъ еще не есть таковъ) должно одобрять и называть полезными? Мы найдемъ писателей, которые увѣряютъ, что Руской языкъ столькоже далекъ отъ Славенскаго, какъ Французской отъ Латинскаго: не ужъ ли же имъ вѣрить и не сожалѣть о крайнемъ ихъ заблужденіи? Французу, слушающему на Латинскомъ языкѣ обѣдню, не стыдно не разумѣть ее; но какой Руской не постыдится сказать, что онъ языкъ народныхъ игрищъ понимаетъ, а языка народнаго богослуженія не разумѣетъ? Между тѣмъ ежели утверждать таковую разность между Славенскимъ и Рускимъ языкомъ, то и стыда сего не признавать; а ежели (чего не дай боже!) дойдемъ мы до

того, что это нам не будетъ стыдно; такъ чтожъ въ насъ и въ языкѣ нашемъ останется Рускаго и добраго? Далѣе Г. Издатель на слова сочинителя: (отдѣлить Славенской языкъ отъ Рускаго и проч.) продолжаетъ возражать:

„Оставшійся въ книгахъ духовныхъ Сла„венскій языкъ отдѣленъ отъ нынѣшняго „Рускаго несходствомъ нѣкоторыхъ словъ, „и разностію въ спряженіяхъ и даже въ „правилахъ синтаксиса.“

Въ подобныхъ вещахъ простыя увѣренія ничего не значатъ. Слово *отдѣленіе* или *разность* есть нѣчто неопредѣленное; ибо разность можетъ быть между водою и водою, но не такая, какъ между водою и камнемъ. Говорить о семъ надобно доказывать. См. въ пятой части Академическихъ изданій статью подъ названіемъ: *разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія* и проч.

„Безъ всякаго сомнѣнія Руской языкъ „есть отрасль Славенскаго; но теперь уже „въ такомъ состояніи что приличнѣе на„зывать его языкомъ, а не нарѣчіемъ.“

Нѣтъ еще не въ такомъ. А можетъ быть тѣ, которыхъ сочинитель разговоровъ *порицаетъ*, приведутъ его въ такое состояніе, что онъ не будетъ болѣе единое и *благосѣннолиственное* древо, но бѣдная, сухая и отдаленная отрасль онаго. Однако трудно

до сего достигнуть: надобно истребить всѣ духовныя книги и всѣ лучшія наши стихотворенія.

„На немъ издаются законы; на немъ „написаны многія книги; какъже можно „сказать, что онъ не существуетъ; и какъ „можно называть его нарѣчіемъ, тогда какъ „самъ онъ уже имѣетъ множество мѣст„ныхъ нарѣчій?"

Въ законахъ и книгахъ, писанныхъ на Рускомъ языкѣ, нѣтъ иныхъ словъ кромѣ Славенскихъ (выключая принятыхъ иностранныхъ, которыя относятся къ своимъ языкамъ). Итакъ Руской языкъ существуетъ, когда онъже есть и Славенскій; но другаго Рускаго языка не существуетъ, потому что слова его не извѣстны, а языкъ безъ словъ есть тоже, что рѣка безъ воды. Отсюду слѣдуетъ, что мѣстное нарѣчіе Рускаго языка есть купно и Славенскаго языка нарѣчіе.

„Ежели такъ, то ни одинъ изъ нынѣш„нихъ Европейскихъ языковъ не существу„етъ, ибо всѣ они произошли отъ древнихъ „и изъ нихъ составились."

Ни одинъ не существуетъ, ибо всѣ составились! какъ *не существовать* тому, что *составилось?* По видимому гораздо легче оговаривать другихъ, нежели самому говорить правильно.

„Было бы очень странно, когда бъ увѣ„рять стали, что у Италіянцовъ и Фран„цузовъ нѣтъ языка и что тѣ и другіе го„ворятъ *нарѣчіемъ* или *слогомъ*.“

Очень странно; а еще страннѣе дѣлать подобныя возраженія. Выше сказано уже о тѣхъ, которые между Славенскимъ и Рускимъ языкомъ находятъ (или лучше сказать хотятъ находить) такуюже разность какую между Французскимъ и Латинскимъ. Но здѣсь посмотримъ на доказательство и связь мыслей. Сочинитель разговоровъ говоритъ о *существующемъ* Рускомъ языкѣ, что онъ есть одинъ съ Славенскимъ, поелику всѣ его слова суть купно и Славенскія, и что *другаго Рускаго языка не существуетъ*; а господинъ Издатель возражаетъ ему: *по этому и Французскаго и Италіянскаго языка не существуетъ*. Желаю знать понимаетъ ли изъ нихъ одинъ другаго? Далѣе Г. Издатель Вѣстника выписывая слова сочинителя разговоровъ: (извѣстно, что изъ выраженій *высь око*, *глубь око*, *ширь око*, *даль око*, *низь око*, *близь око*, составились нарѣчія *высоко*, *глубоко*, *широко*, *далеко*, *низко*, *близко*. Изъ сихъ послѣднія три не мало отступили отъ своего начала. Имена *зѣница*, *граница*, долженствовали бы по словопроизводству писаться *зрѣница*, *храница*; ибо происходятъ

отъ *зрѣніе*, *храненіе*, и проч.), возражаетъ на оныя:

„Кому это извѣстно, будто изъ *высь око*, „*глубь око*, составились нарѣчія *высоко*, „*глубоко*?“

Тому, кто знаетъ, что *благополучіе*, *полдень*, и проч., составлены изъ *благо* и *получаю*, *полъ* и *день*.

„Я могъ бы утверждать, что *гордость* „происходитъ отъ *гора* и *даю*; но какія „представлю доказательства, ежели не са„мыя слабыя?“

Пожалуй, можно утверждать, что синица происходитъ отъ орла: доказательства будутъ слабы, но не слабѣе многихъ другихъ. *Высь око* и *высоко* говорятъ и буквами и смысломъ своимъ одно и тоже; но *гордость* и два безсмысленныя слова *гору даю* ни малѣйше не означаютъ одного и тогожъ понятія. Какоежъ между тѣмъ и другимъ сравненіе?

„Трудно согласиться, будто при соста„вленіи языка Славенинъ умѣлъ уже выра„зить понятіе о глаголѣ *высить* и объ име„ни *око*, умѣлъ уже соединить оба сіи по„нятія, не знавши нарѣчія *высоко*!“

Какъ не умѣлъ выразить того, что выразилъ? Въ чемъ же состоялъ языкъ, когда въ немъ первѣйшихъ человѣческихъ понятій о *высотѣ* и *окѣ* не было? И какимъ образомъ

гамъ *межда*), потому *межа* или *межда*, что лежитъ *между* двумя землями и служитъ имъ общимъ *краемъ*, *чертою*, *храницею* или *границею*. Таковы суть доказательства сочинителя разговоровъ; но чѣмъ опровергаются оныя, и что на мѣсто ихъ предлагается? Вотъ что: поелику *грань* есть *край*, то *граница* не есть *храненіе*. Стоило того, чтобъ такое возраженіе писать и печатать! Г. Издатель и тамъ, гдѣ согласенъ съ сочинителемъ разговоровъ, продолжаетъ замѣчанія свои въ видѣ возраженій. Онъ на слова сочинителя: (прежде писали *восхитить*, *исторгнуть*, *искоренить*, а нынѣ начали писать *возхитить*, *изторгнуть*, *изкоренить*. Нѣкоторые новѣйшіе писатели, то есть гораздо послѣ Ломоносова и современныхъ ему, перемѣня сіе старинное правило, стали вмѣсто *с* писать *з*: *возкипѣлъ*, *возлою*, и пр.) говоритъ:

„Очень давно уже начали нарушать сіе „правило освященное примѣрами старин„ныхъ книгъ церковныхъ.“

Почему же *очень давно*, когда изъ самыхъ доказательствъ господина Издателя (какъ мы то увидимъ ниже) началось оное послѣ Ломоносова, а усилилось и гораздо послѣ него? Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что когда Г. Издатель разсуждаетъ о правописаніи, тогда онъ говоритъ: *правило освященное при-*

мѣрами старинныхъ книгъ церковныхъ; а когда сочинитель станетъ говорить о томъ же самомъ и о тѣхъже *церковныхъ книгахъ*, тогда онъ ему возражаетъ:

„Ломоносовъ ясно сказалъ мнѣніе свое, „какъ должно употреблять слова, состав„ленныя изъ предлоговъ *воз*, *из*, *раз*, (см. „граммат. § 123). Уже и Сумароковъ горько „жаловался на дерзость нерадивыхъ писа„телей, не уважавшихъ свойствъ языка и „принятыхъ правилъ.“

Прежде Г. Издатель защищалъ пишущихъ *двадцать* вмѣсто *дватцать*, говоря, что *порицать ихъ за то не должно изъ уваженія къ доброму намѣренію*; а теперь самъ тѣхъ, которые пишутъ *возлою* вмѣсто *вослою*, называетъ *нерадивыми писателями, не уважающими свойствъ языка*, и конечно уже при такихъ названіяхъ не видитъ въ нихъ *добраго намѣренія*. Между тѣмъ намѣреніе тѣхъ и другихъ есть точно одинакое: одни въ словѣ *дватцать* для показанія словопроизводства пишутъ *д* вмѣсто *т*, а другіе для той же причины въ словѣ *воспою* вмѣсто *с* пишутъ *з*. Впрочемъ сочинитель разговоровъ знаетъ, что не первой и не одинъ онъ объ этомъ говоритъ. Г. Издатель въ подтвержденіе тому приводитъ разсужденія Сумарокова, оканчивающіяся сими словами: „но бывало ли отъ начала міра въ какомъ нибудь

народѣ такое въ писаніи скаредство, какова мы нынѣ дожили: *востокъ*, *источникъ*, *превосходительство!* конечно паденіе нашего языка скоро будетъ, когда такая нелѣпица могла быть воспріята. О Ломоносовъ, Ломоносовъ! чтобъ ты сказалъ, когда бы ты по смерти своей симъ кривописаніемъ увидѣлъ напечатанными свои сочиненія!" (См. сочин. Сумарокова). Изъ сего ясно видѣть можно, что правило сіе стали нарушать послѣ Ломоносова; но тогда *кривописаніе* сіе (какъ говоритъ Сумароковъ) было еще такъ рѣдко и дико, что оно казалось ему *скаредствомъ* и *паденіемъ языка!* Нынѣ то ли? Мы уже и не смотримъ на сію малую погрѣшность. И естьли оная исторгла изъ устъ Сумарокова такія жалобы, то что же бы онъ сказалъ, когда бы въ разговорахъ о словесности прочиталъ о тѣхъ перемѣнахъ или новостяхъ, изъ которыхъ (какъ говоритъ сочинитель разговоровъ) *иныя успѣли уже ввести въ правописаніе, а другія вводить покушаются,* и по описаніи которыхъ заключаетъ: „повѣрьте мнѣ, что естьли сіи мнимыя поправленія въ языкѣ, сіи безразсудныя выдумки, которыми мѣлкіе умы хотятъ отличаться, состоять будутъ въ произволеніи каждаго, то въ короткое время языкъ и книги наши такъ перепортятся, что ихъ не льзя будетъ читать. Подумайте: ежели

одинъ станетъ печатать безъ ъ, другой безъ ѣ, третій безъ щ, (употребляя вездѣ вмѣсто оной *сч*), четвертой безъ ы (употребляя вездѣ вмѣсто оныхъ *ъи*) пятой приставитъ къ буквѣ *е* двѣ точки, шестой тоже сдѣлаетъ съ буквою *г*, седьмой скажетъ: мы въ разговорахъ не произносимъ ни *поди* ни *пади*, слѣдовательно для отличенія звука между буквами *а* и *о* надлежитъ букву *о* писать съ двумя точками; осмой заспоритъ, что сіи двѣ точки должно ставить на буквѣ *а*; наконецъ девятый и десятый, столь же неосновательно разсуждая, придумаютъ еще что нибудь подобное. Такимъ образомъ всѣ наши книги будутъ иныя съ точками, другія безъ точекъ; иныя съ ерами, другія безъ еровъ; иныя съ ятями, другія безъ ятей; иныя съ буквою *щ*, другія безъ *щ*; иныя съ буквою *ы*, другія безъ *ы*, и такъ далѣе. Скажите пожалуйте, какое будетъ единство между такимъ языкомъ и такими книгами?" (стран. 39). Сумароковъ ничего подобнаго не зналъ, и даже не могъ себѣ представить. Но обратимся къ прежнему. Г. Издатель на выписанныя имъ слова сочинителевы, въ которыхъ похваляются буквы *ч*, *ш* и *щ*, говоритъ:

„О добротѣ звука *щ* утверждать, ни „отрицать ее не смѣю. Ломоносовъ конеч„но не отъ привычки къ иностраннымъ

„языкамъ выключилъ букву сію изъ азбуки,
„справедливо почитая оную составною изъ
„*ш* и *т* и потому не болѣе нужною какъ *кси*
„и *пси*.“

Господинъ Издатель, колеблясь между *утвержденіемъ* и *отрицаніемъ*, преклоняется однакожъ болѣе къ послѣднему; но здѣсь оба мнѣнія его очевидно несправедливы: 1е, еже-ли Ломоносовъ подлинно хотѣлъ выключить сію букву изъ азбуки, почитая ее не нужною (чего никакъ отъ него ожидать невозможно), то онъ самъ съ собою не согласенъ; ибо во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, даже въ рукописныхъ, употреблялъ ее. Итакъ весьма несправедливо въ такомъ человѣкѣ, каковъ былъ Ломоносовъ, полагать намѣреніе, во первыхъ доказательно безразсудное, во вторыхъ дѣйствіями его опровергаемое. 2е; Ломоносовъ не могъ почитать букву *щ* не болѣе нужною, какъ *кси* и *пси*; ибо такое предположеніе несходно съ умомъ и свѣденіями сего великаго знатока въ языкѣ. Могъ ли онъ не знать, что это Греческія буквы, совсѣмъ въ языкѣ нашемъ не нужныя, поелику нѣтъ въ немъ почти никакихъ словъ, начинающихся съ сихъ звуковъ? Даже и въ срединѣ словъ примѣчаемъ ихъ очень мало. Притомъ же слухъ нашъ не чувствуетъ никакова въ произношеніи различія между нашими буквами *кс*, *пс*, и тѣми Греческими, которыя засту-

пали ихъ мѣсто. Какаяжъ въ нихъ нужда? Но можемъ ли мы тожъ самое сказать о звукѣ *щ*, который есть нашъ собственный, изъ свойствъ языка родившійся, необходимый, въ тысячи словахъ, и въ началѣ и въ срединѣ и въ концѣ оныхъ существующій (щитъ, трепещетъ, блестящъ)? Сверхъ сего весьма, часто служащій къ возвышенію словъ, *нощь*, *свѣща*, *мощный* (вмѣсто простыхъ: ночь, свѣча, мочный). Звукъ сей (говоритъ Г. Издатель) составленъ изъ *ш* и *ч*. Нѣтъ; онъ составленъ изъ *с* и *ч*, но первая изъ сихъ буквъ, стоя предъ второю, слышится всегда какъ *ш*. Впрочемъ хотя звукъ *щ* составленъ изъ двухъ другихъ, однакожъ ни *с* и *ч*, ни *ш* и *ч*, не могутъ его выражать. Онъ есть весьма отличаемое ухомъ сліяніе обоихъ вмѣстѣ. Самое грубое ухо отличитъ *прос-чаю* или *прош-чаю* отъ *прощаю*. Итакъ сравнивать надобность сего звука съ надобностію звуковъ *кси* и *пси* есть одна изъ самыхъ величайшихъ неправдъ, и тѣ, которые, послѣдуя такому несправедливому мнѣнію, начинаютъ, гоняясь за словопроизводствомъ, или избѣгая *щ*, писать: *женсчина*, *мусчина*, *считъ*, *мсченіе*, весьма далеки отъ знанія свойствъ языка. Про нихъ-то можно сказать словами Сумарокова: *неслыханное отъ начала міра скаредное кривописаніе!* Далѣе Г. Издатель возставая противъ сочи-

нителя разговоровъ за то, что онъ свою азбуку предпочитаетъ азбукамъ другихъ языковъ, говоритъ:

„Какуюжъ особливую услугу оказали бук-„вы *ч*, *ш* и *щ*, и какую причину мы имѣемъ „хвалиться тѣмъ, что для звука *ш* у насъ „есть одинъ знакъ, а Французы на примѣръ, „тотъже самый звукъ изображаютъ двумя „буквами *ch?* Не уже ли для Французовъ „труднѣе прочитать свое *chambre* нежели „для насъ *шорохъ*, потому только, что „звукъ *ш* у нихъ изображается двумя бук-„вами?"

Пусть любопытный прочитаетъ разсужденіе о семъ въ разговорахъ о словесности: тамъ увидитъ онъ, чѣмъ наша азбука преимуществуетъ предъ другими, и увидитъ также что хотя Г. Издатель возражаетъ противъ сего, но по видимому онъ безъ вниманія читалъ; ибо вопросомъ своимъ (не ужъ ли Французамъ труднѣе произносить *chambre*, чѣмъ намъ *шорохъ?*) показываетъ, что онъ совсѣмъ не о томъ говоритъ, о чѣмъ тамъ говорено. Превосходство нашей азбуки самымъ опытомъ доказывается: ни одинъ иностранецъ не обучается правильному произношенію нашего языка съ такою удобностію, съ какою мы, по причинѣ изобилія звуковъ нашей азбуки, ихъ языкамъ обучаемся; между тѣмъ какъ обученіе нашего языка дол-

женствовало бы, по причинѣ преимущества нашей азбуки, быть легче для иностранца, нежели обученіе ихъ языковъ для насъ; ибо всѣ наши буквы или звуки сохраняютъ постоянно видъ свой и въ каждомъ словѣ такъ произносятся, какъ изображены; а у нихъ часто подъ тѣмъ же образомъ издаютъ онѣ другой звукъ, и въ словахъ иныя выговариваются, другія нѣтъ; особливо же подвержены сему Французской и Англинской языки.

„Французы не имѣютъ буквъ для изо„браженія *X*, *Ц*, *Ч*, *Ш*; это для нихъ и не „нужно, потому что они и звуковъ такихъ „не имѣютъ въ своемъ языкѣ. У насъ нѣтъ „буквъ для выраженія нѣкоторыхъ звуковъ „Италіянскихъ, Французскихъ, Англинскихъ; „должны ли мы о томъ печалиться, и мо„гутъ ли иностранцы упрекать насъ бѣд„ностію?"

Не о томъ дѣло, а вотъ о чемъ: ежелибъ у меня недоставало двухъ вещей, которыя есть у другаго; а у него не доставало десяти вещей, которыя есть у меня; такъбы я почиталъ себя богатѣе его. Естьли я имѣю букву *щ* и пишу *щастіе*, а Полякъ, брося ее, но не могши бросить звука, ею изъявляемаго, принужденъ для выраженія онаго вмѣсто одного знака употреблять четыре *szcz* и писать *szczescie*, такъ преимущество сдѣлалось на моей сторонѣ.

Естьли у меня всѣ буквы всегда и вездѣ издають постоянный звукъ, а у другаго нѣтъ, такъ я справедливо похваляюсь передъ нимъ. Естьли въ моихъ словахъ всѣ составляющія ихъ буквы точно также выговариваются, какъ бы онѣ порознь написаны были; а у другаго слово составлено изъ осьми или девяти буквъ, изъ которыхъ произносятся только четыре или пять, то моя азбука гораздо лучше его. Вотъ о чемъ говорится и говорено. Здѣсь ничего другаго нѣтъ, кромѣ повторенія тогожъ самаго, что сказано въ разговорахъ о словесности. Писатель не можетъ вложить въ читателя понятій своихъ иначе, какъ тогда, когда тотъ его со вниманіемъ читать будетъ.... Далѣе Г. Издатель выписываетъ разсужденіе сочинителя объ окончаніи словъ на *ской*, и пропустя, по обыкновенію, главныя его доказательства, не говоритъ ничего о прочихъ словахъ, а вступается только за слово *Руской*, и утверждаетъ, что оное должно писать *Русской*: Онъ доказываетъ сіе книгою *житіе блаженнаго Петра Царевича* (напечатанною въ Москвѣ 1805 года), сказывая, что тамъ на стр. 192 стоитъ *Русское пѣніе* (а не *Руское*), и книгою Ездры, гдѣ во многихъ мѣстахъ написано *Персскаго Царя* (а не *Перскаго*). Основываясь на сихъ доказательствахъ говоритъ онъ о мнѣніи сочинителя:

„Здѣсь предложена одна изъ тѣхъ но-
„востей, которыхъ самъ сочинитель не
„одобряетъ. Не смотря ни на что, я пишу
„и буду писать *Русской* человѣкъ, а не *Ру-
„ской?*"

Мнѣ кажется нѣтъ никакой надобности возвѣщать цѣлому свѣту намѣреніе свое съ такою торжественностію: *не смотря ни на что, я пишу и буду писать!* Сочинитель не запрещаетъ никому дѣлать что ему угодно. Впрочемъ Г. Издатель несправедливо укоряетъ сочинителя предложеніемъ одной изъ тѣхъ новостей, которыхъ самъ онъ неодобряетъ. Тутъ нѣтъ никакой новости отъ слова *Русь* писать *Руской.* Книга напечатанная въ 1805 году не можетъ служить доказательствомъ, ниже слово *Персской* въ Библіи. Въ проповѣдяхъ Ѳеофановыхъ, напечатанныхъ въ 1765 году, въ торжественномъ словѣ на взятіе города Гданска, на стран. 240 (строка 4) напечатано *Русскій солдатъ;* а тамъже на стран. 241 (строка 21) стоитъ *мечь Рускій:* чемужъ слѣдовать? Итакъ хорошо справляться съ книгами, но надобно еще притомъ разсуждать, соображать съ свойствомъ языка, и доискиваться всему причины. Еслибы Г. Издатель вывелъ, что прежде всегда писалось *Руссь* (а не *Русь*), тогда бы можно было ему повѣрить. Да хотя бы кто и доказалъ, что пра-

вильнѣе *Русской*, такъбы еще не слѣдовало изъ того, что должно писать и *Французской* и *Нѣмецской* и *отецской* и *Соловецской*; ибо никакая книга не можетъ увѣрить въ томъ, когда свойство языка увѣряетъ въ противномъ. Во второй части разбора своего (No 13, стран. 34 и слѣдующія) господинъ Издатель, выписавъ изъ *разговоровъ о словесности* мѣсто, гдѣ сочинитель оныхъ разсуждаетъ о надобности читать иностранныхъ писателей, но еще о большей надобности упражняться въ своемъ языкѣ, говоритъ:

„Вотъ важныя причины, для которыхъ „господинъ сочинитель совѣтуетъ почерпать „красоты стихотворства въ своихъ отече„ственныхъ источникахъ. Онѣ впрочемъ „справедливы; но намъ теперь еще не льзя „упрекать себя излишнимъ прилѣпленіемъ „къ Гомерамъ и Виргиліямъ."

Сочинитель и не думалъ упрекать. Онъ самъ желаетъ, чтобъ Греческой и Латинской языки, толь сродные съ Славенскимъ, были первые, и предпочтительнѣе всѣмъ новѣйшимъ языкамъ преподавались въ училищахъ. Однакожъ думаетъ: что естьли и къ нимъ такъ прилѣпиться, что не рачить о своемъ собственномъ, то и они будутъ безполезны и вредны. Надобно, чтобъ хорошія иностранныя сѣмена, посѣянныя въ Ру-

ской умъ и душу, переродясь въ нихъ, произвели Руской плодъ, а не чужестранный. Далѣе господинъ Издатель Вѣстника, приписывая причину небреженія о своемъ языкѣ воспитанію и чрезвычайному прилѣпленію нашему къ Французскому языку (въ чемъ сочинитель разговоровъ конечно съ нимъ согласенъ) продолжаетъ на слова его: (Кантемиръ, Тредьяковской и Ломоносовъ были первые основатели нашихъ стихотворныхъ сочиненій, потому что до нихъ хотя и были нѣкоторыя сочиненія въ стихахъ, но весьма немногія и проч.), слѣдующимъ образомъ возражать:

„До упомянутыхъ стихотворцевъ извѣ„стны уже были многія сочиненія въ сти„хахъ и даже имена сочинителей. . . Симе„онъ Полотскій, Лазарь Барановичь, Дими„трій Тупталo, Ѳеофанъ Прокоповичь, Ме„двѣдевъ и другіе оставили намъ немалое „количество стихотвореній.“

Ежели сочинитель разговоровъ ошибся, сказавъ, что до временъ Кантемира, Тредьяковскаго и Ломоносова не было у насъ стихотвореній, то онъ радуется своей ошибкѣ, и признается, что онъ стихи Полотскаго (преложеніе псалмовъ) читалъ; но стиховъ Барановича, Тупталы и Медвѣдева не случалось ему видѣть. Чтожъ принадлежитъ до Прокоповича, то кромѣ нѣсколькихъ строкъ,

помѣщенныхъ въ Кантемировыхъ сатирахъ, онъ также никакихъ другихъ стиховъ его не знаетъ. Можетъ быть многіе (говоритъ онъ) не дошли до его свѣденія. Онъ бы весьма обрадовался, естьли бы кто собраніемъ и изданіемъ оныхъ въ томъ переувѣрилъ его. Далѣе господинъ Издатель Вѣстника продолжаетъ:

„Итакъ стихотворцевъ и стихотвореній было у насъ довольно прежде Кантемира и Ломоносова. Но не всякой стихотворецъ можетъ назваться піитомъ. Иное „дѣло составлять стихи, то есть писать „размѣренными строчками, а иное творить, „вымышлять, подражать натурѣ.“

Давно извѣстная правда, что между худымъ и хорошимъ стихотворцемъ весьма много разности, и гораздо болѣе, нежели между словами *стихотворецъ* и *піитъ*, изъ которыхъ послѣднее одно и само по себѣ не означаетъ особенно того стихотворца или піита, которой творитъ, вымышляетъ, подражаетъ натурѣ. Латинцы, Италіянцы, Французы и проч., равно Виргилія и Бавія называютъ *поэтомъ*. Не знаю почему намъ слово сіе кажется такъ многозначущимъ. Я думаю потомуже, почему и *дежурной* есть нѣчто превосходнѣе *дневальнаго*, хотя Францускoй *jour* и Руской *день* ни мало не лучше одинъ другаго. Когда Г. Издатель придаетъ

такую важность глаголу *творитъ*, то не знаю почему тойже важности не хочетъ онъ видѣть въ словѣ *стихотворецъ*. Выше говорено уже о стихахъ Барановича, Туптала и Медвѣдева, но я увѣренъ, что ежели бы Прокоповичь оставилъ намъ побольше сочиненій своихъ въ стихахъ, то какъ хочешь его назови, стихотворцемъ или піитомъ *), однакожъ вѣроятно и въ томъ и въ другомъ званіи былъ бы онъ съ отличными достоинствами. Далѣе Г. Издатель послѣ словъ своихъ: „(Г. Сочинитель разсматриваетъ особливо каждый изъ помянутыхъ источниковъ. Дабы показать богатство Славянскаго языка, и что нерѣдко „и въ прозѣ попадаются стихотворческія „мысли, онъ предлагаетъ слѣдующее:)“ дѣлаетъ изъ него выписку: (когда я читаю слѣдующія выраженія: *отрыгни сердце мое слово благо*, или *радуйся свѣще неугасимая огня невещественнаго*, или *младъ бо* **) *лѣты*,

---

*) Часто слову важность или неважность смысла его опредѣляетъ рѣчь, въ которой оно употреблено. Въ извѣстной фонъ Визина эпиграммѣ на нѣкотораго забавнаго стиходѣя:

Натуры пасынокъ, проказъ ея примѣръ,
Піита, философъ и унтеръ-офицеръ.

слово *Піитъ* не означаетъ того, которой творитъ, вымышляетъ, подражаетъ натурѣ.

**) Въ текстѣ и въ разговорахъ о словесности поставлено *бѣ*, а не *бо*. Безсомнѣнія это опечатка, не досмотренная

но умъ его сѣдинами цвѣтяше, или *коснись горамъ и воздымятся*, и тому подобныя, то и проза кажется мнѣ стихами). И потомъ продолжаетъ:

„Выраженія сіи весьма понятны, слѣ„довательно хороши."

Заключеніе несправедливое, поелику и понятное можетъ иногда быть нехорошо. Замѣтимъ здѣсь, что сочинитель нарочно каждое изъ сихъ выраженій разбираетъ, показывая чѣмъ онѣ хороши, но Г. Издатель избѣгаетъ выставлять его доказательства.

„Естьли бъ во всѣхъ нашихъ переводахъ „книгъ Священныхъ наблюдена была такая „ясность, то не было бы надобности при„бѣгать къ Греческимъ и другимъ перево„дамъ для разумѣнія мѣстъ неисправно пе„реложенныхъ, или испорченныхъ перепи„счиками."

Сочинитель говоритъ о красотѣ приведенныхъ имъ выраженій, а г. разбиратель о какихъ-то испорченныхъ переписчиками мѣстахъ; сочинитель доказываетъ, почему сіи выраженія хороши, а г. разбиратель, не

Г. Издателемъ; однакожъ гдѣ выставляются слова другаго для оговариванія оныхъ, тамъ надобно смотрѣть прилѣжно, чтобъ не было такихъ опечатокъ, которыя затмѣваютъ смыслъ; ибо какъ скоро здѣсь поставить частицу *бо* вмѣсто глагола *бѣ* (былъ), такъ скоро рѣчь сія изъ ясной дѣлается темною.

говоря ни слова о его доказательствахъ, утверждаетъ, что въ Священныхъ книгахъ есть неисправно переложенныя мѣста. Желаю знать, объ одномъ ли они говорятъ? Положимъ, что г. разбиратель правъ, но развѣ неисправныя мѣста мѣшаютъ симъ выраженіямъ быть хорошими?

„Но господинъ сочинитель смотритъ на „нихъ, какъ на образцы изящности; какъ на „доказательства обилія Славянскаго языка."

Хотя Г. Издатель Вѣстника и заоставляетъ сочинителя разговоровъ *смотрѣть* на два или на три выставленныя имъ выраженія, какъ *на доказательства обилія Славенскаго языка*, однакожъ онъ не такъ на нихъ *смотритъ*. Онъ знаетъ, что вынятыми изъ казны откупщика, двумя или тремя рублями не показываютъ богатство сего откупщика. Безпристрастный читатель также знаетъ, что доказательства его о томъ заключаются во всѣхъ его сочиненіяхъ, а не въ одной какой либо рѣчи или строкѣ изъ оныхъ. Но оставимъ сію маленькую несправедливость, и разсмотримъ не сокровенный, а явный смыслъ словъ господина Издателя. Онъ говоритъ: *выраженія сіи хороши, но сочинитель находитъ ихъ изящными*. Чтожъ такое? И вѣдомо, изящное съ хорошимъ не противуположно, а смежно: слѣдовательно ежелибъ и такъ сказано было, то и тогда не могло

бы подвержено быть возраженію. Но замѣтимъ еще, что сочинитель разговоровъ и не называлъ ихъ *изящными*, а просто хорошими; и какъ Г. Издатель находитъ ихъ таковымиже, то кажется бы и говорить было не о чемъ. Сверхъ сего сочинитель доказываетъ, почему находитъ ихъ хорошими: и такъ желающему изъявить свое съ нимъ несогласіе надлежало бы доводы его, а не просто мнѣніе опровергать.

„Я осмѣливаюся думать, что можно бы „представить множество другихъ доказа„тельствъ.“

Во первыхъ сочинитель въ тойже самой книгѣ своей представляетъ многія другія доказательства, разбираетъ Ирмосы, Псаломъ, и проч.; а въ другихъ изданныхъ имъ сочиненіяхъ своихъ еще и болѣе о томъ распространяется. Во вторыхъ мнѣ извѣстно, что сочинитель отнюдь не споритъ противъ того, что *можно бы представить множество другихъ доказательствъ*, и желаетъ отъ всего сердца, чтобъ господинъ Издатель Вѣстника представилъ ихъ, и далеко превзошелъ его въ томъ.

„И что не только всякой изъ обрабо„танныхъ Европейскихъ языковъ удобенъ „выразить оныя мысли, но даже Латышской „и Чухонской, ибо Летты и Финны чита-

„ютъ на своемъ языкѣ Священное Писаніе „и молятся по книгамъ.“

Въ этомъ трудно господину Издателю повѣрить. Перевесть какую нибудь рѣчь или истолковать мысль на всякомъ языкѣ можно; да не въ томъ дѣло; а вотъ въ чемъ: всякой ли языкъ удобенъ съ такоюже высотою, силою и краткостію выражать мысли, какъ другой? Сличая переводъ нашей Библіи съ переводами новѣйшихъ, по словамъ господина Издателя *обработанныхъ* языковъ, Сочинитель разговоровъ находитъ въ нашемъ недосязаемую ими высоту, и не просто находитъ, но доказываетъ это многими приведенными въ сочиненіяхъ своихъ примѣрами. Послѣ сего никакой читатель, ниже самъ господинъ возражатель не можетъ отъ него требовать, чтобъ онъ Латышской и Чухонской языки сравнилъ съ Славенскимъ, не смотря на сильное доказательство что *Летты и Финны молятся по книгамъ*.

„Касательно выраженія *отрыгнуть слово* „прилично было бы замѣтить, что въ Еврейскомъ языкѣ глаголъ *рыгать*, *отрыгать*, „по видимому не заключалъ въ себѣ той „противной идеи, какую у насъ онъ представляетъ.“

По видимому? Да гдѣ жъ это *видимое*, котораго не *видно*? Противную или непротивную *идею* сообщаетъ слову дѣйствіе имъ

изображаемое, а не звукъ сего слова: и такъ когда Еврейской и Славенской глаголы одинакое представляютъ дѣйствіе, то и противность или непротивность ихъ должна быть одинакаяже, по крайней мѣрѣ въ глазахъ здраваго разсудка у всѣхъ людей одинакаго.

„Правда, что сіе слово поставлено здѣсь „въ переносномъ значеніи, однакожъ намъ „правилами риторики запрещаются низкія „метафоры."

Не знаю о какой *риторикѣ* говоритъ господинъ Издатель, которая бы запрещала Ломоносову прекраснѣйшимъ стихомъ сказать о пальбѣ изъ пушекъ:

Гортани мѣдныя рыгаютъ жаръ свирѣпый.

или въ другомъ мѣстѣ:

За холмы, гдѣ паляща хлябь,
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ.

желалъ бы я посмотрѣть, какимъ въ стихахъ сихъ лучшимъ словомъ замѣнитъ кто сіи важные и сильные глаголы; не знаю какая *риторика* запрещаетъ Исаію со вдохновеніемъ и силою воскликнуть: *радуйтеся небеса, и веселися земле! да отрыгнутъ горы веселіе, и холми правду*, *яко помилова Богъ люди своя*, или Давиду: *отрыгни сердце мое слово благо*, и въ иномъ мѣстѣ: *день дни*

отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ. Ежели *риторика* называетъ сіи прекрасныя и превосходныя мѣста *низкими метафорами*, то признаюсь въ моемъ невѣжествѣ, прошу Бога, чтобъ онъ меня помиловалъ отъ этой *риторики*.

,,Свойства языковъ различны: Французы ,,долго не рѣшались въ стихотвореніяхъ своихъ употреблять слово vache *корова*; они ,,говорятъ и пишутъ faire des enfans, между ,,тѣмъ какъ у насъ благопристойность за-,,прещаетъ употребить равнозначительныя ,,слова для выраженія оной мысли.“

Да позволено мнѣ будетъ о Французскомъ языкѣ, о словѣ *vache*, и о выраженіи *faire des enfans*, умолчать. Всякъ и безъ меня можетъ почувствовать силу таковыхъ возраженій. Пусть сами Французы скажутъ, пишутъ ли и говорятъ ли они это въ порядочныхъ книгахъ и передъ порядочными женщинами. Мнѣ кажется здѣсь неблагопристойнымъ образомъ говорится о благопристойности.

,,Въ словахъ *сѣдинами цвѣтяше* господинъ ,,сочинитель находитъ какое-то извитіе, ко-,,торое тутъже называетъ украшеніемъ или ,,игрою словъ.“

Сочинитель тутъже даетъ отчетъ читателю, доказываетъ свое мнѣніе. Итакъ надлежало бы доказательство его опровергать, а не мнѣніе, называя оное *какимъ-то*.

Оно не *какое-то*, а вотъ какое: (Б. теперь разсмотримъ выраженіе *младъ бѣ лѣты, но умъ его сѣдинами цвѣтяше*. А. мнѣ кажется въ сихъ словахъ *сѣдинами цвѣтяше* заключается нѣкое противурѣчіе. Слово *сѣдины* показываетъ старость, а глаголъ *цвѣтетъ* изъявляетъ молодость: какъже можетъ что нибудь старостію молодѣть или сѣдинами цвѣсти? Б. въ семъ-то самомъ и состоитъ извитіе или украшеніе, что кажущееся противурѣчіемъ не есть противурѣчіе, потому что основаніе мысли справедливо. Чѣмъ старѣе становится человѣкъ, тѣмъ умъ его дѣлается опытнѣе, разсудительнѣе, сильнѣе и тверже: слѣдовательно *цвѣтетъ*. Итакъ, когда противуположеніе, что въ молодомъ человѣкѣ былъ такой умъ, которой свойственною старымъ людямъ мудростію прославлялся, не имѣетъ въ себѣ ничего темнаго и неестественнаго, то и украшеніе онаго симъ извитіемъ или игрою словъ, *сѣдинами цвѣтяше*, не отъемля у него ни мало ясности, придаетъ ему много остроумія и пріятности. (Разговоры о словесности стр. 5) *). Вотъ противъ чего надлежало бы воз-

*) Благосклонный читатель извинитъ помѣщеніе здѣсь того мѣста, которое Г. Издатель, не показывая онаго, называетъ *какимъ-то*. Читатель долженъ судить писателя по собственнымъ словамъ его, а не по мнѣнію о нихъ того, кто скрывая оныя возражаетъ противъ нихъ.

ражать. Простое мнѣніе или предложеніе всякой, даже математической истины можно отрицать; но совсѣмъ иное дѣло доказательство опровергать доказательствомъ: тутъ ложь и правда тотчасъ обнаруживаются. Пересуживать для пользы словесности позволено всякаго; но надобно, чтобъ пересудчикъ не скрывалъ доводы того, котораго неправость онъ изобличить хочетъ. Иначе онъ будетъ только читателей вводить въ заблужденіе и вмѣсто пользы приносить вредъ.

„Я не остановился бы надъ извитіемъ; „но я вспомнилъ, что извитіе значитъ у „него всякую риторическую фигуру."

Надлежало бы не просто вспомнить, а прочитать, что такое онъ пишетъ и чѣмъ утверждаетъ свои мысли. *Я вспомнилъ!* хорошіе судьи по одной памяти, не выслушавъ дѣла и не оговоривъ онаго, не подписываютъ рѣшенія.

„Онъ ссылается на притчи Соломоновы, „гдѣ упомянуто объ *извитіи*. Я справлялся „съ Греческимъ и другими переводами Библіи, „и вездѣ находилъ, что рѣчь идетъ о сокровенномъ смыслѣ притчей, а отнюдь не „о фигурѣ. Но фигура слово не Руское! что „нужды? Не мы первые дѣлали наблюденія „надъ языкомъ человѣческимъ; не мы нашли „въ немъ переносныя знаменованія, против-

„ности и всѣ прочія украшенія; удивитель-
„но ли, что у насъ не было словъ для на-
„именованія всѣхъ отличій въ оборотахъ
„мыслей и выраженій? Передъ кѣмъ должны
„мы стыдиться? Всѣ народы блуждали бы
„донынѣ во мракѣ невѣжества, еслибъ не
„сохранились открытія древнихъ. Мы дол-
„жны краснѣться, что пользуемся благодѣ-
„яніями ученой древности не своимъ стара-
„ніемъ, но чрезъ посредство иностранцевъ,
„которые будутъ умничать дотолѣ, пока
„мы не перестанемъ нуждаться въ нихъ
„безъ малѣйшей въ томъ надобности, и пока
„не принудимъ себя черпать свѣденія изъ
„самыхъ источниковъ. — Что мнѣ нужды,
„что фигура слово Латинское? Оно имѣетъ
„свой смыслъ; я узналъ о немъ изъ твореній
„Цицерона и Квинтиліана; оно есть точ-
„ный переводъ съ Греческаго и значитъ видъ,
„образъ. На что мнѣ разрушать систему
„риторики, сооруженную Аристотелями,
„Цицеронами и Квинтиліянами? На что
„смѣшивать понятія, и фигуру (σχῆμα) на-
„зывать *извитіемъ* (ςροφη), которымъ названа
„она быть не можетъ."

Какое ученое и жаркое возстаніе про-
тиву слова *извитіе!* Я нарочно далъ здѣсь
говорить господину Издателю не прерывая
рѣчей его, дабы показать потомъ, что ве-
ликолѣпіе словъ не всегда составляетъ ис-

шинну разсужденій. Здѣсь должно почти каждое выраженіе снова пересказать. Надѣюсь читатель не поскучитъ симъ повтореніемъ, ибо лучше увидитъ, что кажущееся въ цѣлости нѣкою благовидностію, при строгомъ разборѣ всѣхъ частей онаго потеряетъ весь свой ложный блескъ. Итакъ повторимъ:

„Онъ ссылается на притчи Соломоновы, „гдѣ упомянуто объ извитіи: я справлялся „съ Греческимъ и другими переводами Библіи, „и вездѣ находилъ, что рѣчь идетъ о сокро„венномъ смыслѣ притчей, а отнюдь не о фи„гурѣ.“

И сочинитель также справлялся, съ тою разностію, что онъ не съ однимъ библейскимъ текстомъ справлялся, но входилъ во все пространство значенія сего слова. И онъ тоже говоритъ. Развѣ слова его: *нѣкоторое отъ прямаго смысла уклоненіе*, *нѣкоторая въ словахъ хитрость, кудрявость, украшеніе*, не означаютъ сокровенности смысла? И какой же другой въ притчахъ сокровенной смыслъ быть можетъ, какъ не тотъ, которой мы называемъ *аллегорическимъ, фигуральнымъ?* Латинское слово *figura* (какъ и многія другія) не одно исключительное понятіе изъявляетъ, но многія, хотя и смежныя между собою, однакожъ разныя. Сіи понятія въ словаряхъ отдѣляются на первое, второе, третье, и такъ далѣе. Всѣ

языки на семъ основаны, потому что человѣческій умъ способенъ соображать и чрезъ сцѣпленіе понятій переходить отъ одного къ другому. *Figura* въ реторическомъ смыслѣ, говоритъ Квинтиліанъ, есть искуство по правиламъ краснорѣчія вещь иначе, нежели простою или обыкновенною рѣчью, изображать *). По сему слова Давидовы: *посылаяй источники въ дебряхъ* (вмѣсто простой рѣчи: *тотъ, которой сдѣлалъ что вода течетъ по землѣ*), или слова Ломоносова: *брега Невы руками плещутъ* (вмѣсто *всѣ въ Петербургѣ радуются*), сказаны по правиламъ краснорѣчія иначе, нежели какъ въ обыкновенныхъ разговорахъ говорится. Слѣдовательно смыслъ сихъ украшенныхъ или краснорѣчивыхъ сказаній сокрываетъ въ себѣ смыслъ простыхъ рѣчей, и сокрываетъ такъ, что ничему не учившійся и ничего не читавшій человѣкъ конечно не будетъ ихъ разумѣть. Онъ привыкши къ обыкновеннымъ выраженіямъ, такимъ, напримѣръ, какъ: *отецъ посылалъ меня въ городъ*, не пойметъ выраженія: *посылаетъ источники*, или не сообразитъ съ именемъ *Невы* стоящую на сей рѣкѣ столицу, повелѣвающую всѣми Россійскими горо-

---

*) Die Art, eine Sache nach der Rhetoric anders a's die gemeine Rede erf rd rt, auszudrücken. Quint. (Beniamini Hederici Lexicon Latino - Germanicum).

дами, и потому когда брега сей рѣки (то есть жители стоящей на нихъ столицы) плещутъ руками, то и вся Россія вмѣстѣ съ ними рукоплескаетъ. Итакъ что для свѣдущаго ясно, то для несвѣдущаго самая темная загадка; но между тѣмъ весь языкъ и вся наука краснорѣчія основаны на томъ, чтобъ умѣть одно понятіе соображать съ другимъ. Обратимся теперь къ слову *извитіе*. Мы уже отчасти смыслъ онаго изъ текста Священнаго Писанія объяснили. Посмотримъ теперь, какъ оно въ другихъ мѣстахъ толкуется. Въ треязычномъ словарѣ: *извитіе*, *ἐξελιγμός*, evolutio. *Извитіе словесъ*: *αἴνιγμα*, *ῥητω*, *ῥευμα*, enigma, facundia, eloquentia. Въ Академическомъ словарѣ: *извитіе словесъ*, витійство, краснорѣчіе. Въ старинномъ Кутеинскомъ словарѣ: *извитіе*, хитрость; *извитіе словесъ*, хитрость въ мовѣ (т. е. въ молвѣ, въ рѣчахъ). Разсмотримъ теперь смежность сихъ понятій. Ежели *извитіе словесъ* или *словоизвитіе*, или просто *извитіе* значитъ *хитрость краснорѣчія*, такъ не то ли же самое значитъ и фигура, когда подъ нею разумѣется *вещь по правилу краснорѣчія иначе выраженная нежели просто говорится?* Далѣе:

„*Но фигура слово не Руское! что нужды,*
„*не мы первые дѣлали наблюденіе надъ язы-*
„*комъ человѣческимъ.*“

Переводчикъ двухъ статей изъ Лагарпа въ предувѣдомленіи своемъ ко второй статьи доказываетъ многими примѣрами и разсужденіями какой вредъ языку и наукамъ приноситъ употребленіе чужихъ словъ, вытѣсняющихъ свои собственныя. Тамъ и въ другихъ мѣстахъ примѣчаній своихъ. (См. стр. 94 и 131 перваго изданія) именно показываетъ онъ какъ и языкъ былъ въ наукахъ, когда вмѣсто *сложеніе*, *вычитаніе*, *умноженіе*, *дѣленіе*, *правило*, *поверхность*, *тѣло*, *дуга*, *равноденствіе*, *солнцестояніе*, *обращеніе*, *окружность*, *уголъ*, *прямое восхожденіе* и пр. и пр. писали *аддиція*, *субстракція*, *мултипликація*, *дивизія*, *регула*, *суперфиція*, *аркусъ*, *екиноксъ*, *солстиціи*, *циркуляція*, *циркумференція*, *ангулъ*, *ассансіондретъ* и пр. и пр. При началѣ введенія наукъ сперва надлежало научиться правиламъ оныхъ, пріемля по неволѣ чужія слова; ибо не возможно было не знавъ вещей давать имъ имена; но когда уже мы такое же ясное и чистое понятіе объ нихъ имѣемъ, какъ тѣ, отъ кого мы ихъ заимствовали, то для чего же не стараться намъ очистить языкъ свой отъ засоренія, которое сдѣлано было по нуждѣ и необходимости? Для чего построенную вновь комнату не выместь, дабы въ ней было жить пріятнѣе? Сами науки того требуютъ; ибо безъ сего не могутъ онѣ быть такъ ясны и съ та-

кимъ успѣхомъ распространяться. Мы говорили о наукахъ вообще; но развѣ наука краснорѣчія не есть *наука?* Развѣ въ ней *антономазы, катахрезисы, апострофы, фигуры, литоты, гипербаты* и пр. и пр. не тоже самое, что въ другихъ *аддиціи, субстракціи, мултипликаціи* и проч? Но одинъ ли сочинитель разговоровъ говоритъ о вредѣ, наносимомъ языку принятіемъ въ него многихъ чужихъ словъ? Многіе изъ нашихъ и чужестранныхъ весьма ученыхъ мужей давно о томъ писали *). Итакъ можно ли всѣ сіи

*) Переведемъ здѣсь изъ весьма полезной и ученой книги: (Traité de la formation méchanique des langues, et des principes physiques de l'etimologie, одну только статью, въ которой сочинитель подъ вопросомъ: *иностранныя слова, принимаемыя языками, приносятъ ли имъ существенное богатство?* разсуждаетъ о томъ слѣдующимъ образомъ:

„Языкъ мало по малу возрастаетъ отъ множества „принятыхъ словъ, и по наружности богатѣетъ, присвои„вая себѣ выраженія древнихъ или современныхъ языковъ, „особыхъ отъ того непосредственно природнаго языка, „изъ котораго почерпаетъ онъ обыкновенное свое слово„производство. Онъ поступаетъ въ томъ различными „образами: или переводитъ сложныя слова съ чужестран„ныхъ языковъ подобозначущими на своемъ языкѣ слова„ми; напримѣръ χλαμής, *casaque, surtout;* или принимаетъ „ихъ изъ чужаго языка точно таковыми въ свой, хотя бы „и легко можно было перевести оныя; напримѣръ: *Ther„mometre, Evangile;* или поддѣлываетъ ихъ немного къ сво„ему образу составленія, складыванія, и окончанія дабы „отнять у нихъ дикой и грубой звукъ произношенія со„вершенно чужестраннаго; напримѣръ: *ridingotte* вмѣсто „*riding coat* i. e. *casaque pour aller à cheval.* Сіи присвое„нія умножаютъ количество словъ въ языкѣ. Но дѣлаютъ

доказательства опровергнуть однимъ изрѣченіемъ: *что нужды?* Таковое возраженіе противъ всего на свѣтѣ сдѣлать не трудно. Когда проповѣдникъ станетъ намъ исчислять и описывать вредныя слѣдствія какова нибудь порока, мудрено ли отвѣчать ему: *что нужды, не мы первые* и проч.? Но

„ли онѣ его въ существенности богатымъ? нѣтъ; или „весьма рѣдко. Сіе богатство есть мнимое, когда тѣжъ „самыя вещи удобно означать, употребляя слова собственнаго своего языка. Оно служитъ только къ помраченію „онаго, такъ что часть людей, слышащихъ таковыя слова, „должны спрашивать что онѣ значатъ, и часто другая „часть, употребляющая ихъ, не умѣетъ имъ отвѣтствовать, по крайней мѣрѣ съ точностію и справедливостію. „Что пользы на Французскомъ языкѣ говорить по Гречески? называть *thermometre* и *evangile*, когда бы яснѣе и „столь же легко можно было сказать *mesure-chaleur* и „*bonne-nouvelle*? полезно ли было вводить въ языкъ нашъ „слова *riding-coat*, когда могли мы сказать *habit à cheval*, „которое не длиннѣе для произношенія? человѣкъ говоритъ для того, чтобъ его разумѣли. Самое величайшее „преимущество для языка быть яснымъ. Всѣ дѣйствія „граматическія долженствуютъ къ сему единому стремиться. Мы сдѣлали весьма худо, что въ языкъ нашъ „ввели столько иностранныхъ словъ, а особливо Греческихъ „цѣльныхъ. Сіе тогда только можетъ быть нужно, когда „не льзя иначе изъявить родоваго или нарицательнаго „имени какой нибудь естественной вновь познанной вещи. „Но тѣ, которые видятъ какую нибудь новую вещь, и „слышатъ ее называемою на томъ языкѣ, гдѣ оная находится, скорѣе можно сказать повторяютъ имя ее, нежели истолковываютъ посредствомъ перевода; и такимъ „образомъ входитъ оно въ употребленіе, хотя большая „часть людей не знаетъ что оно значитъ. Ученые много „способствовали сему злоупотребленію, давъ первые имена „великому числу новыхъ вещей, о которыхъ они говорить „стали. Вмѣсто того, чтобъ стараться быть для всякаго

таковое возраженіе не долженствовало бы находить мѣсто въ словесности и называться разсмотрѣніемъ или *критикою*. Далѣе:

„Не мы первые дѣлали наблюденія надъ „языкомъ человѣческимъ."

Для чего же *второму* и *третьему* точно также, какъ и *первому*, не дѣлать надъ

„вразумительнымъ, они изъ самолюбія и хвастовства употребляютъ Греческія выраженія, дабы писаніямъ своимъ „придать видъ учености. Правда, что сіи пересаженныя „слова имѣютъ иногда преимущество особеннѣе означать „именуемую ими вещь; отличать ее отъ всѣхъ другихъ „подобнагоже рода вещей, когда слово заступаетъ мѣсто „имени присвоеннаго единственно зовомой имъ вещи; чего „не льзя иногда сдѣлать съ такою точностію посредствомъ перевода или пріисканія на своемъ обыкновенномъ „языкѣ соотвѣтствующаго слова, болѣе общаго и не столь „отличающаго называемую вещь. Подъ словомъ *evangile* „разумѣемъ мы нѣчто опредѣленнѣйшее, чѣмъ подъ словомъ *bonne-nouvelle*. Но *thermometre* не значитъ ничего „болѣе, какъ *mesure-chaleur*; и орудіе сіе столь же хорошо „было бы названо по Французски, какъ по Гречески. Нашъ „по крайней мѣрѣ, при сей привычкѣ переводить, пріобрѣлъ бы способность употреблять составныя слова, „отъ чего Греческой языкъ получилъ такую точность, „богатство и согласіе, которыя извлекаетъ онъ изъ себя „собственно."

Разсужденіе сіе весьма основательно и справедливо; но еще болѣе справедливо оно въ отношеніи къ нашему Рускому, нежели къ Французскому языку. Спросятъ почему? Вотъ ясныя тому доказательства: Французъ ни въ какихъ своихъ книгахъ не найдетъ *mesure-chaleur*. Слово сіе будетъ для него ново, дико. Надлежитъ сдѣлать большую привычку, дабы перестало оно казаться таковымъ. Напротивъ того наше *тепломѣръ*, не только найдемъ мы въ книгахъ: но и никому, при первомъ услышаніи онаго не можетъ оно показаться ни ново, ни дико, ни худозвучно. Итакъ когда Французъ при всѣхъ сихъ обстоя-

нимъ наблюденій? И кто же станетъ надъ нашимъ языкомъ дѣлать наблюденія, какъ не мы?

„*Не мы нашли въ немъ переносныя зна-„менованія, противности и всѣ прочія укра-„шенія; удивительно ли, что у насъ не было „словъ для наименованія всѣхъ отличій въ обо-„ротахъ мыслей и выраженій?*"

А для чего не сдѣлаться тому, чего прежде не было, когда есть у насъ языкъ и еще богатый? Греческой или Латинской умъ, составлявшій риторику на своемъ языкѣ, нашелъ въ немъ слова для выраженія

тельствахъ, доказываетъ единоземцамъ своимъ, что полезнѣе бы для разумѣнія языка ихъ было употреблять Французское *mesure-chaleur*, нежели Греческое тоже значащее *thermometre*, то какимъ же образомъ мы оправдать себя можемъ, употребляя вмѣсто собственнаго своего, весьма знаменательнаго, благозвучнаго слова *топломѣръ*, не вразумительное, меньше благозвучное слово *термометръ*? Французъ находитъ, что слово *Evangile* означаетъ нѣчто опредѣленнѣйшее, чѣмъ *bonne-nouvelle*. Онъ правъ, потому что языкъ ихъ не способенъ однозначащими словами изъявлять простыя и важныя понятія. Они *bonne-nouvelle* не могутъ иначе сказать, какъ *bonne-nouvelle*; мы напротивъ того въ простомъ смыслѣ можемъ сказать *добрая вѣсть*, а въ важномъ или священномъ *благовѣстiе*. Слѣдовательно мы при богатствѣ языка нашего еще хуже дѣлаемъ, чѣмъ они, употребляя чужія слова. Между тѣмъ ни одинъ Французъ не вознегодовалъ противъ сего сочинителя. Никто не поставилъ ему въ странность и невѣжество, что онъ разсуждая о языкѣ говоритъ; лучше употреблять свое *mesure-chaleur*, нежели чужое *thermometre*. Никто сими умствованіями его не оскорбился. Мы одни подобныхъ о языкѣ своемъ разсужденій, не знаю почему, отмѣнно не любимъ.

своихъ понятій: по чемуже Руской умъ, составляющіи науку краснорѣчія на своемъ языкѣ, не можетъ въ немъ найти тогоже? Не мы первые начали строить города, но помѣшало ли намъ это построить Москву и Петербургъ, когда у насъ были потребныя къ тому вещи и руки дѣлателей? За что такъ себя уничижать, что мы ничего сами собою производить не можемъ? Не было наукъ и художествъ, не было и словъ, конечно такъ; но мало ли послѣ того съ упражненіемъ въ оныхъ родилось и названій? Мы выше сего, разсуждая о первоначаліи наукъ, показали уже тому примѣры; да и здѣсь господинъ возражатель самъ употребляетъ слова: *переносное знаменованіе*, *противности*, *обороты мыслей*, *выраженія*; всѣ сіи слова (подобно какъ и слово *фигура*), принадлежатъ къ наукѣ краснорѣчія, въ ней опредѣляются, и слѣдовательно не прежде оной могли въ языкѣ нашемъ основаться. Почемуже, для того что не мы нашли правила сей науки, не можемъ мы своимъ языкомъ говорить о сихъ правилахъ?

„*Передъ кѣмъ должны мы стыдиться?*"

Сами передъ собою, что не хотимъ разсуждать, и даже не любимъ тѣхъ, которые разсуждаютъ.

„*Всѣ народы блуждали бы донынѣ во*

„мракѣ невѣжества, еслибъ не сохранились „открытія и изобрѣтенія древнихъ.“

Мнѣ кажется Г. Издатель хотѣлъ сказать здѣсь что нибудь другое; ибо никакимъ образомъ не можно утверждать *что всѣ народы безъ сохраненія изобрѣтенія и открытія древнихъ блуждали бы и понынѣ во мракѣ невѣжества.* Одинъ Невтонъ и Эйлеръ тому возпрекословятъ. Сверхъ сего таковое предположеніе противно здравому разсудку: ибо мы не видимъ, чтобъ человѣческій умъ старѣлся и вѣтшалъ: слѣдовательно ежели древніе могли изобрѣтать и открывать, такъ и мы тоже дѣлать можемъ.

„Мы должны краснѣться, что пользуемся „благодѣяніями ученой древности не своимъ „стараніемъ, но чрезъ посредство иностран„цевъ, которые будутъ умничать дотолѣ, „пока мы не перестанемъ нуждаться въ нихъ „безъ малѣйшей надобности, и пока не при„нудимъ себя черпать свѣденія изъ самихъ ис„точниковъ.

Здѣсь господинъ Издатель Вѣстника, возражая противъ сочинителя разговоровъ, неумышленно защищаетъ его мнѣніе, и обвиняетъ себя; ибо запрещать своимъ языкомъ объяснять понятія, и не смѣть касаться словъ, выдуманныхъ иностранцами, есть самое то, что *нуждаться въ нихъ безъ малѣйшей въ томъ надобности.* Когда мы

съ богатымъ языкомъ своимъ, имѣя премножество словъ, сдѣлаемъ ихъ отъ невниканія въ коренной смыслъ оныхъ, пустыми, брошенными звуками и станемъ для выраженія понятій заимствовать слова изъ языковъ не больше или меньше нашего богатыхъ, почитая за грѣхъ упражняться въ умствованіи и распространеніи знаменованій оныхъ на собственномъ языкѣ своемъ, то изъ какихъ бы ни стали мы черпать источниковъ, ничего не почерпнемъ, и все, какъ сквозь рѣшето, прольется прежде нежели мы поднесемъ оное ко рту.

,,*Что мнѣ нужды, что фигура слово Ла-*
,,*тинское? оно имѣетъ свой смыслъ.*"

И всякое слово имѣетъ свой смыслъ, Латинское Латинской, а Руское Руской. Дѣло не въ томъ, что имѣетъ смыслъ; а въ томъ, какой смыслъ?

,,*Я узналъ о немъ изъ твореній Цицерона*
,,*и Квинтиліяна: оно есть точный переводъ*
,,*съ Греческаго и значитъ видъ, образъ.*"

Такъ. Это главное его значеніе; но оно распространяется и многія другія смежныя, то есть удобныя къ соображенію одно съ другимъ. понятія представляетъ. Напримѣръ начерченный на бумагѣ треугольникъ и человѣческое лице (figura humana) суть двѣ со-

всѣмъ различныя вещи, однакожъ онѣ подъ однимъ и тѣмъ же именемъ разумѣются. Въ наукѣ краснорѣчія тожъ самое имя совсѣмъ не *треугольникъ* и не *лице* значитъ, но нѣчто иное. Господинъ Издатель говоритъ, что онъ узналъ его изъ Цицерона и Квинтиліяна; но почемуже онъ узналъ его? потому что Цицеронъ и Квинтиліянъ его опредѣляютъ; ибо безъ опредѣленія не можетъ оно имѣть кромѣ общаго смысла, недостаточнаго къ изъявленію того, что разумѣется подъ нимъ въ наукѣ краснорѣчія. Для чегожъ подъ тѣмъже самымъ Цицероновымъ и Квинтиліяновымъ опредѣленіемъ не хочетъ онъ разумѣть Рускаго слова? Напримѣръ извитіе есть образъ такой-то и пр.

„*На что мнѣ разрушать систему рито-„рики, сооруженную Аристотелями, Цицеро-„нами и Квинтиліянами?*

Какъ? отъ того что въ Рускомъ языкѣ подъ словомъ *извитіе* разумѣться будетъ тожъ самое, что въ Латинскомъ разумѣется подъ словомъ *figura*, разрушится сооруженная Аристотелями, Цицеронами, Квинтиліянами система риторики? Какъ? отъ того, что я Латинской *екинонсъ* назову *равноденствіемъ*, разрушится Птоломеева и Коперникова система, затмится луна, погаснетъ солнце, и звѣзды упадутъ на землю? Ежели слово *извитіе* угрожаетъ такими бѣ-

дами, что сочинитель разговоровъ долженъ непремѣнно отъ онаго отрещися. Но почему же сихъ бѣдъ не случилось съ Латинцами, которые Греческое *σχῆμα* назвали своимъ словомъ *figura*, происходящимъ (какъ толкуютъ *знающіе* языкъ писатели) отъ глагола *fingo*, *fingere*, и можетъ быть имѣющемъ совсѣмъ иной корень съ тѣмъ, отъ котораго происходитъ Греческое слово?

„На что смѣшивать понятія, и фигуру, „(σχῆμα) называть извитіемъ (ςροφη), которымъ „названа она быть не можетъ.“

Мы видѣли что такое значитъ *извитіе*. Повторимъ еще: оно происходитъ отъ глагола *вію*, *извиваю*, или *извращаю* и слѣдовательно значитъ: даю прежнему образу другой, лучшей; превращаю для украшенія, нѣчто прямое или простое въ нѣчто изгибистое, узорное, пригожее. Потомъ смыслъ онаго (какъ и многихъ другихъ словъ) распространяется по соображенію или сцѣпленію смежныхъ между собою понятій. Отсюду въ треязычномъ словарѣ толкуется оно Латинскими словами *evolutio*, *enigma*, *facundia*, *eloquentia*. Въ Академическомъ словарѣ: *витійство, краснорѣчіе*. Въ старинномъ кутеинскомъ: *хитрость*, *искуство въ рѣчахъ*. Въ священномъ Писаніи нѣчто подобное же: *сокровенный смыслъ*, *украшенная рѣчь*, *хитрое изрѣченіе*. Цицероны и Квинтиліяны о значеніи

слова своего *figura*, въ наукѣ краснорѣчія, тожъ самое толкуютъ, такимъ же образомъ опредѣляютъ оное. Вотъ какимъ средствомъ, кажется мнѣ, надлежитъ изъ соображенія всѣхъ сихъ понятій выводить смыслъ словъ, и находить сходство между оными; а не просто посмотрѣть, какое слово стоитъ въ Греческой Библіи, и какое въ Руской. Сего еще недовольно. Далѣе Г. Издатель говоритъ:

,,Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ примѣровъ ,,изъ книгъ богослужебныхъ, сдѣланное госпо- ,,диномъ сочинителемъ, было бы гораздо по- ,,лезнѣе, еслибъ оные сличаемы были съ под- ,,линникомъ.“

За чѣмъ? Сочинителю разговоровъ ни какой надобности не было сличать ихъ съ подлинниками. Это совсѣмъ не касается до его намѣренія. Кто хочетъ доказывать вѣрность или невѣрность переводовъ, тому это надобно. А сочинителю даже и не нужно было знать сочинены ли они на Славенскомъ языкѣ, или переведены съ Греческаго, или инаго языка. Онъ разсматриваетъ въ Руской рѣчи и Рускихъ словахъ значеніе ихъ, выраженіе и красоту изъявляемой ими мысли. Скажетъ кто да это переведено съ Греческаго языка и есть нѣкоторыя неточности. Онъ будетъ отвѣчать: можетъ быть, но я не о томъ говорю; я разсуждаю только

о томъ, что сказано въ Рускомъ, и хорошо ли сказано или худо. Но посмотримъ какая польза, по мнѣнію господина Издателя, вышла бы изъ того, еслибъ сочинитель сличалъ ихъ съ подлинниками:

„Въ Ирмосѣ: *древлѣ убо проклята бысть* „*земля Авелевою очервленившися кровію*, и пр. „Читатель увидѣлъ бы, какъ слова *очервле*-„*нившися*, *братоубійственною*, *боготочною*, „составлены точно по Греческимъ."

Да какое до того дѣло и сочинителю разговоровъ и читателю? Какая мнѣ нужда и польза увидѣть, что *братоубійственною* и по Гречески точно тоже? что Нѣмецкое *wolgeboren* и Руское *благородный* составлены точно одинакимъ образомъ? Что Француское *conscience* и Руское *совѣсть* представляютъ точно тожъ сложное понятіе, поелику предлогъ con значитъ *со*, а имя science *вѣдѣніе*? Чему я изъ этова научусь? Къ какому знанію языка моего послужитъ мнѣ это? Но когда я стану разсуждать, что слово *братоубійственною*, *боготочною* и проч., составлены изъ Рускихъ словъ *братъ* и *убивать*, *Богъ* и *точить*; когда, вникая въ языкъ, увижу, что весьма хорошо сказать: *убійственною рукою брата*, но въ иномъ случаѣ лучше: *братоубійственною рукою*; что весьма хорошо сказать: *истекающею или точащеюся изъ тебя, боже, кровію*: но короче и

сильнѣе: *боготочною твоею кровію*; когда, говорю, такимъ образомъ стану я разсуждать и замѣчать, тогда узнаю силу словъ и языка. Вотъ что мнѣ надобно! А Греческой ли языкъ, или иной какой, подалъ поводъ къ составленію сихъ словъ, или онѣ и прежде переводовъ съ Греческаго, по удобности языка нашего къ сложенію словъ, составлены на немъ были, до этова нѣтъ мнѣ ни малѣйшей надобности, ниже любопытства; ибо я и безъ того знаю, что всѣ народы одарены умомъ и размышленіемъ. Слѣдовательно и Грекъ, и Руской, и Французъ, и Нѣмецъ, могутъ легко одинакимъ образомъ думать, и въ составленіи словъ попадать на одинакія понятія, не вредя чрезъ то ни мало языкамъ своимъ.

„Увидѣлъ бы, что въ Славенскомъ пере„водѣ частица *убо* совсѣмъ лишняя, между „тѣмъ какъ на Греческомъ она, по свойству „языка, терпима.“

Что такое *терпима?* Можетъ ли въ какомъ нибудь языкѣ какое нибудь слово или частица употребъяться и быть ненадобна или только что терпима? Частица сія не изъ Греческаго языка взята, слѣдовательно она прежде перевода книгъ съ онаго существовала и значеніе свое имѣла. Можетъ быть въ иной рѣчи, для строгаго сохраненія точности, и удержана оная въ переводѣ

излишно, однако изъ сего не слѣдуетъ, что она не надобна. Ежели бы кто сказалъ: *солнце лучами свѣтитъ,* то весьма бы несправедливо было утверждать, что поелику въ сей рѣчи слово *лучами* есть излишнее, слѣдовательно слово *лучи* совсѣмъ не нужно въ языкѣ.

„Увидѣлъ бы, что въ стихѣ *отъ запре-* „*щенія твоего побѣгнутъ*, *отъ гласа грома* „*твоего* (απο Φωνης Βροντῆς σȣ) *) *убоятся*, гдѣ „господинъ сочинитель находитъ сильное и „смѣлое иносказаніе, есть только значи- „тельность и слѣдовательно сила, а смѣла- „го иносказанія совсѣмъ непримѣтно.“

Во первыхъ *значительность* не есть *сила,* и потому слово *слѣдовательно* тутъ быть не можетъ. Во вторыхъ, хотя *смѣлость* значитъ нѣчто иное, однакожъ гдѣ *сила*, тамъ уже есть и *смѣлость.* Но оставимъ таковыя небрежности въ чистотѣ опредѣленія словъ, и посмотримъ примѣтна ли, или непримѣтна въ вышеозначенномъ выраженіи смѣлость, и естьли въ немъ иносказаніе или нѣтъ.

„Мнѣ кажется будто *гласъ* не означаетъ „голоса выходящаго изъ гортани, а просто

*) Греческія слова изъ слова въ слово значатъ тоже, что и Рускія (отъ гласа грома твоего), и слѣдовательно все равно что о нихъ разсуждать что о Рускихъ. Онѣ къ дѣлу ни мало нейдутъ; но я принужденъ былъ ихъ выставить, для того, что онѣ у Г. Издателя Вѣстника выставлены.

„*звукъ*, точно какъ въ стихѣ псалма, хвали-
„те его во гласѣ трубнемъ и проч.; Грече-
„ской переводъ еще болѣе меня въ томъ
„удостовѣряетъ; слѣдовательно нѣтъ здѣсь
„иносказанія."

Во первыхъ: Греческое *Φωνης*, по Латински *sonus*, есть точно Славенское *звонъ* (т. е. гласъ, звукъ); и такъ неизвѣстно, въ чемъ особенно удостовѣряетъ оно господина Издателя. Во вторыхъ: сочинитель разговоровъ нигдѣ не разсуждалъ о значеніи слова *гласъ;* но ежели бы сталъ разсуждать, то конечно сказалъ бы, что слово сіе относится прямо къ человѣку или животному, и что когда мы говоримъ струна или колоколъ издаютъ гласъ, то переносимъ сіе понятіе отъ существа одушевленнаго къ вещи неодушевленной, употребляя оное вмѣсто словъ *звукъ*, *звонъ*. Въ приведенномъ же примѣрѣ: *хвалите его во гласѣ трубнѣмъ*, даже и сего переноса нѣтъ, потому что здѣсь не иной какой *гласъ* означается, какъ точно человѣческій, поелику труба не производитъ, (такъ какъ струна или колоколъ) отъ себя гласа, но только передаетъ тотъ, которой выходитъ изъ гортани человѣка. Итакъ утверждать, что *гласъ* есть просто *звукъ*, весьма несправедливо; ибо хотя имена сіи суть сословы, и могутъ иногда употребляться одно вмѣсто другаго, однакожъ не

во всякомъ случаѣ. Напримѣръ мы о поющей дѣвицѣ не скажемъ: какой у нее прекрасной *звукъ!* (вмѣсто голосъ), ниже о золотѣ и серебрѣ, что въ нихъ примѣчаются различные *голоса* (вмѣсто звуки). О Рускихъ словахъ надлежитъ разсуждать не по сравненію ихъ съ Греческими, но по собственной ихъ силѣ и значенію въ своемъ языкѣ. Наконецъ въ третьихъ: естьли бы и положить, что между гласомъ и звукомъ нѣтъ ни малѣйшей разности, то и тогда иначе не можно въ вышесказанномъ выраженіи отвергнуть иносказанія, какъ доказавъ, что *гласъ* не можетъ выходить изъ гортани, что человѣкъ не имѣетъ *гласа*, и что потому грому не можно было дать лица. Въ противномъ случаѣ правость останется всегда на сторонѣ того, кто утверждаетъ иносказаніе, ибо онъ скажетъ: пускай *гласъ* значитъ просто *звукъ*, но мысль, что *громъ говоритъ* есть уже сама по себѣ стихотворная, величественная; между тѣмъ какъ, отвергая оную, *звукъ грома* будетъ уже не красота, а погрѣшность, потому что гораздо слабѣе, нежели просто *громъ*.

,,Но еслибъ и принять громъ за лице, ,,издающее отъ себя гласъ; въ такомъ слу,,чаѣ надлежало назвать это фигурою, ,,только не займословіемъ какъ Ломоносовъ ,,перевелъ Греческое *προσωποποιια*, также и не

„иносказаніемъ, которое иначе называется „аллегоріею, и значитъ, буде не ошибаюсь, „нѣчто другое.“

Хотѣть другихъ поправлять, преподавая имъ правила въ наукѣ краснорѣчія, надобно весьма надежну быть на себя; иначе самолюбіе заведетъ самихъ насъ въ погрѣшности. Не худо иногда прочитать по прилѣжнѣе того, кому пишешь наставленіе. Г. Издатель говоритъ: *въ такомъ случаѣ надлежало бы назвать это фигурою, только не займословіемъ.* Кто читая сіе не подумаетъ, что сочинитель разговоровъ называлъ это *займословіемъ?* Ничего не бывало! отнюдь не называлъ! не хорошо возражать недѣльно и несправедливо, но еще хуже оговаривать книгу и взводить на нее то, чего тамъ совсѣмъ нѣтъ. Въ книгѣ, изданной сочинителемъ разговоровъ подъ названіемъ *переводъ двухъ статей изъ Лагарпа* (о которой Г. Издатель упоминалъ, что онъ *вспомнилъ* изъ ней слово *извитіе*), въ книгѣ сей, говорю, почти всѣ роды извитій (или пусть фигуръ) описаны и опредѣлены. Естьлибъ господинъ разбиратель, возражатель, критикъ (или какъ угодно) не одно извитіе *вспомнилъ* въ ней, а прочиталъ и выразумѣлъ ее хорошенько, такъ бы онъ сдѣлался способнѣе утверждать или возражать съ основательностію. Можно не читать писателя,

котораго читать не хочешь; но когда желаешь оговаривать его, тогда уже по неволѣ должно прочитать его со вниманіемъ, дабы, говоря о немъ на удачу, не спотыкаться на каждомъ шагу. Но оставимъ это и обратимся къ прежнему. Тамъ, въ помянутой книгѣ, между прочимъ сказано о *займословіи*, что подъ онымъ разумѣется *вѣщаніе отъ лица мертваго, или отъ бездушной вещи*, чему показаны примѣры, и даже объяснено, почему Ломоносовъ назвалъ оное симъ именемъ (см. въ оной книгѣ стр. 148). Какъ же сочинитель разговоровъ, сдѣлавъ тамъ опредѣленіе *займословію*, что оно есть *вѣщаніе отъ лица мертваго*, могъ здѣсь отнести это къ словамъ *отъ гласа грома твоего убоятся*, которыми Давидъ описываетъ могущество Божіе, и въ которыхъ нѣтъ никакова *вѣщанія отъ лица мертваго?* Естьли бы сочинитель назвалъ сіе *займословіемъ*, такъ конечно бы должно было изобличить его въ толь грубой погрѣшности; но за что же оговаривать его въ томъ, чего онъ не говорилъ? Довольно писателю труда избѣгать отъ дѣйствительныхъ погрѣшностей, а ежели еще и мнимыя ему приписывать станутъ, такъ врядъ будетъ ли Словесность наша, при такой оцѣнкѣ трудовъ, имѣть какіе либо успѣхи. Господинъ Издатель присовокупляетъ, что *иносказаніемъ*

также назвать сего не можно. Въ этомъ да позволитъ онъ себѣ не повѣрить. Сколько бы смѣшно было извитіе сіе назвать *займословіемъ*, столько же странно отрицать, что оно не есть *иносказаніе*. Онъ говоритъ: *но еслибъ и принять громъ за лице, то и тогда не будетъ иносказанія*. Какъ? Да не ужъ ли тогда будетъ это прямой смыслъ? Не ужъ ли, перемѣнясь въ не прямой, останется онъ прямымъ? А естьли не прямой, то чтожъ иное, какъ не *иносказаніе*, которое и по опредѣленію сего извитія, и по знаменованію самаго слова, не другое что значитъ, какъ сокровеніе прямаго смысла подъ *инымъ сказаніемъ*? Г. разбиратель прибавляетъ еще: *иносказаніе иначе называется аллегорія, и значитъ, буде не ошибаюсь, нѣчто другое*. Повторимъ прежнее, что естьли бы господинъ разбиратель по прилѣжнѣе прочиталъ ту книгу, о которой онъ говоритъ, такъ бы онъ нашелъ въ ней всему опредѣленіе, понялъ бы лучше переводчика, и слѣдовательно не могъ бы возражать ему, по крайней мѣрѣ такимъ образомъ, какъ онъ возражаетъ, точно какъ будто бы тотъ ни о чемъ упрекаемомъ ему по одной *невѣрной памяти* (я вспомнилъ!) не разсуждалъ и мыслей своихъ не объяснялъ. Тамъ увидѣлъ бы онъ, что такое *инословіе*

(Греческое аллегорія) *), и что такое *иносказаніе* (Греческое метафора). Увидѣлъ бы разность между оными, и однимъ словомъ, нашелъ бы все то, что объясняетъ намѣреніе и мысли переводчика, не оставляя никакова читателю сомнѣнія. Можно не соглашаться съ нимъ и не послѣдовать ему въ употребленіи словъ *извитіе*, *инословіе*,

*) Посмотримъ какъ опредѣляютъ оное: ce qui constitue essentiellement l'Allegorie, c'est que ce qu'elle semble dire, n'est jamais ce qu'elle veut dire: elle nous presente un objet, et c'est un autre qu'elle a en vue. C'est la définition qu'en donnent les Anciens eux mêmes; et c'est ce que signifioit chez les Grecs le mot Allegorie qu'ils formerent. Composé des mots *all*, autre, et *agora*, discours, il designoit un *discours different* de celui qu'on entendoit, une comparaison, une simple image. (Monde primitif, Tome I. pag. 13). Изъ сего явствуетъ, что Греческое имя *аллегорія*, составленное изъ *all* (иной) и *agora* (рѣчь, слово) есть точно наше *инословіе*, которое, *разсуждая о немъ какъ о извитіи въ словѣ учителей краснорѣчія, собственно не иное что есть, какъ продолженное иносказаніе* (*метафора*); *ибо оно состоитъ въ томъ, что говорится о вещахъ, подъ которыми разумѣется другое*. (Пер. в. двухъ стат. изъ Лагарпа стр. 124). Мы употребляемъ слово *иносказаніе* безъ всякаго опредѣленія точнаго смысла оному; притомъ же употребляемъ и слова иностранныя: отсюду, имѣя много словъ, не различаемъ ихъ, и отъ излишества оныхъ впадаемъ чрезъ смѣшеніе понятій въ недостатокъ. Иносказаніе означаетъ у насъ и аллегорію, и метафору, и тропъ, и фигуру. Такъ не лучше ли опредѣлить сіи слова и сказать: что значитъ *инословіе*, что *иносказаніе*, что *извитіе*, что *иноименіе*, что *обращеніе*, что *займословіе*, и проч.? Кому которое изъ словъ сихъ не понравится, тотъ пусть предложитъ свое, съ доказательствомъ, почему оно ближе и лучше выражаетъ опредѣленіе. Тогда всѣ ему повѣрятъ и примутъ оное. Я думаю лучше разсуждать о семъ, нежели безъ всякаго разсужденія почитать это за грѣхъ и преступленіе.

иносказаніе, и проч. (ибо онъ никого приневоливать не можетъ и не хочетъ); но не соглашаться съ нимъ въ опредѣленіи сихъ словъ, есть не съ нимъ не соглашаться (потому что оныя не его), а съ тѣми самыми Цицеронами и Квинтиліянами, которыхъ *систему риторики* самъ господинъ Издатель прославляетъ. Даже есть ли хотѣть и слова отвергать, то надобно каждое разсужденіе его и доказательство своимъ сильнѣйшимъ разсужденіемъ и доказательствомъ опровергнуть; а не просто отрицать, совсѣмъ и не справляясь, какъ и чѣмъ утверждаетъ онъ свое мнѣніе. Симъ только, а не инымъ образомъ, можно принести пользу словесности и доставить удовольствіе благоразумнымъ читателямъ. Мы пропускаемъ здѣсь особыя мнѣнія господина Издателя о непросвѣщеніи сѣвера, о неисправности нашихъ лѣтописей и проч. Это не принадлежитъ до нашего намѣренія, которое состоитъ только въ разсмотрѣніи возраженій на книгу *Разговоры о Словесности*. Сочинитель оныхъ разсуждая о лѣтописяхъ нашихъ, что и въ нихъ встрѣчаются иногда краснорѣчивыя мѣста, хорошія мысли и выраженія, которымъ *съ осторожностію и разсудкомъ подражать весьма не худо* (стран. 69), присовокупляетъ: ,,древніе писатели наши когда ,,хотѣли изобразить что нибудь сильное,

„напримѣръ великаго подвижника или бога-
„тыря, сражающагося на ратномъ полѣ и
„наносящаго страшные врагамъ своимъ уда-
„ры, то выбирали и слова такія, которыя
„бы показывали необычайную его силу:
„*Царь же Романъ летяше сосѣцая и гоня, и*
„*копѣйными прободеньми просылая врагомъ*
„*чрева* (Ник. лѣтоп. стр. 185). Здѣсь вмѣ-
„сто *исторгая* сказано *просылая чрева*. Ка-
„кое смѣлое выраженіе! Извитіе сіе въ на-
„укѣ краснорѣчія называется *иноименіемъ*,
„то есть употребленіемъ одного имени вмѣ-
„сто другаго. Если бы таковая замѣна сдѣ-
„лана была безъ всякаго намѣренія и раз-
„мышленія, или бы иносказательное слово,
„поставленное на мѣсто прямаго, служило
„только къ уменьшенію ясности и важно-
„сти смысла, тогда бы можно было назвать
„сіе небреженіемъ слога, погрѣшностію. Но
„здѣсь писатель выбиралъ слово. Ему не
„трудно было поставить *исторгая чрева*;
„но тогда было бы это одно простое пред-
„ставленіе дѣйствія, безъ всякаго искуства
„и живописи. Для того, воображая себѣ
„подвижника сего летающаго какъ молнія,
„и представляя ударъ руки его толь силь-
„нымъ, что отъ него великое число враже-
„скихъ утробъ не токмо прободаются, но
„расторженныя на многія части валятся,
„сыплются какъ песокъ; для того, говорю,

„и сказалъ онъ не прямое и безсильное *ис-*
„*торгая*, но иносказательное и многозначу-
„щее слово: *просыпая врагомъ чревà* (тамъ-
„же)“ *). Вотъ слова сочинителя разгово-
ровъ. Онъ не одинъ сей примѣръ приводитъ, но многіе, и которые всѣ подобны между собою, какъ-то: *провалитъ ребра* (изъ той же лѣтописи), *раздираетъ горы* (изъ Ломоносова), *devorer un regne* (изъ Корнелія). См. въ сей книгѣ стр. 69 и слѣдующія. Во всѣхъ сихъ примѣрахъ словà *просыпая*, *провалитъ*, *раздираетъ*, *devorer*, суть не прямыя, то есть не тѣ, какимъ бы путь въ простомъ смыслѣ стоять надлежало, но нарочно пріисканныя для приданія силы выраженію. Напримѣръ *просыпàть песокъ*, *раздирать бумагу*, суть простыя или обыкновенныя выраженія, имѣющія прямой смыслъ, и никакой особливой силы не составляющія; но *ударъ копія просыпающій чревà*, *буря раздирающая горы*, есть нѣчто необычайное, сильное. Ударъ (напримѣръ) пули, топора, можетъ прострѣлить, порубить дерево; но ударъ грома раздробитъ, разсыплетъ его. Итакъ когда я скажу: *дерево разсыпалось отъ удара*, тогда уже глаголъ сей показываетъ мнѣ, что

*) Читатель да проститъ сію выписку изъ разговоровъ о Словесности. Она необходимо нужна, дабы знать, о чемъ говорится.

ударъ тотъ былъ не меньше, какъ громовой. Вотъ о чемъ разсуждается. Посмотримъ же теперь мнѣніе господина Издателя. Онъ, списавъ изъ тойже лѣтописи цѣлую страницу, на которой находится вышесказанная рѣчь (Романъ же летяше и пр.) говоритъ:

„Какая густая тьма! Можетъ быть „тутъ есть что нибудь и хорошее; но по„куда текстъ не исправленъ и не очищенъ, „до тѣхъ поръ едва ли можно приводитъ „изъ него выписки въ примѣръ краснорѣчія.“

Какъ до тѣхъ поръ? Да кто исправитъ и очиститъ Несторову, Никонову лѣтописи, Рускую правду, Владимірову духовную, Слово о полку Игоревомъ и проч.? Ихъ и очищать не надобно. Это было бы ихъ испортить. Они священны древностію своего языка и слога; даже и письмо и начертаніе буквъ того времени надлежало бы въ нихъ сохранять. А что есть въ нихъ темныя и невразумительныя мѣста, это правда; таковыя мѣста не исправлять, а сколько можно растолковывать надлежитъ. Но опять спрошу, почему сіи темныя мѣста мѣшаютъ яснымъ быть ясными и хорошими? Доказательство ли, когда говорится объ одномъ выраженіи, и даже объ одномъ словѣ, утверждать другими выписанными изъ тойже книги мѣстами, что оно не хорошо, и что изъ этой книги не льзя приводить примѣ-

ровъ? Да Лагарпъ часто, говоря о цѣлой трагедіи худо, превозноситъ въ ней одинъ или два стиха. Подражать кому нибудь не есть списывать съ него: и такъ вездѣ, во всякой книгѣ, старой и новой, худой и хорошей, ясной и темной, острый и трудолюбивый умъ находитъ себѣ пищу и видитъ чему подражать и чего избѣгать должно. Господинъ Издатель продолжаетъ:

„*Просыпаются чрева!* и это *иноименіе!* „кто изъ Риторовъ далъ такое опредѣленіе „сему тропу? О метафорѣ, о метонимiи, „о синекдохѣ и другихъ тропахъ вообще „сказать можно, что въ нихъ употребляет„ся одно имя вмѣсто другаго: слѣдователь„но всякой тропъ будетъ иноименіе?“

Здѣсь съ такою увѣрительностію поставлены удивленія, вопросы, доказательства, по которымъ читатель, не обязанный всегда трудиться и углублять свой умъ въ учебное и сухое разбирательство сказуемыхъ ему вещей, долженъ, повѣря имъ, заключить, что сочинитель разговоровъ конечно, по невѣжеству своему въ наукѣ краснорѣчія, сказалъ что нибудь нелѣпое, не сообразное, и заслужилъ такіе себѣ упреки. Но удивляться можно всему, чего не знаемъ, и въ такомъ-то случаѣ Метастазій называетъ удивленіе дочерью невѣденія: la meraviglia dell' ignoranza é figlia. Повторимъ, для

подробнѣйшаго разобранія, сказанное господиномъ возражателемъ и подивимся въ свою очередь:

,,*Просыпаются чрева! и это иноименіе!*"

Да, иноименіе. Оно такъ названо, и сказана причина почему названо: чемуже тутъ дивиться?

,,*Кто изъ Риторовъ далъ такое опредѣ-*
,,*леніе сему тропу?*"

Руское *иноименіе*, или Греческое *метониміа*, есть названіе, а не опредѣленіе. Во всѣхъ наукахъ сперва дается имя, а потомъ уже оное опредѣляется. Одно и тоже опредѣленіе служитъ Греческому, Латинскому, Рускому, и всякому имени. Когда самъ возражатель говоритъ *сему тропу*, слѣдовательно признаетъ оный *тропомъ*, а всякому тропу для различенія съ другимъ дается имя. О чемъ же тутъ спрашивать?

,,*О метафорѣ, о метонимiи, о синекдохѣ*
,,*и другихъ тропахъ вообще сказать можно,*
,,*что въ нихъ употребляется одно имя вмѣ-*
,,*сто другаго: слѣдовательно всякой тропъ*
,,*будетъ иноименіе?*"

Странное заключеніе! Вопросимъ въ свою очередь: ежели о *метафорѣ*, о *метонимiи*, о *синекдохѣ* и *другихъ тропахъ вообще сказать можно, что въ нихъ употребляется одно имя вмѣсто другаго*, такъ почему же тропы сіи называются *метафора, метонимія, синекдоха?*

За чѣмъ даны имъ разныя имена? Буде для различенія разнаго образа сихъ употребленій одного имени вмѣсто другаго, то почему же Греческими именами можно дѣлать сіе различеніе, а нашими нѣтъ? Естьли мы метафору назовемъ *иносказаніемъ*, а метонимію *иноименіемъ*, такъ почему въ Греческомъ языкѣ *метафора* не будетъ *метонимія*, а въ нашемъ *иносказаніе* будетъ *иноименіе?* Почему у другихъ Pierre не есть Jean, а у насъ Петръ будетъ Иванъ? Во всякомъ языкѣ всѣ слова, а особливо въ наукахъ и художествахъ, опредѣляются, и не могутъ безъ того имѣть значенія; ибо ни въ какомъ языкѣ нѣтъ такихъ словъ, которыя сами собою, безъ всякаго опредѣленія, составляли бы полное и подробное описаніе изображаемой ими вещи. Довольно, когда онѣ главное качество ея представляютъ воображенію, остальное дополняется объясненіемъ, истолкованіемъ, и такимъ образомъ смыслъ слова опредѣляется. Когда же опредѣленіе составляетъ смыслъ слова, то почему опредѣляя Греческое, мы можемъ разумѣть оное, а опредѣляя Руское, не можемъ? *Иносказаніе*, *иноименіе*, по крайней мѣрѣ говорятъ намъ что нибудь, такъ что мы и безъ опредѣленія уже нѣчто понимаемъ; но *метафора* и *метонимія* ничего не говорятъ, такъ что безъ знанія Греческаго языка и безъ опре-

дѣленія оныхъ, какой хочешь составь звукъ, онъ тоже будетъ для насъ, что и онѣ, то есть пустой, невразумительной. Пускай бы противъ подобныхъ истинъ можно было дѣлать возраженіе, еслибъ сочинитель разговоровъ предлагалъ оныя просто, безъ всякихъ разсужденій, опредѣленій и доказательствъ; но въ книгѣ его *переводъ двухъ статей изъ Лагарпа* (о которой идетъ здѣсь дѣло) все это сказано. Каждому тропу дано опредѣленіе; Руския названія соображены съ опредѣленіями сихъ троповъ, данъ отчетъ, почему переводчикъ счелъ за нужное употребить свои, а не чужія слова *). Выписывать все сіе здѣсь было бы повторять цѣлую книгу. Итакъ любопытствующій можетъ справиться въ ней (или въ самомъ Лагарповомъ подлинникѣ): о метафорѣ на стр. 113,

*) Споры о надобности и противъ надобности чужихъ словъ бываютъ отъ недостаточнаго размышленія. Конечно есть многія слова, изъ которыхъ иныя не придуманы еще въ нашемъ языкѣ, къ другимъ мы больше привыкли нежели къ своимъ. Итакъ не въ томъ дѣло, чтобъ всякое встрѣчающееся въ словесности нашей иностранное слово было нѣкое вопіющее преступленіе (долговременную привычку преодолѣвать есть весьма тяжелое дѣло); но въ томъ, что естьли несправедливое мнѣніе о непремѣнной оныхъ надобности будетъ господствующее, то умноженіе ихъ въ языкѣ не престанетъ приносить оному величайшей вредъ. Напротивъ того справедливое мнѣніе о безполезности оныхъ понудитъ каждаго обращать вниманіе на свой языкъ, и мало по малу очищать оный отъ чужеязычія, стараясь, чтобъ онъ былъ какъ одно бѣлое и чистое полотно, а не съ черными, красными, синими, и другими заплатами.

о синекдохѣ и метониміи на стран. 92, 99 и проч. Опять скажу можно не читать, но тогда должно уже молчать; а когда сталъ говорить, такъ непремѣнно надобно, чтобъ въ словахъ твоихъ видно было, что ты читалъ. Впрочемъ знаніе употребляемыхъ въ наукѣ краснорѣчія словъ не составляетъ еще знанія сей обширной науки. Потребно для сего нѣчто гораздо больше. Далѣе господинъ Издатель Вѣстника говоритъ:

,,Рыцарь находитъ въ хрустальныхъ чертогахъ красавицу, у которой тѣло такое ,,бѣлое и нѣжное, что видно *какъ изъ ко-* ,,*сточки въ косточку можжечокъ переливается.* ,,Господинъ сочинитель спрашиваетъ: не ,,показываетъ ли одно сіе выраженіе, съ ка- ,,кою тонкостію древніе наши *писатели* ,,умѣли представлять себѣ красоту жен- ,,скую? . . . Какъ отрицать въ нихъ даръ ,,воображенія, даръ вымысла, даръ стихо- ,,творства?"

Нѣтъ! сей послѣдній вопросъ сказанъ не къ выраженію *изъ косточки въ косточку;* но вотъ къ чему: ,,не для того ли обреме- ,,нили они рыцаря своего столькими пре- ,,пятствіями, столькими опасностями и ,,подвигами, дабы послѣ тяжкихъ трудовъ ,,увеличить пріятность его полученіемъ ,,толь чрезвычайныхъ прелестей? Какъ же ,,отрицать въ нихъ и пр." Вынимать слова

изъ средины и сдвигать верхнія съ нижними, а, особливо, когда выходитъ изъ того иная мысль, отнюдь не должно. Сочинитель говоритъ объ одномъ (т. е. о вымыслѣ въ сказкѣ), а его, чрезъ выпускъ словъ, принуждаютъ говорить о другомъ (т. е. о выраженіи). Справедливой разборъ или критика должна быть чиста отъ всякихъ подобныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаемъ мы иногда для лучшаго показанія правости своей въ обвиненіи другаго; но прибѣгаемъ несправедливо.

„Я осмѣлюсь замѣтить, что выраженіе „сказочника о можжечкѣ принадлежитъ къ „любимымъ фигурамъ младенческаго иску„ства, равно какъ и изображеніе какого-то „существа, у котораго *на груди красное сол-„нце, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, въ затылкѣ ча-„стыя звѣзды*, и что подражать имъ можно „только развѣ въ шуточномъ слогѣ; во вто„рыхъ тонкость едва ли состоитъ въ пред„ставленіи невозможностей; наконецъ, что „изобрѣтатели простонародныхъ сказокъ, „люди впрочемъ одаренные плодовитымъ „воображеніемъ, не принадлежатъ къ числу „писателей; ибо вымыслы ихъ переходятъ „изъ рода въ родъ посредствомъ устнаго „преданія.“

Осмѣлиться замѣчать можно, да надобно, чтобъ въ смѣлости была справедливость.

умѣть себѣ представить чрезвычайно огромное, не содержитъ въ себѣ ничего *шутливаго*. Сіи *любимыя фигуры младенческаго искуства*, сіи *представленія невозможностей*, находимъ мы въ самыхъ лучшихъ стихотворцахъ, въ Гомерѣ, въ Виргиліи, въ Тассѣ, въ Ломоносовѣ. Плодовитому воображенію всегда подражать можно. Изустныя преданія могутъ гораздо лучше быть тиснутой въ типографіи книги; сверхъ сего ничто не препятствуетъ ихъ написать или напечатать; тогда сказочникъ и писатель будутъ одно и тоже. Напослѣдокъ замѣтимъ и здѣсь, что мы не однократно уже замѣчали: гдѣ и когда сочинитель разговоровъ сказалъ: хотите ли подражать, быть писателями? Вотъ вамъ образецъ: *изъ косточки въ косточку можжечокъ переливается*. Слышите ли? Вытвердите это наизусть, и вся премудрость краснорѣчія вамъ откроется. — Нѣтъ! сколько хочешь представляй его въ такомъ видѣ, но кто прочитаетъ его съ безпристрастіемъ, тотъ конечно увидитъ, что онъ старается, сколько можетъ, вникнуть въ сокровищницы языка своего, извлечь наружу нѣкоторыя богатства онаго, представить ихъ предъ глаза юныхъ читателей, въ которыхъ горитъ охота къ словесности, и чрезъ то самое къ ихъ и общей пользѣ возбудить въ нихъ желаніе и любопытство по-

ступать далѣе внутрь сего хранилища, упражняться, размышлять и черпать, не странности изъ чужеземныхъ, но подлинныя красоты изъ собственныхъ нашихъ источниковъ. Вотъ его намѣреніе, одно и тоже во всѣхъ его сочиненіяхъ, противъ которыхъ, къ сожалѣнію, видитъ онъ столько и столько вопіяній. Сіе сожалѣніе его (какъ мнѣ извѣстно) рождается не отъ самолюбія: онъ отнюдь не гоняется за славою писателя, и всякому въ томъ (но не въ усердіи къ пользѣ) охотно уступитъ преимущество надъ собою. Посвятивъ себя приносить посильную пользу тѣмъ, которые найдутъ разсужденія его справедливыми, онъ ни о чемъ другомъ не заботится, и не сталъ бы ни съ кѣмъ состязаться, когда бы ополченія противъ него наносили вредъ одному его тщеславію. Но тамъ, гдѣ страдаетъ истина, не долженъ онъ молчать. Цѣль его выводить изъ заблужденія не тѣхъ которые противъ него пишутъ (ибо тогда бы онъ дѣлалъ не дѣло), но тѣхъ, которые для утвержденія разсудка своего хотятъ читать и слушать доказательства той и другой стороны. Впрочемъ я отвѣчаю за господина сочинителя разговоровъ, что хотя онъ не согласенъ съ господиномъ Издателемъ Вѣстника, и находитъ возраженія его несправедливыми, однакожъ сіе отнюдь не нарушаетъ

того должнаго почтенія и уваженія, какое господинъ Издатель многими достохвальными твореніями своими въ немъ и во мнѣ поселилъ. Сіе самое возраженіе противъ возраженій его не было бы сдѣлано, естьлибъ господинъ Издатель Вѣстника почитался не заслуживающимъ довѣрія отъ читателей и менѣе гласнымъ въ словесности.

ПЕРЕВОДЪ
ДВУХЪ СТАТЕЙ
ИЗЪ ЛАГАРПА,
СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ ПЕРЕВОДЧИКА.

ПЕРЕВОДЪ
ДВУХЪ СТАТЕЙ ИЗЪ ЛАГАРПА,
СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ ПЕРЕВОДЧИКА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Прежде нежели приступлю я къ переводу изъ Лагарпа двухъ статей, изъ которыхъ въ первой разсуждается о преимуществѣ древнихъ языковъ предъ новыми, а во второй о украшеніяхъ, въ краснорѣчіи употребляемыхъ, за нужное почитаю увѣдомить благосклоннаго читателя о причинахъ, побудившихъ меня къ сему переводу. Я нахожу оный весьма полезнымъ первое потому, что сличеніе, какое дѣлаетъ Лагарпъ между своимъ Французскимъ и чужими Греческимъ и Латинскимъ языками, покажетъ намъ, къ которому изъ нихъ Славенороссійскій нашъ языкъ свойствами своими подходитъ ближе. Второе, что отсюду можемъ мы яснѣе увидѣть, какъ много заблуждаются тѣ изъ насъ, которые, не вникая въ силу и богатство

языка своего, хотятъ мудрую и важную древность его превратить въ пустоболтливую юность, и думаютъ, что они украшаютъ и обогащаютъ его, когда отступая отъ истинныхъ его источниковъ вводятъ въ него чужеязычныя новости. Но для показанія, откуду заблужденіе сіе началося и какимъ образомъ возрастало, надлежитъ мнѣ отступить нѣсколько назадъ, и поговорить о прошедшихъ временахъ и обстоятельствахъ. Восходя къ источнику языка нашего открываемъ мы, что начало онаго долженствуетъ весьма далеко отстоять отъ начала словесности нашей. Сіе можемъ мы достовѣрно заключить изъ слѣдующаго разсужденія: мы до введенія въ Россію православія не видимъ ни какихъ признаковъ словесности. Самыя древнѣйшія сочиненія наши писаны уже во времена христіянства. Итакъ словесность наша, по видимому, началась вмѣстѣ съ вѣрою. Но была ли она прежде? сего мы ни утвердительно сказать, ни основательно отрицать не можемъ. Мы не имѣемъ книгъ свидѣтельствующихъ оное; но находимъ въ первоначальныхъ съ Греческаго языка переводахъ такую Славенскаго языка силу, богатство и краткость, до которыхъ не могъ онъ безъ процвѣтанія словесности достигнуть. Никакой языкъ отъ изустнаго употребленія не можетъ возне-

стись вдругъ на толикую высоту. Сверхъ сего корни многихъ, даже Греческихъ и Латинскихъ словъ, находимъ мы въ Славенскомъ и отъ него произшедшихъ языкахъ. Слѣдственно почти безсомнѣнія полагать должно, что были древнія Славенскія сочиненія, но оныя до насъ не дошли. Многоразличныя съ Россіею перемѣны, нашествія Татаръ, пожары, разоренія, и самая вѣра, языческихъ писаній не терпѣвшая, до конца ихъ истребили. Такимъ образомъ мы не знаемъ бывшей до Христіянства словесности, но остался намъ древній нашъ языкъ, въ которомъ мы видимъ толикое богатство и зрѣлость понятій, что не можемъ иначе почитать оный, какъ плодомъ долговременнаго умствованія. Сей-то чрезъ Священныя Писанія дошедшій до насъ предковъ нашихъ языкъ, отъ начала принятія вѣры даже до сего времени, слѣдовательно чрезъ восемь вѣковъ, сохраняется почти безъ всякой перемѣны. Да позволено мнѣ будетъ привесть здѣсь выписку изъ весьма древней, какъ увѣряютъ, при жизни Ярослава писанной книги, и сличить ее съ тою выпискою, какую мы въ церковныхъ нынѣ печатаемыхъ книгахъ читаемъ. Выписка сія содержитъ въ себѣ слово Іоанна Златоустаго, читаемое на заутрени въ свѣтлое воскресеніе.

Выписка изъ старинной книги, писанной на пергаментѣ.

Аще кто благочестивь и боголюбивь, да пріиметь сего добрааго тръжства *). Аще кто рабь благоразумьнь, да вьнидеть весело вь радость Господа своего. Аще кто тежаль есть постесе, да пріиметь ныня динарь. Аще кто отпрьваго часа дѣлалъ есть, да пріиметь днесь прьвыи дльгь. Аще кто потретіемь пришьль есть, благодаре да празднуеть. Аще кто о шестѣмь явильсе есть, ни что же да непорицаеть,

Выписка изъ печатающихся нынѣ церковныхъ книгъ.

Аще кто благочестивъ, и боголюбивъ, да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества. Аще кто рабъ благоразумный, да внидетъ радуяся въ радость Господа своего. Аще кто потрудися постяся, да воспріиметъ нынѣ динарій. Аще кто отъ перваго часа дѣлалъ есть, да пріиметъ днесь праведный долгъ. Аще кто по третіемъ часѣ пріиде, благодаря да празднуетъ. Аще кто по шестомъ часѣ дости-

*) Я наблюдаю здѣсь то правописаніе, какое въ сей книгѣ находится; но впрочемъ ни образа буквъ, ни сближенія между собою словъ, ни титлъ не наблюдаю; ибо для напечатанія сего надлежало бы нарочно отлить особыя буквы. Замѣчу только, что въ старинныхъ книгахъ гласныя буквы часто выпускались: напримѣръ вмѣсто благочестивъ писали *блгочтивь* подъ титлами, а иногда и безъ титлъ; вмѣсто волкъ, *влкъ* и проч. И писалось какъ *н*, а *н* какъ *и*. Глаголъ *есть* изображался одною буквою.

ибо непагоубиться. Аще кто о улишильсе есть вьдеветыи, да приступить не соумнесе. Аще кто приспѣлъ есть ai да не оубоитсе опожденія. Даровитбо есть сьь владыка, пріемлеть последняго якоже прьвааго. Покоить иже вьединнадесеше, яко дѣлавшаго отпрьва. И последняго милоуеть, и прьваго толить *). Ономоу даеть, а семоу дароуеть. И дѣло чтеть и доброволеніе

же, ничто же да сумнится: ибо ничимже отщетѣвается. Аще кто лишися и девятаго часа, да приступитъ ничто же сумняся, ничто же бояся. Аще кто точію и во единонадесятый часъ, да не устрашится замедленія: любочестивъ бо сый владыка, пріемлетъ послѣдняго яко же и перваго: упокоеваетъ въ единонадесятый часъ пришедшаго, якоже дѣлавшаго отъ перваго часа. И по-

*) Глаголъ *толить* совершенно потерянъ въ нашемъ языкѣ и вовся намъ не извѣстенъ, однакожъ по произшедшимъ отъ него словамъ не трудно до знаменованія его добраться. Мы имѣемъ слово *утолить*. Ясно, что *утолить* есть однократное глагола *толить*, и что между *толить жажду* и *утолить жажду*, точно такоеже различіе въ смыслѣ, какое между *язвить кого* и *уязвить кого*. По разуму онаго въ сей рѣчи: *и послѣдняго милуетъ и перваго толитъ*, долженъ онъ значитъ нѣчто подобное предъидущему глаголу *милуетъ*. слѣдовательно похожее на ласкаетъ, угождаетъ, благопріятствуетъ, удовлетворяетъ. Латинскія слова tollere (возносить что или кого) и tolerare (терпѣть что или кого), можетъ быть отъ одинакаго происходятъ корня: мы много видимъ примѣровъ, что забытый въ одномъ языкѣ корень слова часто отыскивается въ другомъ.

похваляетъ. Вьнидѣте оубо вси вьрадость Господа нашего. И прьвыи и вторыи мьздоу приѣте богатіи и нищіи, съ собою радоуйтесе. Постившеисе, и не постившеисе, веселитесе днесь. Трапеза пльна, питайтесе вси. Тельць великь есть, никто же изиди алче. Вси насладитесе богатства благостыне. Никто же да не плачетсе оубожьства. Явибосе обще царство.

слѣдняго милуетъ, и первому угождаетъ, и оному даетъ, и сему дарствуетъ. И дѣла пріемлетъ, и намѣреніе цѣлуетъ. И дѣяніе почитаетъ, и предложеніе хвалитъ. Тѣмже убо внидете вси въ радость Господа своего. И первіи и вторіи, мзду пріимите: богатіи и убозіи, другъ со другомъ ликуйте. Воздержницы и лѣнивіи, день почтите. Постившіися и не постившіися, возвеселитеся днесь. Трапеза исполнена, насладитеся вси. Телецъ упитанный, никто же да изыдетъ алчай, вси насладитеся пира вѣры: вси воспріимете богатство благости. Никто же да рыдаетъ убожества. Явися бо общее царство.

Языкъ можно уподобить древу, которое чѣмъ долговременнѣе растетъ и укореняется,

тѣмъ шире вѣтви свои распускаетъ и величественнѣе главу свою возноситъ. Отступать отъ коренныхъ онаго правилъ, удаляться отъ первоначальныхъ знаменованій словъ его, есть тоже, что отрубать отъ сего древа тучныя его вѣтви, и на мѣсто оныхъ прививать къ нему чуждыя, не могущія отъ него питаться лѣторасли. Всѣ вещи конечно подвержены перемѣнамъ: нѣкоторыя старинныя слова и обороты ветшаютъ и выходятъ изъ обыкновенія; употребленіе даетъ силу словамъ и выраженіямъ; отъ новыхъ понятій раждаются новыя названія, и новый образъ рѣченій; но все сіе тогда токмо вредитъ языку и потрясаетъ свойства онаго, когда не изъ собственныхъ его, но изъ чуждыхъ источниковъ почерпается. Между тѣмъ однакожъ, чѣмъ древнѣе языкъ и меньше пострадалъ перемѣнами, тѣмъ онъ сильнѣе и богатѣе. Какой же языкъ въ двухъ сихъ обстоятельствахъ сравнится съ Славенскимъ языкомъ? Сличая двѣ вышеприведенныя выписки находимъ ли мы какую разность въ языкѣ и слогѣ? Никакой; ибо нѣкоторыя перемѣны въ правописаніи, титлы, сокращенныя произношенія словъ, и тому подобное, не составляетъ существенной разности языка. За семь сотъ лѣтъ писали: *явибосе обще царство;* потомъ начали писать: *явися бо общее царство;* потомъ

стали говорить: *явилося общее царство.* Въ новѣйшей Псалтирѣ (Псаломъ 34) читаемъ мы: *суди Господи обидящія мя,* а въ вышеупомянутой мною старинной книгѣ: *соуди Господи обидещимьме.* Первая рѣчь сочинена съ винительнымъ падежемъ *суди кого,* а вторая съ дательнымъ *суди кому.* Въ новѣйшей сказано: *побори борющія мя;* въ старинной: *възбрани бороущимсе сьмною.* Въ новѣйшей: *пріими оружіе и щитъ, и востани въ помощь мою;* въ старинной: *прими оружіе и щитъ и въстани вьпомощь мнѣ.* Въ новѣйшей: *изсуни мечь, и заключи сопротивъ гонящихъ мя. Рци души моей: спасеніе твое есмь азъ;* въ старинной: *изсуни ороужіе и заври предгонящимьме, яко бысть упованіе мое, стльль* (столпъ) *крѣпости отлица вражія.* Подобныя различія не потрясаютъ основаній языка, не перемѣняютъ свойствъ, не изглаживаютъ слѣдовъ онаго. Сила и красота его остаются неповрежденными, важность и великолѣпіе сохраняются: *ты мнѣ столпъ крѣпости отъ лица вражія,* стольκожъ и нынѣ сильно и хорошо, какъ было за тысячу лѣтъ. Чтожъ производитъ въ немъ существенную перемѣну? Иное, не изъ него, но изъ другихъ языковъ почерпаемое составленіе словъ; иное, не свойственное ему, словосочиненіе; иные, не сродные ему, обороты рѣченій. Напримѣръ, когда мы нашедъ въ чужомъ

языкѣ слѣдующую рѣчь: *ses lettres sont au nombre de quarante, et roulent toutes sur des points de moral,* станемъ подражая тому писать: *его письма въ числѣ сорока, и всѣ катятся по точкамъ морали;* тогда мы изъ великолѣпнаго языка своего, изъ сего достопочтеннаго, украшеннаго сѣдиною, умудреннаго опытомъ вѣковъ старца, сдѣлаемъ вертопрашнаго, не разумнаго, безъ мыслей болтающаго юношу. Возмемъ, не говорю всѣ, но весьма многія изъ нынѣшнихъ нашихъ сочиненій, а особливо переводовъ, сколько найдемъ мы въ нихъ сего безобразія, которое привыкшіе къ чужому и не вникающіе въ свой языкъ писатели начинають называть *вкусомъ* и *остроуміемъ!* Сличимъ еще разъ двѣ вышеупомянутыя выписки, между которыми шесть или семь вѣковъ разности; и сличимъ потомъ книги, лѣтъ за тридцать писанныя, съ нынѣшними книгами: мы увидимъ, что въ шесть сотъ лѣтъ языкъ не потрясенъ былъ столько, сколько въ двадцать или тритцать лѣтъ. Для чего стихотворенія наши не столько заражены еще сею язвою, какъ проза? для того, что сочиненіе и даже переводъ стиховъ требуютъ нѣкотораго размышленія и принуждаютъ поневолѣ думать по своему; напротивъ того проза не искусному въ языкѣ своемъ, и слѣдовательно затрудняющемуся переводчику, предлагаетъ легкую сво-

боду подражать рабственно чужому словосочиненію, не разсуждая о слабости или не ясности онаго на своемъ языкѣ. Главнымъ достоинствомъ въ переводахъ поставляется, когда слогъ ихъ таковъ, что они кажутся быть сочиненіями на томъ языкѣ, на которой переведены; но у насъ собственныя сочиненія наши начинаютъ быть похожими на переводы *). Откуду и давно ли зло сіе возъимѣло свое начало? изслѣдуемъ кратко. Разсматривая постепенно словесность нашу, находимъ мы, что оная до временъ ПЕТРА Великаго заключалась въ Славенскомъ языкѣ, и почти единственно въ Священныхъ Писаніяхъ. Въ его времена, по сближеніи съ иностранцами, начали мы говорить и писать языкомъ болѣе употребительнымъ: отсюду съ естественнымъ раздѣленіемъ слога на высокой, среднiй и простой раздѣлились и слова, одному изъ нихъ болѣе приличныя, нежели другому, такъ что въ простомъ слогѣ не можемъ мы употреблять великолѣпіе

*) Мнѣ случилось разговаривать съ однимъ умнымъ и искуснымъ въ словесности Французомъ, имѣющимъ въ Рускомъ языкѣ нѣкоторыя познанія. Онъ сказалъ мнѣ: „я съ великимъ удовольствіемъ читаю старыя ваши книги для того, что языкъ въ нихъ имѣетъ нѣчто свое собственное: свой составъ словъ, свои понятія о вещахъ, свои обороты, выраженія; но признаюсь, что не могу читать новыхъ книгъ вашихъ для того, что читая ихъ, мнѣ кажется, я читаю написанную худымъ слогомъ Французскую книгу.“

Славенскаго, а въ высокомъ простоту общенароднаго языка. Среднiй же долженъ быть искусное и чистое слiянiе того и другаго; ибо безъ Славенскаго будемъ мы слабы и низки, а безъ простаго не кстатѣ иногда великолѣпны и пышны. Сей-то разборъ слоговъ есть камень претыканiя для тѣхъ, которые безъ упражненiя въ языкѣ своемъ, начитавшись однихъ Француских сочинителей, хотятъ быть Рускими писателями. Они въ высокихъ поэмахъ употребляютъ простонародныя выраженiя, и думаютъ, что сохранятъ важность Виргилiевой Энеиды, когда вмѣсто *юный* или *младый* Асканiй, скажутъ *маленькой* Асканiй. Во времена Елисаветы склонность къ подражанiю иностранцамъ, а болѣе Французамъ, мало по малу стала вливаться въ воспитанiе наше, и подъ видомъ просвѣщенiя отводить насъ отъ всего отечественнаго. Съ словесностiю нашею тожъ самое дѣлалось, ибо она всегда и у всѣхъ народовъ была мѣриломъ образа мыслей и нравовъ ихъ. Французской языкъ и чтенiе книгъ ихъ начали обворожать умъ нашъ и отвлекать отъ упражненiя въ собственномъ своемъ языкѣ. Иностранныя слова и несвойственный намъ составъ рѣчей стали по немногу вкрадываться, распространяться и брать силу. Вообще словесность того времени была ближе къ своему источ-

нику, меньше заражена чужеязычіемъ, однакожъ и тогда хорошіе писатели, таковые какъ Ломоносовъ и Сумароковъ, начинали уже чувствовать порчу языка. Сіе можно видѣть изъ жалобъ перваго изъ нихъ на дикія и странныя, какъ онъ называетъ, нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ. Онъ присовокупляетъ еще къ тому слѣдующія, при нынѣшней словесности нашей весьма примѣчанія достойныя слова: „оныя неприличности небреженіемъ книгъ „церковныхъ вкрадываются къ намъ нечув„ствительно, искажаютъ собственную кра„соту нашего языка, подвергаютъ его все„гдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоня„ютъ.“ По тогдашнему времени было это пророчество, которое нынѣ очевидно совершается. Сумароковъ въ *Трудолюбивой Пчелѣ* возставалъ также противу введенія въ нашъ языкъ иностранныхъ словъ. Итакъ мы видимъ, что и тогда язва сія начинала уже вкореняться. Въ царствованіе Великой ЕКАТЕРИНЫ прилагаемо было не малое попеченіе о чистотѣ и распространеніи Россійскаго слова. Она не токмо покровительствовала и любила оное, но сама упражнялась въ немъ, и къ Славенскому языку имѣла великое уваженіе. Однакожъ при всемъ томъ насажденныя иностранными тлѣтворныя сѣмена не преставали, какъ худая между

злаками права, расти и умножаться. Наконецъ, когда чудовищная Французская революція, поправъ все, что основано было на правилахъ вѣры, чести и разума, произвела у нихъ новый языкъ, далеко отличный отъ языка Фенелоновъ и Расиновъ, тогда и наша словесность по образу ихъ новой, и Нѣмецкой, искаженной Французскими названіями, словесности, стала дѣлаться непохожею на Руской языкъ. Во второй статьѣ сихъ двухъ переводовъ изъ Лагарпа увидимъ мы ясно, какъ истину сего, такъ и то, сколько новый нашъ языкъ сходствуетъ съ ихъ новымъ языкомъ, за которой Лагарпъ, какъ любитель истиннаго краснорѣчія, съ такою справедливостію новѣйшихъ писателей своихъ укоряетъ, и причины, отъ которыхъ зло сіе произошло, выводитъ наружу. Безразборчивое чтеніе, и слѣпая къ ихъ сочиненіямъ довѣренность, напослѣдокъ произвели у насъ то, что мы не только слогомъ своимъ отъ кореннаго языка нашего удалились, но даже и презирать оной начали. Вскорѣ появились у насъ не два или три, но цѣлые полки сочинителей, которые ничего не написавъ, ничего не прочитавъ, вдругъ возмечтали о себѣ, что они Лонгины, Квинтиліяны, Лагарпы, и стали обо всемъ судить и рядить по своему; стали проповѣдовать, что языкъ нашъ грубъ, бѣ-

денъ, неустановленъ, удаленъ отъ просторѣчія; что надобно всѣ старыя слова бросить, ввести съ иностранныхъ языковъ новыя названія, новыя выраженія, разрушить свойство прежняго слога, перемѣнить словосочиненіе его, и однимъ словомъ писать не по Руски. Сколь ни странны, ни смѣшны подобныя умствованія, однакожъ они весьма заразительны для молодыхъ умовъ, которые безъ разсужденія читаютъ, и не доказательствамъ, но словамъ таковыхъ писателей вѣрятъ. Видя толь несправедливыя понятія и кривые, безразсудно разсѣваемые толки, погашающіе въ неопытныхъ умахъ послѣднюю искру любви къ отечественному и природному языку нашему, побуждаемый усердіемъ написалъ я книгу подъ названіемъ *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*, въ которой по возможности моей старался показать, сколь много теряемъ мы отступая отъ истиннаго источника, отъ котораго бы намъ не удаляться, но восходить къ оному надлежало, и послѣдуя тѣмъ заблужденіямъ, въ которыя мы сначала по немногу, а потомъ уже съ великимъ стремленіемъ вдаваться стали. Книга сія чрезъ Министра просвѣщенія поднесена была ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, и я ощастливленъ былъ за оную знакомъ Монаршаго благоволенія. Россійская Акаде-

мія удостоила меня почестію медали. Многія духовныя и свѣтскія особы, службою, лѣтами и нравами почтенныя, похвалили мое усердіе. Иностранцы, разсматривавшіе книгу мою, отозвались о ней съ уваженіемъ *). Итакъ я много и премного награжденъ за слабые мои труды. Но не былъ я такъ щастливъ въ господахъ журналистахъ нашихъ. Они возопіяли противъ меня, и вмѣсто всѣхъ доказательствъ употребили одно только, по ихъ мнѣнію, самое сильнѣйшее доказательство, сказавъ: *онъ одинъ, а насъ много* **). Обо всемъ этомъ я не для того здѣсь упоминаю, чтобъ по самолюбію цѣнилъ много мои труды, или бы огорчался для чего мнѣ дѣлаютъ возраженія; отнюдь нѣтъ: я ни мало не ослѣпленъ моими достоинствами; знаю, что они малы, и естьли бы думалъ, что простое усердіе къ истинѣ, безъ дара краснорѣчія, не принесетъ никакой пользы, то конечно не принялся бы за перо. Со стороны же возраженій, когда бы оныя основаны были на искреннемъ желаніи разсуждать объ языкѣ, а не на личной и пристрастной защитѣ нѣкоторыхъ погрѣшающихъ противъ него писателей, тогда бы оныя были мнѣ пріятны. За сдѣланныя собственно

*) Смотри Jenaische allgemeine literatur Zeitung. den 21 Februar 1804. pag. 346.

**) См. въ Сѣверномъ Вѣстникѣ и Московскомъ Меркуріи.

мнѣ оскорбленія никогда бы я не вступился; но когда вижу распространеніе мнѣній, способствующихъ къ упадку языка нашего и словесности, тогда ничто не удержитъ меня доказывать нелѣпость и лживость сихъ умствованій, которыя смѣшны и странны при свѣтѣ разума; но весьма вредны и заразительны при мракѣ усиливающихся заблужденій. Человѣкъ искусный въ словесности улыбнется, читая нескладицу; но юноша, ищущій обогатить и просвѣтить умъ свой чтеніемъ сочиненій, чрезъ частое повтореніе страннаго и невразумительнаго сборища словъ, пріучится къ сему несвойственному намъ слогу, къ симъ ложнымъ и смѣшеннымъ понятіямъ, такъ что напослѣдокъ голова его будетъ не иное что, какъ вздорная книга. Сіи-то причины, и любовь къ общему благу, съ которымъ знаніе отечественнаго языка имѣетъ тѣсное сопряженіе, принудили меня вооружиться противу тѣхъ писателей, которые противное сему распространяютъ. Голосъ мой слабъ; боримое мною зло далеко пустило свой корень; на достоинства мои я не надѣюсь; но читающіе меня и противниковъ моихъ молодые люди да не повѣрятъ имъ, что *я одинъ*. Въ книгѣ моей, называемой *Прибавленіе къ разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ*, многихъ извѣстныхъ и знаменитыхъ писателей привелъ я въ сви-

дѣтельство. Тажъ самая причина побуждаетъ меня и къ переводу сихъ двухъ статей изъ Лагарпа, дабы показать, какимъ образомъ умствуютъ о языкахъ и краснорѣчіи тѣ, которыхъ имена по справедливости сдѣлались безсмертными. Цицероны, Квинтиліяны, Кондильяки, Фенелоны, Волтеры, Лагарпы, Ломоносовы, говорятъ краснорѣчивѣе меня, но тоже, что я. Правила мои суть ихъ правила. Итакъ пусть, все сіе разсмотря и взвѣся, молодые люди выбираютъ себѣ путь, по которому идти.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Сравненіе Французскаго языка съ древними языками *).

Надлежитъ въ семъ сравнительномъ испытаніи языковъ необходимо прибѣгнуть къ самымъ началамъ, надлежитъ говорить о именахъ, глаголахъ, членахъ, предлогахъ, частицахъ; ибо все сіе входитъ въ *словосочиненіе*, *выраженіе* и *согласіе*, три главныя вещи, составляющія рѣчь или слово. Не постыдимся снизойти къ симъ подробностямъ, которыя потому только кажутся мѣлочными, что объ нихъ безполезнымъ образомъ говорятъ дѣтямъ, не могущимъ разумѣть оныхъ; но когда мужъ любомудрый помышляетъ о всецѣломъ пути, которой проходить надлежало, дабы достигнуть до языка здраваго и правильнаго, не взирая на всѣ

*) Обѣ сіи статьи перевожу я не съ начала оныхъ и не до конца, но съ тѣхъ мѣстъ, которыя мнѣ наиболѣе для примѣчаній моихъ нужны.

его несовершенства, тогда составленіе языковъ кажется такимъ человѣческаго ума чудомъ, которое двѣ токмо вещи дѣлаютъ намъ понятнымъ, время и нужда.

Одно изъ главныхъ качествъ языка, представлять разуму, какъ можно короче и чище, соотвѣтствія бывающія между словами въ составѣ рѣчи. Такимъ образомъ, напримѣръ, сіи соотвѣтствія между именами, или именами и глаголами, опредѣляются падежами. Въ первоначальныхъ правилахъ твердятъ намъ, что ихъ шесть; но это хорошо говорить дѣтямъ; сіи падежи есть у Грековъ, у Латинцовъ и *у Рускихъ* *), а у насъ ихъ нѣтъ. Падежи отличаются между собою различными тогожъ слова окончаніями, которыя показываютъ въ какомъ соотвѣтствіи оно съ предъидущимъ или послѣдующимъ ему словомъ. Мы во всякомъ падежѣ говоримъ *homme, Dieu, livre,* и не можемъ иначе разнообразить ихъ, какъ помощію члена или частицы, *l' homme, de l' homme, à l' homme, par l' homme.* Ученыя Моліеровы жены **) сказали бы: *вотъ какъ склоняютъ.* Ничего не бывало: вотъ что дѣлаютъ, когда не могутъ скло-

---

*) Въ подлинникѣ не сказано о Рускихъ; но Лагарпъ сказалъ бы сіе, когда бы языкъ нашъ ему стольконе извѣстенъ былъ, какъ Греческій и Латинскій.

**) Femmes savantes, comedie de Moliere.

нять; ибо слово, неизмѣняющее окончанія своего, не есть склоняемое. Склонять значитъ говорить какъ Латинцы: *homo*, *hominis*, *homini*, *hominem*, *homine*; или какъ Греки: *ἄνθρωπος*, *ἀνθρώπου*, *ἀνθρώπῳ*, *ἄνθρωπον*, или какъ Рускіе: *человѣкъ*, *человѣка*, *человѣку* и проч. Для чего такъ? для того, что вмѣстѣ съ произношеніемъ слова тотчасъ видно въ какомъ отношеніи находится оно съ другими словами. Можетъ быть подумаютъ, что сей недостатокъ склоненія, которой замѣняемъ мы членами и частицами, есть вещь маловажная; но сіе потому такъ кажется, что при началѣ не можно видѣть слѣдствія, между тѣмъ сей первый примѣръ недостатка нашего покажетъ намъ, какъ все въ языкахъ одно за другое держится. Неимѣніе падежа есть главная причина, что переставка или извращеніе словъ языку нашему несвойственно, и что слѣдственно чрезъ то лишаемся мы драгоцѣннѣйшихъ преимуществъ, древнимъ языкамъ сродныхъ. Для чего не можемъ мы никогда пріучить себя говорить: *la vie conserver je voudrais* *) для того, что слово *la vie* не представляетъ уму

*) Подобныя выраженія не могутъ быть переведены; ибо хотя мы Французскую рѣчь и скажемъ изъ слова въ слово: *жизнь сохранить я желалъ бы*, но по Руски она можетъ быть сказана, а по Французски нѣтъ: и такъ переводъ не выразитъ подлинника.

никакова соотвѣтствія, на которомъ бы можно было остановиться. Услышавъ оное мы еще не знаемъ управляющее ли оно есть или управляемое, сирѣчь оно ли глаголомъ или глаголъ имъ управляетъ. Не прежде какъ уже по окончаніи рѣчи, можемъ мы узнать, что словомъ *la vie* управляетъ глаголъ *conserver*. Между тѣмъ во всякой человѣческой головѣ есть тайная логика, внушающая въ насъ желаніе во всякомъ услышанномъ нами словѣ искать связи съ другими, и чтобъ послѣдовать естественной нити сихъ связей, надлежитъ, для очищенія мысли отъ всякой темноты, непремѣнно въ языкѣ нашемъ сказать: *je voudrais conserver la vie* *). Но естьли я по Латини начну рѣчь мою словомъ *vitam*, то уже я по одному окончанію сего слова знаю, что оно поставлено въ винительномъ падежѣ, и что за нимъ долженъ слѣдовать глаголъ, который онымъ управляетъ. Я знаю откуда пошелъ и куда иду. Что для Француза кажется быть темною и принужденною перестановкою словъ, то для меня Латинца, есть естественный порядокъ мыслей. Но можетъ быть спросятъ: велика ли бы отъ того была польза, чтобъ вмѣсто *je voudrais conserver la vie* можно было говорить *la vie conserver je voudrais?* нѣтъ, для сей рѣчи

*) *Я желалъ бы сохранить жизнь.*

весьма невелика, и для всякой другой, какую бы ни выбралъ я въ обыкновенномъ языкѣ. Но спросите у стихотворцевъ, у дѣеписателей, у краснослововъ, одно ли для нихъ быть принужденными ставить всегда слова на тѣхъ же мѣстахъ, или переносить ихъ по произволенію; и отвѣтъ ихъ ясно выведенный покажетъ вамъ, что къ сему самому правилу, дѣлающему что одна изъ двухъ рѣчей для насъ невозможна, а для древнихъ естественна, прицѣпляется съ одной стороны множество неудобствъ, а съ другой множество красотъ *). Я возвращусь къ сему когда буду говорить о переставкѣ или извращеніи словъ. Мы не думали, чтобъ склоненіе заключало въ себѣ такую важность, и мнѣ кажется, что сіе возбуждаетъ уже въ насъ нѣкоторое любопытство услышать укоризны, которыя мы сдѣлаемъ нашимъ частицамъ, членамъ, мѣстоименіямъ, сему длинному и скучному набору словъ, безъ котораго мы не можемъ ступить: A, de, des, du, je, moi, il, vous, nous, elle, le, la, les,

---

*) Сіе Лагарпово разсужденіе весьма справедливо. Естьли мы хоть мало пріучимъ разумъ свой и слухъ къ чтенію хорошихъ сочиненій, естьли хоть нѣсколько въ свойства языка нашего вникнемъ, то удобно почувствуемъ раждающуюся отъ словоизвращенія силу и согласіе слога, а особливо въ сочиненіяхъ, требующихъ нѣкотораго краснорѣчія. Мы послѣ будемъ имѣть случай пространнѣе о семъ разсуждать.

и сіе вѣчное que, которое по нещастію не льзя назвать *que retranché* (усѣченное или сокращенное *que*), как токмо въ граматикахъ Латинскихъ: вотъ чѣмъ рѣчи наши безпрестанно наполняются *)! Конечно привычка

*) Нашъ Славенороссійскій языкъ, самъ древній и первородный, имѣетъ въ себѣ всѣ тѣ преимущества, которыя Лагарпъ находитъ здѣсь въ другихъ древныхъ языкахъ, и ни одного или мало изъ тѣхъ недостатковъ, какіе приписываетъ онъ своему языку. Въ книгѣ, называемой *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*, приводилъ я нѣкоторыя выписки изъ Священныхъ Писаній, и сравнивалъ въ нихъ нашъ языкъ съ Францускимъ. Тогда не читалъ я еще Лагарпа, и потому мнѣнія моего не подкрѣпилъ его мнѣніемъ. Но теперь, для живѣйшаго почувствованія Лагарпова разсужденія, приведемъ снова здѣсь одну изъ сихъ выписокъ.

Се ты Іудей именуешися и почиваеши на законѣ, и хвалишися о бозѣ, и разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая, научаемъ отъ закона: уповая же себе вожда быти слѣпымъ, свѣта *сущимъ во* тьмѣ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ, имуща образъ разума и истины въ законѣ: научая убо инаго, себе ли не научиши? проповѣдая не красти, крадеши; глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши; гнушаяся идолъ, святая крадеши; *иже* въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши. (Послан. къ Римл. гл. 2).

Toi donc qui portes le nom du juif, qui te repose sur la loi, qui te glorifies en Dieu ; qui connois sa volonté, et qui sais discerner ce qui est contraire, étant instruit par la loi; qui crois être le conducteur des aveugles, la lumière *de ceux qui sont dans les* tenebres ; le docteur des ignorans, le maître des simples, ayant le régle de la science et de la verité dans la loi. Toi, dis-je, qui enseignes les autres, tu ne t'enseignes pas toi même ! Toi qui prêches qu'on ne doit pas dérober, tu dérobes ! Toi qui dis, qu'on ne doit pas commettre adultères, tu commets adultère ! Toi qui as en abomination les idoles, tu commets des sacriléges ! Toi qui te glorifies dans la loi, tu deshonores Dieu par la transgression de la loi.

къ языку своему, и незнаніе другихъ языковъ, дѣлаетъ, что мы сего не примѣчаемъ; но не ужъ ли думаютъ, чтобъ Греку или Латинцу не показалось странно и тяжело видѣть насъ, что мы тащимъ всегда такую кучу односложныхъ словъ, изъ которыхъ древніе ни въ одномъ не имѣли надобности, и которыя они не иначе употребляли, какъ по выбору *)? Сіе-то между прочимъ дѣлаетъ

Возмемъ одно изъ главныхъ преимуществъ языка, краткость; мы найдемъ, что въ Руской выпискѣ употреблено всѣхъ словъ 71, во Французской 137, почти вдвое. Возмемъ плавность и согласіе: чтобъ въ рѣчи *свѣта сущимъ во тьмѣ* выразить два слова *сущимъ во*, надобно сказать шесть односложныхъ словъ: de-ceux-qui-sont-dans-les. Какая шароховатость! прочитаемъ со вниманіемъ нашу выписку, найдемъ ли мы въ ней хоть одно слово дважды повторенное? (выключая, когда оно служитъ къ лучшему украшенію). Во всей оной одинъ только разъ употреблено мѣстоименіе *иже*, то есть *который*. Прочитаемъ потомъ Французскую выписку: сколько пустыхъ звуковъ, изъ коихъ въ Руской нѣтъ ни одного, должны мы будемъ повторить! сочтемъ и выпишемъ ихъ для любопытства: qui, le, de, qui, la, qui, qui, qui, qui, la, qui, le, des, la, de, qui, les, le, des, le, des, le, de la, de la, la, qui, les, qui, qu', qui, qu', qui, les, des, qui, la, la, de la! Все сіе долженъ я произнесть! послѣ гладкой и пріятной дороги Рускаго чтенія, по всѣмъ симъ кочкамъ и каменьямъ долженъ я проѣхать! Какъ? и есть люди, которые отъ богатства и силы кореннаго и древняго языка своего отвращаясь, называютъ это славенщизною, незнаніемъ вкуса; а къ несвойственностямъ и нелѣпостямъ, съ чужихъ языковъ вводимыхъ, прилепляясь, думаютъ, что они устанавливаютъ, образуютъ языкъ и словесность? да! есть, они пишутъ и многіе имъ вѣрятъ. Но гдѣжъ простота не внимала невѣжеству?

*) Французу не мудрено сего не примѣтить. Не выходившій никогда изъ хижины своей не знаетъ убранства великолѣпныхъ чертоговъ. Для почувствованія иныхъ красотъ,

намъ переводъ стихотворений ихъ толь трудным. Наши стихи, также какъ и ихъ, имѣютъ только шесть стопъ; но почти нѣтъ рѣчи, которая въ переводѣ съ ихъ языка

не тѣхъ, къ которымъ отъ мягкихъ ногтей пріучилъ онъ разумъ свой, надлежитъ предпринять ему величайшій трудъ, надлежитъ прежде обучиться чужимъ, древнимъ языкамъ, вникнуть въ ихъ силу и свойство, дабы узнать и увидѣть различіе. Расины, Бюфоны, Волтеры, Лагарпы, достигли до сего, напитались духомъ Гомера, Виргилія, Демосѳена, Цицерона, и сколько скудость языка ихъ позволила имъ, подражаніемъ своимъ возвысились до нихъ. Но коликаго сіе стоило имъ труда! Итакъ Лагарпъ справедливо единоземцовъ своихъ извиняетъ сими словами: *конечно привычка къ языку своему и незнаніе другихъ языковъ дѣлаетъ, что мы сего не примѣчаемъ;* но какимъ образомъ при сихъ его словахъ: *но не ужъ ли думаютъ, чтобъ Греку или Латинцу не показалось странно и тяжело видѣть насъ, что мы тащимъ всегда такую кучу односложныхъ словъ, изъ которыхъ древніе ни въ одномъ не имѣли надобности?* Какимъ, говорю, образомъ, при сихъ словахъ, извинимъ мы заблужденіе нѣкоторыхъ нашихъ писателей, которые родясь въ Россіи, до того ослѣплены ненавистію къ природному языку своему, что хотятъ превозносимыя учеными Французами преимущества и сокровищи онаго, промѣнять на признаваемую тѣмиже Французами собственную языка ихъ бѣдность? и когда сіи ученые и трудолюбивые мужи, силою безпрестанныхъ умствованій и упражненій, умѣли скудный языкъ свой искуственнымъ образомъ возвести до высоты древнихъ, тогда мы небреженіемъ о древнемъ и богатомъ языкѣ нашемъ, низведемъ оный до недостатковъ Французскаго языка! Между тѣмъ видя не только употребленіе, но даже и проповѣдываніе сего во многихъ нашихъ книгахъ, не должны ли мы на вопросъ Лагарповъ со стыдомъ отвѣчать: не знаемъ было ли бы сіе странно и тяжело Греку или Латинцу, но вѣдаемъ и ежедневно слышимъ, что многимъ изъ насъ не только не кажется сіе странно и тяжело, да еще сладкозвучно и пріятно, такъ что мы готовы, снявъ съ себя великолѣпныя наши ризы, облещися въ прелестное ваше рубище.

на нашъ, не требовала бы, для точнаго выраженія оной, гораздо бóльшаго числа словъ, потому что словосочиненіе ихъ весьма просто, а наше напротивъ весьма многосложно. Возмемъ напримѣръ первой стихъ Энеиды; ибо надлежитъ сіе доказательство для всякаго сдѣлать понятнымъ, и я прошу позволенія привесть Латинскій стихъ безъ связи съ слѣдующими за нимъ:

Arma virumque cano, Trojœ qui primus ab oris

Примемъ на краткое время Дюмарсеевъ способъ, поставимъ по порядку подъ каждымъ Латинскимъ словомъ соотвѣтствующее ему Французское слово. Въ Виргиліевомъ стихѣ находится оныхъ девять и суть слѣдующія:

Combats et hèros chante, Troye qui premier des bords

для насъ это чепуха *). Но самыя сіи слова въ Латинскомъ языкѣ ясны какъ день, для того что каждаго изъ нихъ разумъ легко различается окончаніемъ, о которомъ я говорилъ; такъ что ученикъ Дюмарсеевъ сталъ бы такимъ образомъ поступать: Латинцы не имѣютъ члена: *Arma* есть непремѣнно

---

*) Для Французовъ такъ, но въ нашемъ Рускомъ языкѣ переставка словъ столькоже какъ и въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ удобна производить силу и красоту слога. Расположеніе словъ Латинскаго стиха въ нашемъ языкѣ ничуть не чепуха, и также ясно какъ день: *битвы и мужа пою, отъ Троянскихъ кто первый бреговъ.* Здѣсь все то сказано, что въ Латинскомъ стихѣ, и тѣмиже девятью словами.

именительный или винительный падежъ: здѣсь онъ винительный, потому что за нимъ слѣдуетъ управляющій имъ глаголъ. *Virum* есть также винительный падежъ. Итакъ поставимъ: *les combats et le heros. Cano* есть первое лице настоящаго времени, наклоненія изъявительнаго; ибо одно окончаніе все сіе въ себѣ заключаетъ: *je chante*, и такъ первой членъ рѣчи на Французскомъ языкѣ, не терпящемъ переставки словъ, будетъ: *je chante les combats et le heros.* Вотъ уже семь словъ необходимо нужныхъ для выраженія четырехъ, и оканчевая такимъже образомъ стихъ, найдемъ въ остальномъ, *qui le premier, des bords de Troye,* семь другихъ словъ, выражающихъ пять прочихъ, такъ что въ цѣломъ стихѣ вмѣсто девяти употреблено четырнатцать словъ, изъ которыхъ не льзя ни буквы убавить, и которыя не прибавляютъ ничего къ распространенію мысли. Но какимъ же образомъ Латинскій писатель могъ въ одинъ стихъ вмѣстить то, что въ нашемъ языкѣ кажется такъ длинно: *je chante les combats et le heros, qui le premier, des bords de Troye* (*)? Отъ чего толикая разность между двумя рѣчами, изъ которыхъ одна точно

*) Французское словосложеніе подобно тому, какъ бы на Рускомъ языкѣ вмѣсто: *битвы и мужа пою, отъ Троянскихъ кто первый бреговъ*, надлежало сказать: *я пою оныя битвы и онаго мужа, который онъ первый отъ бреговъ оныя Трои.*

тоже выражаетъ, что и другая? въ чемъ состоитъ излишество Французской? въ сихъ членахъ и частицахъ, о которыхъ я выше сего упоминалъ: je, les, le, de, la, и въ которыхъ Латинскому писателю нѣтъ никакой надобности. Въ прозѣ по крайней мѣрѣ имѣемъ мы свободу распространяться; но въ стихахъ, гдѣ мѣсто отмѣряно, опредѣлено, сколько надобно трудиться, чтобъ преодолѣть сiе неравенство? и какимъ образомъ достигнуть до того, какъ не частыми пожертвованiями? Для сего-то Буало, въ наукѣ стихотворства, принужденъ былъ два начальные стиха Энеиды перевесть тремя стихами:

Je chante les combats et cet homme pieux,
Qui des bords d'Ilion conduit dans l'Ausonie,
Le premier aborda les champs de Lavinie.

и еще пропустилъ два слова Латинскихъ *fato profugus* (изгнанный судьбою), заключающiя въ себѣ важное обстоятельство, нужное для намѣренiя стихотворца.

Я могу привесть еще ближайшiй къ намъ примѣръ, которой лучше всякаго другаго покажетъ, не только трудность, но часто и совершенную невозможность перевода изъ стиха въ стихъ, когда сiя краткость всего болѣе нужна, какъ-то въ надписяхъ. Извѣстно какую Турготъ сдѣлалъ къ портрету Франклина: она состоитъ въ прекрасномъ

Латинскомъ стихѣ, которой, какъ о успѣхахъ его въ пріуготовленіи Американскихъ селеній къ перемѣнѣ правительства, такъ и объ открытіяхъ его въ электрической силѣ, вмѣстѣ напоминаетъ:

Eripuit caelo fulmen sceptrumque tyrannis.

Il ravi la foudre aux cieux et le sceptre aux tyrans.

Отними мѣстоименіе *il* выдетъ прекрасной Французской стихъ, выражающій точно Латинскій; но по нещастію мѣстоименіе сіе необходимо нужно, и трудность остается непреодолимою *).

Теперь скажемъ о спряженіяхъ, которыя у Грековъ и Латинъ дѣлаются безъ личнаго мѣстоименія, у насъ же вездѣ надобно поставить je, tu, il, nous, vous, ils. Но сего еще мало: главная бѣдность языка нашего состоитъ въ томъ, что глаголы наши спрягаются токмо въ нѣкоторомъ числѣ временъ; Греческіе же и Латинскіе во всѣхъ временахъ. Они спрягаютъ ихъ въ дѣйствительномъ и страдательномъ залогахъ, а мы только въ дѣйствительномъ; и то еще въ прошедшемъ неопредѣленномъ, въ давно прошедшемъ каждаго наклоненія, и въ будущемъ сослагательномъ, принуждены бываемъ при-

*) Въ нашемъ языкѣ стихъ сей изъ слова въ слово переведенъ быть можетъ: *исторгъ у неба громъ и скипетръ у злодѣевъ.* Намъ, также какъ и Латинцамъ въ мѣстоименіи *онъ* нѣтъ здѣсь никакой надобности.

бѣгать къ вспомогательному глаголу и говорить: *j' ai aimé*, *j' avais aimé*, *j' aurais aimé*, *que j' eusse aimé*, *que j' aye aimé*, и проч. Мы страдательнаго глагола совсѣмъ не имѣемъ, а беремъ только существительный глаголъ *je suis* и присоединяемъ къ нему причастіе во всѣхъ наклоненіяхъ, временахъ и лицахъ. Вотъ сущая бѣдность. Грекъ, открывши грамматику нашу, и увидя въ ней одно и тожъ слово для спряженія глагола сряду на четырехъ страницахъ повторяемое, не могъ бы смотрѣть на насъ безъ жалости. Я говорю Грекъ, для того что въ семъ родѣ Латинцы хотя и богатѣе насъ, однакоже скуднѣе Грековъ. Они также безъ вспомогательнаго глагола обходиться не могутъ, по крайней мѣрѣ во многихъ временахъ страдательнаго залога. Греки же почти никогда не употребляютъ онаго, и *средній* глаголъ ихъ еще болѣе къ обогащенію языка служитъ. Наши наклоненія скудны, Латинскія неполны, Греческія преизобильны. Они всякое время однимъ словомъ достаточно выражаютъ, а мы иногда употребляемъ ихъ четыре, то есть глаголъ, вспомогательной глаголъ, существительной *être*, и мѣстоименіе: *tu as été aimé*, *ils ont été aimés*. Греки говорятъ это однимъ словомъ и четырьмя разными образами. Мы имѣемъ всего два причастія, а именно только тѣ, которыя употребляются

въ настоящемъ времени, *aimant, aimé;* четыре же другихъ, два въ прошедшемъ и будущемъ дѣйствительнаго (*ayant aimé, devant aimer*), и два страдательнаго залога (*ayant été aimé, devant être aimé*) составляются, какъ то видѣть можно, изъ вспомогательнаго *avoir* и существительнаго *être*. Въ Латинскомъ языкѣ есть будущаго, однако недостаетъ прошедшаго времени причастій; Греки имѣютъ ихъ во всѣхъ временахъ и еще трояків, то есть каждое изъ нихъ съ тремя разными окончаніями. Но на что такое излишество? когда только шесть причастій надобно, то для чего имѣть ихъ осьмнатцать? Вотъ, сказалибъ Греки, вопросъ *варваровъ* *). Можетъ ли быть много разнообразія въ звукахъ когда хотимъ ласкать ухо? стихотворцамъ и краснословамъ досадно ли выбирать любое **)? Но сколько надобно было

---

*) Извѣстно, что Греки всѣхъ иностранцевъ называли *варварами*, то есть людьми не столько просвѣщенными, какъ они. Можетъ быть было сіе слишкомъ возносчиво, однакожъ лучше народная гордость, нежели народное уничиженіе. Хорошо заимствовать отъ другихъ *доброе*, но лучше такъ себя вести, чтобъ другіе имѣли нужду отъ меня заимствовать.

**) Вотъ какимъ образомъ умствуютъ Квинтиліяны, Лагарпы, и имъ подобные. Они не кричатъ: *не ужъ ли намъ обращаться къ языку нашихъ предковъ? Мы хотимъ новой языкъ сдѣлать; мы хотимъ писать какъ говоримъ*, и проч. Для чего въ хорошемъ отставать отъ предковъ? для чего не обращаться къ красотамъ языка? должно сожалѣть о потерѣ ихъ и стараться паки присоединить оныя къ то-

времени, чтобъ помѣстить себѣ въ голову такое невѣроятное количество окончаній одного слова! — Правда, это кажется не легко; однакожъ въ Римѣ всякъ хорошо воспитанный говорилъ по Гречески стольже

му тѣлу, отъ котораго онѣ рукою невѣжества отторгнуты, дремотою ума забыты, и безъ которыхъ тѣло сіе утратило часть своего величества, часть своей благозрачности? Лагарпъ разсуждая о изобиліи причастій у Грековъ вопрошаетъ: *можетъ ли быть много разнообразія въ звукахъ, когда хотимъ ласкать ухо?* А мы не только не смѣемъ писать *грядый, созерцалй*, но даже и *грядущій, созерцающій* хотимъ истребить, и вмѣсто оныхъ въ важныхъ и краснорѣчивыхъ сочиненіяхъ писать: *тотъ, которой идетъ*, или еще *идіотъ; тотъ, которой поглядываетъ.* Но симъ образомъ будутъ ли сочиненія наши важны и краснорѣчивы? мнѣ кажется надлежало бы намъ совсѣмъ противнымъ образомъ разсуждать: напримѣръ, нашедъ въ Сирахѣ (гл. 36), или въ иной какой Славенской книгѣ, слѣдующее или подобное сему мѣсто: *гнѣвомъ огня поядевъ да будетъ спасалйся, и озлобляющіи людей твоихъ да обрящутъ пагубу*, всякому изъ насъ надлежало бы остановиться и самому себѣ сдѣлать вопросъ: здѣсь употреблены и поставлены рядомъ два причастія, одинакія, но разныя окончанія имѣющія, *спасалйся* и *озлобляющіе;* мы перваго изъ нихъ не употребляемъ нынѣ, и для того въ подобномъ случаѣ не могли бы иначе сказать, какъ *спасающійся* и *озлобляющіе;* но которое выраженіе лучше для разума и слуха, первое или второе? безсомнѣнія первое, потому что въ окончаніяхъ на *лйся* и *щіе* нѣтъ той непріятности, какая слышится въ окончаніяхъ на *щійся* и *щіе.* Сверхъ сего мы найдемъ множество другихъ примѣровъ, въ которыхъ сіи причастія гораздо важнѣе и величественнѣе, нежели другія, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ изъ Феофанова слова обращеніи къ Богу: *но ты самъ царю вѣковъ, времена и лѣта положивый во области Твоей, и живота вѣчный любящимъ Тебе устроивый, даждь намъ* и пр. естьли мы здѣсь вмѣсто *положивый, устроивый*, поставимъ *положившій, устроившій*, то рѣчь сія потеряетъ много важности. Для чего жъ не употребляемъ мы

свободно какъ и по Лашински. Сіе ошъ шого происходило чшо Римъ наполненъ былъ Греками, и чшо употребишельному языку можно скоро научиться; но когда шоль богашый языкъ, каковъ Греческій, сдѣлаешся

сихъ причастій, когда безъ оныхъ во многихъ случаяхъ не можемъ себя шакъ сильно выразишь, или для замѣны ихъ принуждены бываемъ зашрудняшься исканіемъ другихъ оборошовъ? чшо иное на вопросъ сей ошвѣчашь будемъ, какъ не шо: мы не можемъ дѣлашь сего, не для шого, чшобъ оное было не нужно или худо, но для шого, чшо уже чрезъ долговременную ошвычку ошъ чшенія Славенскихъ книгъ, число чувсшвующихъ сіе людей сдѣлалось несравненно меньше числа нечувсшвующихъ, и пошому разумъ не осмѣливаешся дѣйсшвовашь шамъ, гдѣ онъ не надѣешся бышь внемлемъ. Очень хорошо! Но шакимъ образомъ, опасаясь временныхъ не въ пользу вашу шолкованій нѣкошорыхъ мало свѣдущихъ въ языкѣ своемъ людей, угождаеше вы ихъ заблужденіямъ, и смошря съ холодными чувсшвами на исшину, попускаеше злу расши и умножашься. Есшьли бы, говорю, многіе изъ насъ шакъ разсуждали и умсшвовали, шо вскорѣ бы число чувсшвующихъ пріумножилось, разумъ смѣлѣе возвысилъ бы гласъ свой, знанія распросшранились, и языкъ нашъ облекся бы въ насшоящую свою лѣпошу и досшоинсшво. Сей есшь единсшвенный пушь къ ушвержденію нашей словесносши. Симъ шокмо образомъ можемъ мы обрашишь на себя вниманіе иносшранцевъ, возбудишь въ нихъ уваженіе къ древнему языку нашему, и сдѣлашь сочиненія наши извѣсшными ученому свѣшу. Но когда мы, ошчасу далѣе уклоняясь ошъ корня языка своего, будемъ думашь, чшо забвеніемъ собсшвенныхъ своихъ и введеніемъ въ него иносшранныхъ словъ и выраженій, пріумножимъ его богашсшво, расположеніемъ же слога его по слогу чужихъ языковъ, обезобразя природную красошу, великолѣпіе, важносшь и силу его, сдѣлаемъ оный мнимоспособнымъ къ писанію на немъ сказокъ и романовъ, шо чшо иное воспослѣдовашь изъ сего можешъ, какъ не обнаженная здраваго разсудка нескладица, и совершенное паденіе исшинной словесносши?

мертвымъ, тогда цѣлой жизни на обученіе онаго недостанетъ.

Теперь кто не пойметъ, сколько сія необходимость присоединять ко всякому времени глагола одинъ или два глагола другихъ мѣстоименіемъ обремененныхъ, должна производить единозвучія, медленности и помѣшательства въ словосочиненіи? Сія причина дѣлаетъ еще и болѣе словоизвращеніе въ языкѣ нашемъ невозможнымъ. Превозносимая нами стройнаго словошествованія нашего ясность, отнюдь не яснѣе свободнаго, быстраго и разнообразнаго словотеченія древнихъ, и не иное что есть, какъ неизбѣжимая въ языкѣ нашемъ необходимость. У кого ноги скованы, тотъ по неволѣ ступаетъ одинакой мѣры шагами: такъ-то и мы, когда не можемъ не хромать, то по неволѣ хромanье свое называемъ достоинствомъ *). Но какое множество безцѣнныхъ

*) Французы, по словамъ Лагарпа *ont fait de nécessité vertu*, то есть не имѣя другаго принуждены довольствоваться и ставить себѣ въ достоинство то, что имѣютъ. Имъ прилично сіе, первое по тому, что привычка къ собственному языку своему (какъ мы уже и выше о томъ разсуждали) и трудность обучаться чужому, мертвому языку, дѣлаютъ, что рѣдкой изъ нихъ въ несвойственныя имъ красоты вникнуть и почувствовать ихъ можетъ. Второе, что хотя бы кто многими трудами достигъ до сего и увидѣлъ, однако всякъ охотнѣе собственное свое защищаетъ. Итакъ они хорошо дѣлаютъ; но когда мы отъучая слухъ свой отъ Славенскихъ знаменательныхъ словъ, станемъ пріучать его къ иностраннымъ словамъ; когда от-

преимуществъ проистекаетъ отъ сей щастливой въ словоизвращеніи вольности! Какое безконечное разнообразіе въ дѣйствіяхъ и сочетаніяхъ раждается отъ сего свободнаго словоизвращенія, подающаго средство всѣ части рѣчи приводить въ благоустройство и согласіе, прерывать, удерживать, противуполагать, собирать и всегда ухо привязывать къ воображенію, безъ того, чтобъ сіе искусственное составленіе причиняло хотя малѣйшую темноту въ разумѣ! для почувствованія сего надлежитъ непремѣнно читать древнихъ на собственномъ ихъ языкѣ: иначе знанія сего ни чѣмъ внушить не можно *). Я постараюсь однакожъ дать нѣ-

ступая отъ свойственныхъ намъ выраженій, начнемъ гоняться за ихъ выраженіями, какъ мы то и дѣлаемъ; когда отвращаясь отъ красотъ свободнаго, непринужденнаго словосочиненія нашего, прилепляться будемъ къ заключенному въ узы, обремененному частицами, не смѣющему имѣть никакой въ изворотахъ вольности, ихъ словосочиненію; то мы не такъ, какъ они поступать будемъ: они, говоритъ Лагарпъ, сдѣлали *de nécessité vertu*, а мы напротивъ того изъ *vertu* сдѣлаемъ *nécessité*, то есть добровольно откажемся отъ своихъ сокровищъ, чтобъ наслѣдовать ихъ скудость.

*) Лагарпъ говоритъ здѣсь о своихъ единоземцахъ, что имъ должно читать древнихъ, иначе они сего почувствовать не могутъ. Но намъ нужны ли для сего древніе? Языкъ нашъ самъ древній, и преимуществами своими имъ не уступаетъ. Красоты, раждающіяся отъ удобства въ переставливаніи словъ, языку нашему столькоже свойственны, какъ Греческому и Латинскому. Возмемъ Священное Писаніе, мы можемъ прозу пѣть, какъ стихи. Переставимъ

которое, хотя весьма несовершенное понятіе о преимуществѣ получаемомъ отъ сего размѣщенія словъ, и не изъ великихъ краснорѣчія примѣровъ возьму оное, ниже изъ стихотвореній, но изъ содержащейся въ пись-

---

слова, разумъ сохранится, но согласіе будетъ не то. Всякъ, кто хоть не много вникъ въ словесность нашу, легко въ томъ удостовѣрится; онъ вездѣ найдетъ тысячи тому примѣровъ, изъ которыхъ мы для краткости приведемъ здѣсь нѣкоторыя: *„просвѣщается божественными и живоносными воскресенія Сына Твоего лучами, Богомати пречистая, и радости исполняется благочестивыхъ собраніе."* Естьли здѣсь какая неясность въ смыслѣ? Между тѣмъ Ирмосъ сей начинается глаголомъ, за которымъ управляющее имъ существительное имя не прежде находимъ, какъ на самомъ концѣ. Какая удобность къ наблюденію сладкогласія, удовлетворяющаго вмѣстѣ и разуму, и воображенію, и слуху! Сію-то свободу справедливо превозноситъ Лагарпъ; о ней-то говоритъ онъ: *„какое преимущество привязывать всегда ухо къ воображенію, безъ того, чтобъ искуственное составленіе сіе причиняло хотя малѣйшую темноту въ разумѣ!"* Симъ образомъ, не зная языка нашего, и не разсуждая о немъ, приписываетъ онъ превеликія ему похвалы. Возмемъ что нибудь изъ Ломоносова: „приносится благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства, и трудныя путешествія благоговѣнія ради." Какая Французская рѣчь можетъ кончиться союзомъ *pour?* — „Въ пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія." — Мы можемъ различными образами, переставливая слова, рѣчь сію сказать, какъ напримѣръ: *разумъ мой въ пріятномъ и великолѣпномъ раю нынѣ обращается, и отвлекается отъ одной цвѣтущей добродѣтели красотою другія.* Или, *обращается нынѣ мой разумъ въ пріятномъ и великолѣпномъ раю, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели красотою другія отвлекается.* Въ обоихъ случаяхъ ясность мысли не перемѣнится, но произойдетъ нѣкоторая разность въ плавности,

махъ Гораціевыхъ басни, которую подражательно перевелъ Лафонтенъ. По нещастію она изъ весьма немногаго числа тѣхъ, которыя недостойны его пера. Это басня о городской и деревенской мыши; она у Горація

красотѣ и приличіи слога: въ первомъ случаѣ сближеніе глаголовъ *обращается* и *отвлекается*, а въ другомъ далекая разстановка оныхъ, не будутъ дѣлать той пріятности. Итакъ мы можемъ однѣ и тѣже слова по волѣ своей перебирать, и сочетаваніями оныхъ давать различныя силы слогу и выраженію? какое великое преимущество! ибо иное расположеніе приличнѣе восклицанію или удивленію, иное повѣствованію, иное гнѣву, иное презрѣнію, и такъ далѣе. „*Моря чермную пучину невлажными стопами древній пѣшешествовалъ Израиль.*" — Вотъ слогъ стихотворческій, цвѣтущій. „*Древній Израиль пѣшешествовалъ чермную пучину моря невлажными стопами.*" Вотъ слогъ простой, повѣствовательной. Сколько таковое разнообразіе нужно, можемъ мы изъ одного слѣдующаго примѣра увидѣть. „*Для* того описалъ бы *я* нынѣ вамъ младаго Миха„ила, для стенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго „съ вѣнцемъ царскимъ тяжкое бремя поверженныя Россіи, „обновляющаго разсыпанныя стѣны, сооружающаго разо„ренные храмы, собирающаго расточенныхъ гражданъ, на„полняющаго расхищенныя государственныя сокровища, „исторгающаго корень богоотступныхъ хищниковъ Россій„скаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и „глубокихъ ранъ исцѣляющаго." — Естьли бы Ломоносовъ рѣчь сію окончилъ такъ: *и исцѣляющаго Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ;* то бы сей конецъ ея былъ несносенъ, для того, что послѣ долгаго одинакимъ образомъ повтореція рѣченій, таковыхъ какъ *пріемлющаго бремя, обновляющаго стѣны, сооружающаго храмы* и проч. таковоеже окончаніе было бы весьма однозвучно и сухо; но малѣйшая переставка: *и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго*, дѣлаетъ рѣчь сію плавною и пріятною. Частое повтореніе одинакаго окончанія именъ тотчасъ можетъ наскучить; одна разнообразная и гладкая разстановка ихъ не даетъ разуму уто-

есть вѣнецъ красивыхъ и пріятныхъ выраженій. Вотъ подлинникъ двухъ первыхъ стиховъ:

Rusticus urbanum murem mus paupere fertur
Accepisse cavo, veterem vetus hospes amicum.

мляться. Послушаемъ Ломоносова, какъ онъ умѣетъ ихъ разставливать: „представилъ бы я Петра именемъ великаго, дѣлами бо́льшаго, влiянною себѣ отъ Бога мудростію „*просвѣщающаго* Россію и мужествомъ вселенную *устрашающаго*, единою рукою мечъ и скипетръ *обращающаго*, „къ художествамъ *простирающаго* другую, правленіемъ „всѣхъ земныхъ монарховъ, трудами рабовъ своихъ *превосходящаго*, *искореняющаго* невѣжество и науки *насаждающаго*, *наполняющаго* новыми полками землю и море новымъ флотомъ *покрывающаго*, военные свои законы собственнымъ примѣромъ *утверждающаго*, и славу свою со „славою отечества до небесъ *возносящаго*.“ Слогъ Руской любитъ извороты, разнообразіе, перемѣны звуковъ, величавость словъ. Иногда глаголъ дѣлаетъ окончаніе рѣчи пріятнымъ, иногда существительное, иногда прилагательное имя, иногда нарѣчіе, иногда причастіе и даже мѣстоименіе. Ѳеофанъ въ проповѣди говоритъ: „Кто не вѣдаетъ и не исповѣсть, что *мысленное государства тѣло*, во отъятіи Государя, яко главы своея, въ превеликую печаль и глубокую тоску приходитъ; тако получая новую вожделѣнную себѣ главу, *необычными играетъ радостями*.“ Могъ бы онъ *мысленное государства тѣло*, перемѣнить въ *мысленное тѣло государства*, и вмѣсто *необычными играетъ радостями*, сказать: *играетъ необычными радостями*; но все сіе было бы хуже для плавности и слуха. У Казицкаго въ переводѣ изъ Овидія, Филида пишетъ къ Демофонту: „*иногда боялась я, чтобы твой корабль, спѣша къ мягкимъ брегамъ Евра, сокрушенный въ сѣдыхъ волнахъ не погрузился. Часто я съ колѣнопреклоненіемъ за тебя, беззаконный, просила боговъ, и молитвою съ возженнымъ кадиломъ ихъ умилостивляла*.“ Вотъ слогъ приличный сего рода сочиненіямъ, каковы суть Овидіевы письма или посланія: не самый высокій, но возвышенный, и не простыхъ общеупотребительныхъ словъ требующій, но важ-

И вотъ точной ихъ переводъ: *on raconte que le rat des camps reçut le rat de ville dans son trou indigent; c'était un vieil hôte d'un vieil ami.* Оба Латинскіе стиха прекрасны. Отъ чего? отъ того что, не нарушая согласія, слова раз-

---

ныхъ Славенскихъ, таковыхъ какъ *брегамъ* (а не берегамъ), *сокрушенный* (а не разбитый), *съ колѣнопреклоненіемъ* (а не стоя на колѣняхъ), и проч. Между тѣмъ и простоты отвергать не должно: одно и тожъ сочиненіе требуетъ иногда простыхъ, иногда важныхъ выраженій. Гдѣ мысль возвышается, тамъ естественно и слогъ и слова должны соотвѣтствовать оной. Въ томъже переводѣ Филида укоряетъ Демофонта: „*Гдѣ теперь правосудіе, вѣрность и соединявшаяся десница съ десницею, и часто упомянутый лживыми твоими устами Богъ?*" Здѣсь слово *Богъ*; яко составляющее всю важность сего укорительнаго вопроса, весьма хорошо на самомъ концѣ поставлено; ибо искуство рѣчи состоитъ въ томъ, чтобъ сильнѣе поражать умъ; но когда же оное съ вящшимъ успѣхомъ произведено быть можетъ, какъ не тогда, когда послѣдній ударъ есть самый тяжелый? Словосочиненіе Французскаго языка неспособно къ наблюденію сихъ красотъ, свойственныхъ Греческому, Латинскому и нашему языку. Мы ниже сего увидимъ доказательства и разсужденія о семъ Лагарповы, почерпнутыя изъ подобнагожъ сему примѣра, взятаго имъ изъ Квинта Курція. Приведемъ здѣсь еще одно мѣсто изъ тогожъ письма Филидина къ Демофонту: „А естьли *наши* „*твоими моря воспѣнятся веслами*, тогда скажутъ, что „я и для себя и для своихъ умно сдѣлала и хорошо. Но и „не хорошо и не умно я сдѣлала и царство мое тебя къ „себѣ непривлечетъ *и утружденныхъ членовъ ты вистоній*„*скими не омоешь водами.*" Переставимъ слова и скажемъ: *а естьли наши моря твоими веслами воспѣнятся* . . . . *и ты утружденныхъ членовъ не омоешь вистонійскими водами*, порядокъ словъ будетъ правильнѣе, но что въ немъ, когда онъ, не прибавляя ничего къ ясности, разрушаетъ только пріятно щекочущее ухо согласіе? въ краткихъ и отрывками приведенныхъ выпискахъ не можно сего такъ ясно почувствовать, но когда мы станемъ примѣчать

ставлены такъ, что *деревня* противуположена *городу*, *мышь мышѣ*, *старая старой*, *хозяйка гостьѣ*. Итакъ въ четырехъ сравненіяхъ, заключающихся въ сихъ двухъ стихахъ, все или противуположность или сближеніе. Ясно, что таковая хитрость слога (а оная вездѣ и въ безчисленномъ множествѣ), совершенно чужда языку къ переставливанію словъ несродному *).

слогъ въ Славенскихъ нашихъ книгахъ и знаменитыхъ писателяхъ, когда съ разборомъ и разсужденіемъ прочитаемъ Псалтирь, дѣянія Апостоловъ, Димитрія Ростовскаго, Феофана, Георгія, Платона, Ломоносова, Казицкаго, Полѣтику, Хераскова, и другихъ многихъ, то вездѣ найдемъ сіи цвѣты, какъ древнимъ такъ и нашему языку сродные. Вся красота прозы нашей основывается на удобности извращенія словъ. А въ стихахъ оное еще и болѣе нужно. Естьли бы не могли мы извращать или переставливать слова, то сколько бы прекрасныхъ стиховъ для сего единственно передѣлать надлежало! Ломокосовъ изображая весну не могъ бы написать:

По твердымъ водъ хребтамъ
Не вьется вихремъ снѣгъ,
Но тщится судна бѣгъ
Успѣть во слѣдъ волнамъ.

Для чего не могъ бы? Для того что надлежало бы сказать *по твердымъ хребтамъ водъ*, а не *по твердымъ водъ хребтамъ*. Какая малость! какіе тяжелые и безполезные узы! возблагодаримъ судьбу, что языкъ нашъ не таковъ, и вмѣсто порабощенія себя чужому нарѣчію, станемъ лучше вникать въ свое собственное, дабы познать достоинство и красоту онаго.

*) Для показанія разности въ словосочиненіи Французскаго языка съ Латинскимъ и нашимъ, переведемъ и то и другое.

Точный переводъ Французскихъ словъ:

„*Разсказываютъ, что мышь сельская принимала мышь го-*

Квинтъ Курцій, краснорѣчивый дѣеписатель, начинаетъ четвертую свою книгу такъ — (я сперва сохраню расположеніе Латинской рѣчи, дабы лучше показать намѣреніе сочинителя въ словѣ, которымъ онъ окончаваетъ оную. Дѣйствіе описывается тотчасъ послѣ сраженія подъ Иссою):

„Darius, un peu auparavant maîtré d'une puis-„sante armée, et qui s'etait avancé au combat, élevé „sur un char, dans l'appareil d'un triomphateur „plutôt que d'un général, alors au travers des cam-„pagnes qu'il avait remplies de ses innombrables „bataillons, et qui n'offraient plus qu'une vaste so-„litude, fuyait.“

„родскую въ своей норѣ бѣдной; это была старой хозяйкѣ „старый другъ.“

Точный переводъ Латинскихъ стиховъ:

„Городскую деревенская мышь крысу въ бѣдной, сказываютъ, „принимала норѣ, старая старую хозяйка гостью.“

Изъ сихъ двухъ переводовъ видѣть можно, что одинъ расказываетъ просто, какъ всякой расказывать можетъ; другой расказываетъ какъ Горацій, какъ Виргилій, то есть умѣя пользоваться драгоцѣннымъ свойствомъ языка, позволяющимъ словоизвращеніе, соглашаетъ живость изображенія съ пріятностію звуковъ, избираемыхъ для услажденія слуха. Французскій языкъ, лишенный сей свободы, не удобенъ къ красотамъ сего ро:а: для того въ переводѣ на оный не можно сохранить тогожъ расположенія словъ, какое въ двухъ помянутыхъ Латинскихъ стихахъ находится; но какъ вся красота оныхъ состоитъ въ семъ самомъ расположеніи, то и выходитъ, что на Французскомъ языкѣ удерживается одна только мысль подлинника, пріятность же выраженія исчезаетъ. Напротивъ того въ Рускомъ языкѣ, имѣющемъ одинакое съ древними свойство, какъ мысль, такъ и красота выраженія въ точности сохраняются.

Сіе словосочиненіе на Французскомъ языкѣ худо: слово *fuyait*, поставленное особо на концѣ, весьма портитъ окончаніе рѣчи, и дѣлаетъ сухое, непріятное паденіе. Въ Латинскомъ же языкѣ составляетъ оно превеликую красоту *). Нетрудно примѣтить искуство сочинителя, хотя бы кто и не зналъ языка его. Правда, не льзя догадаться, что слово *fugiebat*, составленное изъ двухъ краткихъ и двухъ долгихъ слоговъ, гораздо плавнѣе и красивѣе оканчеваетъ рѣчь, чѣмъ комолое и сухое слово *fuyait*; но ясно видѣть можно, что дѣеписатель нарочно рѣчь сію такъ устроилъ, чтобъ читатель до самаго конца ожидалъ слова *fugiebat*, въ которомъ вся поражающая его сила собрана вмѣстѣ; ибо сначала изображаетъ онъ всю Даріеву пышность и могущество, дабы потомъ въ одномъ семъ словѣ *fugiebat* (бѣжитъ, утекаетъ), представить противуположность толикаго величія и превратность щастія; такъ что вся рѣчь по существу своему раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая описуетъ все то, что Великій Царь сей былъ до битвы подъ Иссою; а вторая, за-

*) Уже изъ сего единаго видѣть можно, что когда изберемъ мы путеводителемъ своимъ свойство чужаго, а не своего собственнаго языка, тогда чувство разборчивости и разумѣнія въ насъ помрачится, и мы часто погрѣшности и нелѣпицу принимать будемъ за исправность и красоту.

ключающаяся въ одномъ словѣ, изъявляетъ, какое было состоянie его послѣ сей нещастной битвы. Составленie Греческихъ и Латинскихъ рѣчей не всегда содержитъ въ себѣ толь живое изображенie, какъ въ семъ мѣстѣ; но и одинъ подобный примѣръ достаточенъ дать намъ понятie о томъ, что можетъ производить толь щастливое свойство языка, и какое удовольствie долженствуютъ приносить писанныя таковымъ слогомъ книги.

Теперь слѣдуетъ перевести рѣчь сiю, какъ оная по свойству нашего языка долженствуетъ быть переведена. Доказано уже, что надлежитъ отказаться отъ мѣста, въ которомъ стоитъ слово *fugiebat*, сколь оное ему ни прилично, и расположить Французскую рѣчь такимъ образомъ: „Darius, un peu „auparavant maître d'une si puissante armée et qui „s'etait avancé au combat, élevé sur un char, dans „l'appareil d'un triomphateur plutôt que d'un gé„néral, fuyait alors au travers de ces mêmes cam„pagnes qu'il avait remplies de ses innombrables „bataillons, et qui n'offraient plus qu'une triste et „vaste solitude *).“

*) Свойство языка Французскаго, какъ изъ переводовъ Лагарповыхъ видно, не позволило сохранить красоту Латинской рѣчи, и дѣйствительно перенесенiемъ слова *fuyait* изъ конца въ средину вся величавость и сила изображенiя исчезаетъ. Въ нашемъ же Россiйскомъ языкѣ, равносильномъ

Сіе искуство заставлять до конца рѣчи ожидать рѣшительное слово, окончевающее гладкимъ и плавнымъ образомъ смыслъ оной, было одно изъ великихъ средствъ, употребляемыхъ Римскими и Аѳинскими краснословами; и хотя бы Цицеронъ и Квинтиліянъ и не оставили намъ особыхъ примѣровъ, то изъ одного чтенія древнихъ мы бы оное вездѣ примѣтили. Они знали, сколько обольщеніе уха дѣйствуетъ въ народныхъ собраніяхъ, и безсомнѣнія сладкогласіе есть такое преимущество, въ которомъ мы меньше всего равняться съ ними можемъ. Сверхъ удобности позволяющей имъ слово изъявляющее образъ, и слово изъявляющее мысль, переставливать по произволенію, они имѣютъ первоначальное отъ двухъ вещей проистекающее согласіе, а именно, отъ глаголовъ всегда почти звучныхъ, и отъ весьма яснаго произношенія. Самые ревностнѣйшіе защитники нашего языка не могутъ отрицать, чтобъ не было въ немъ сухихъ, глухо выговариваемыхъ, даже грубыхъ слоговъ, и чтобъ

древнимъ и одинакія съ ними свойства имѣющемъ, расположеніе и красота Латинской рѣчи удобно сохраняются: „Дарій, недавно предъ симъ повелитель сильнаго воинства, „который, сѣдя высоко на колесницѣ, паче въ видѣ торжествующаго побѣдителя, нежели полководца, приближался „къ сраженію, днесь чрезъ сіи самыя поля, прежде безчисленными его полками усѣянныя, нынѣ же въ пространную пустыню превратившіеся, утекаетъ.“

произношеніе ихъ не было слабое и неявственное. Большая часть нашихъ слоговъ имѣютъ сомнительное количество и неопредѣленную силу: слоги же древнихъ, будучи всѣ непреложно длинные или короткіе, дѣлаютъ, что произношеніе оныхъ составляетъ непрерывную смѣсь дактилей, ямбовъ, трохеевъ и анапестовъ; а сіе, чтобъ сказать языкомъ болѣе вразумительнымъ, есть тоже, или подобное тому что въ музыкѣ разныя мѣры, четвертныя, бѣлыя, черныя и вязныя. Итакъ ухо было у нихъ щекотливой и строгой судія, котораго надлежало напередъ задобрить. Каждое слово ихъ имѣло рѣшительное удареніе. Сіе различіе звуковъ дѣлало стихотвореніе ихъ пѣснопѣвнымъ, и потому стихотворцы ихъ не безъ причины говорили, пою. Свобода творить такой порядокъ словъ, какой наиболѣе нравился, позволяла составлять премножество особыхъ для стихотворства словосложеній, откуда происходилъ языкъ толь отличный отъ прозы, что естьлибъ и обратить въ оную Виргиліевы или Гомеровы стихи, то и тогда нашлись бы еще въ нихъ, какъ говоритъ Горацій, *члены изкрошеннаго стихотворца*, вмѣсто того, что мы вообще за самую большую похвалу стиховъ почитаемъ, когда выходитъ изъ нихъ хорошая проза. Опытъ сдѣланный Ламотомъ надъ первымъ

явленіемъ Митридата, ясно то свидѣтельствуетъ. Стихи Расиновы не иное что суть, какъ прекрасная проза. Сіе отъ того, что величайшее достоинство стиховъ нашихъ состоитъ въ томъ, чтобъ вырываться изъ подъ неволи правилъ, и казаться свободными въ путахъ мѣрою и рифмою налагаемыхъ. Отнимемъ сію рифму, и тогда не можно будетъ означить точную границу стиховъ съ прозою, для того что краснорѣчивая проза много сходствуетъ съ стихотвореніемъ, а преложенное въ прозу стихотвореніе много походитъ на превосходную прозу.

Итакъ древніе паче всего преимуществомъ стихотворства своего возвеличивались надъ нами. Любимцы природы, они летали на крыльяхъ, а мы влачимся въ оковахъ. Разнообразное до безконечности согласіе оныхъ есть пріятное сотоварищество, сопровождающее мысли ихъ, когда онѣ слабы; оно одушевляетъ подробности сами по себѣ маловажныя, увеселяетъ ухо, когда сердце и разумъ покоятся. Мы новѣйшіе, когда мысль и чувство оставятъ насъ, имѣемъ мало способовъ заставлять себя слушать; но человѣкъ, котораго ухо чувствительно, порывается сказать Виргилію, Гомеру: пой, пой всегда, хотя бы ты ничего не сказалъ;

голосъ твой прельщаетъ меня, хотя слова твои не привлекаютъ моего вниманія.

Такимъ образомъ тѣ между нами, которые помышляя токмо о надобности умствовать, и страшась показаться иногда тощими въ мысляхъ, хотѣли всѣ свои стихи сдѣлать многозначущими, и всѣ свои рѣчи поразительными, сдѣлались пухлы и чорствы. Напротивъ того Расинъ, Волтеръ, Фенелонъ, Массильонъ, и другіе подобные имъ, вкусившіе *сію щастливую нѣгу древнихъ*, которая какъ весьма справедливо говоритъ Волтеръ, служитъ къ возвышенію величественнаго, ввели ее въ свои сочиненія, и люди безъ вкуса назвали сіе слабостію.

Далеко отъ того, чтобъ слѣдствіе всѣхъ сихъ истинъ помрачало славу хорошихъ нашихъ писателей: напротивъ, что само собою представлялось древнимъ, то мы должны были искать. Наше согласіе не есть даръ языка, но трудъ дарованія: оно раждается токмо отъ великаго искусства въ выборѣ и распорядкѣ нѣкотораго числа словъ, и отъ основаннаго на разсудкѣ исключенія большаго числа оныхъ. У насъ гораздо меньше припасовъ, изъ коихъ воздвигаются зданія, и припасы сіи гораздо не такъ добротны: тѣмъ больше чести зодчему. *Мы строимъ изъ кирпича*, говоритъ Волтеръ, *а древніе созидали изъ мра-*

мора *). Греки особливо, столько же превосходящіе Латинянъ, сколько сіи превосходятъ насъ новыхъ, Греки имѣли языкъ совершенно стихотворческій **). Главная часть словъ ихъ, выражая звукомъ понятіе, какъ слуху такъ и воображенію вдругъ говорятъ. Они въ одномъ словѣ могутъ сочетавать многія слова, и многіе образы и мысли совмѣщать въ одномъ выраженіи. Они однимъ словомъ описываютъ шлемъ, *мещущій лучи свѣта во всѣ стороны*, воина *имѣющаго шишакъ, украшенный разноцвѣтными перьями*, и тысячу другихъ вещей, которыя всѣ долго

---

*) Такъ сказалъ Волтеръ о своемъ языкѣ, чувствуя недостатки онаго и преимущества древнихъ языковъ; но что же бы сказалъ онъ объ насъ, когда бы зналъ языкъ нашъ, не уступающій древнимъ, и видѣлъ, что молодые малознающіе писатели презирая имъ и не вникая въ богатство и красоты онаго, стараются изъ свойствъ Французскаго языка выводить новую, безобразную словесность? не сказалъ ли бы онъ пожавъ плечами: вотъ люди, которые гнушаясь своимъ мраморомъ, хотятъ изъ нашихъ кирпичей строить себѣ домы?

**) Не забудемъ, что всѣ наши священныя книги переведены съ Греческаго, и что по близости свойствъ языка сего съ нашимъ Славенскимъ, многія красоты онаго сдѣлались намъ свойственны. Нѣкоторые изъ новыхъ писателей нашихъ тотчасъ скажутъ: слѣдовательно и съ Французскими выраженіями тожъ сдѣлаться можетъ. Подобныя разсужденія похожи на то, какъ бы кто, наслѣдовавъ старинную усадьбу, сказалъ: для чего невырубить мнѣ дубовой прапращурами моими заведенной рощи, и вмѣсто оной не насадить молодыхъ ольхъ и осинъ, которые также выростутъ?

исчислять *). Сего ради всѣ наши учебныя слова, изображающія сложныя понятія, суть Греческія какъ-то: Географія, Астрономія, Миѳологія, и другія тогожъ рода **). Они

---

*) Мы такихъ многознаменательныхъ словъ не меньше Греческаго найдемъ въ языкѣ нашемъ: *свѣтоносный*, *лучезарный*, *искрометный*, всѣ сіи слова означаютъ тоже, что *метать лучи свѣта во всѣ стороны.* Мы говоримъ: *древо благосѣннолиственное.* Пусть во Французскомъ языкѣ найдутъ мнѣ слово заключающее въ себѣ три разныхъ понятія! пусть однимъ словомъ изобразятъ въ деревѣ и то, что оно густо листьями, и то, что даетъ отъ себя тѣнь, и то что тѣнь сія есть благая, сирѣчь прохлаждающая насъ, дѣлающая намъ пріятность! Въ Четь-минеи нѣкто мужъ, изобилующій всѣми благами земными, щастливый отецъ благополучнаго семейства, но лишившійся потомъ всего и обнищавшій, говоритъ о перемѣнѣ состоянія своего: *бѣхъ нѣкогда яко древо многолиственно и благоплодовито, нынѣ же аки вѣтвь изсохшая.* Пусть переведутъ рѣчь сію на Французской языкъ, пусть двумя словами изобразятъ мнѣ сіе прекрасное подобіе *богатаго* мужа и *многочаднаго добронравныхъ дѣтей* отца съ древомъ *многолиственнымъ* и *благоплодовитымъ!* Не удивительно ли, что чужестранные Лагарпы завидуютъ сему нашему богатству и красотамъ языка, а собственные наши мнимые Лагарпы презираютъ ихъ и говорятъ: *это славенщизна, не ужъ ли обращаться намъ къ старинному нашему языку* и проч.?

**) Мы также сіи Греческія слова употребляемъ, но между Французами и нами та разность, что они дѣлаютъ сіе по необходимой нуждѣ, не имѣя собственныхъ словъ своихъ; а мы по одному токмо слѣпому имъ послѣдованію, ибо впрочемъ имѣемъ свои слова: землеописаніе, звѣздочетство, баснословіе. Отъ чего сіи и подобныя симъ Греческія названія вошли въ такое у насъ употребленіе, что мы предпочитаемъ ихъ своимъ собственнымъ? отъ того, что мы книги о наукахъ начали переводить съ новѣйшихъ языковъ. На Греческомъ составныя слова не суть пустые звуки, къ которымъ мысль присоединена условнымъ обра-

такъ много жертвовали *Эвфоніи* (вотъ еще одно изъ сихъ сложныхъ словъ ихъ, означающее сладость звуковъ), *) что позволяли себѣ особливо въ стихахъ, прибавлять или выкидывать одну или многія буквы въ одномъ и томъже словѣ, по надобности для мѣры и для уха. Придадимъ къ сему, что разныя Греческія области, выговаривая различно многія гласныя буквы, производили въ именахъ и глаголахъ сіи перемѣны, называемыя нарѣчіями, и что стихотворецъ могъ всѣ оныя употреблять. Мудрено ли же, что всѣ вообще признаютъ языкъ ихъ изъ всѣхъ прекраснѣйшимъ, и стихотвореніе ихъ изъ всѣхъ сладостнѣйшимъ?

Мы хотя также какъ и древніе, имѣемъ простыя и сложныя, то есть коренныя

зомъ; нѣтъ, онѣ сами въ себѣ заключаютъ выражаемое ими понятіе. Французской языкъ не способенъ къ составленію словъ, на немъ географію или землеописаніе не льзя назвать *terredescription*; и такъ Французы должны были по необходимости принять Греческія имена; но мы переводя съ Французскаго, и мало или совсѣмъ не зная по Гречески, стали, на нихъ смотря, также употреблять оныя. Нѣкоторые ученые люди, знающіе сколь близкое языкъ нашъ имѣетъ свойство съ древними языками, хотя и начали потомъ выводить слова сіи, замѣняя ихъ равнозначащими Рускими; но какъ слухъ привыкъ уже къ онымъ, и какъ слухъ есть у всякаго, а разсудокъ не у всякаго, то и остаются чужія въ чести, а свои въ изгнаніи.

*) Ils sacrifiaient tellement à l'euphonie (c'est encore là un de leurs mots composé, et qui signifie la douceur des sons). Мы видимъ, что сія Греческая *Эвфонія*, о которой Лагарпъ здѣсь толкуетъ, есть не иное что, какъ Руское *сладкогласіе*.

слова измѣняемыя предлогами. Глаголъ *mettre* напримѣръ есть корень, откуда происходятъ *admettre*, *démettre* &; много однакожъ въ семъ случаѣ недостаетъ намъ самаго существеннаго, и сей родъ составленія словъ у насъ больше ограниченъ и меньше знаменателенъ, чѣмъ у древнихъ. Приглагольные предлоги ихъ имѣютъ гораздо больше силы, и кругъ знаменованія оныхъ несравненно обширнѣе. Возмемъ слово *regarder* (зрѣть, смотрѣть, глядѣть). Естьли мы хотимъ выразить разные образы сего *regarder*, то должны прибѣгнуть къ рѣчамъ, составленнымъ изъ нарѣчій, *en haut*, *en bas* (вверхъ, внизъ) и проч. Но слово Латинское *aspicere*, одно, само собою, посредствомъ присовокупленія къ нему предлога, изъявляетъ всѣ возможныя измѣненія: смотрѣть въ даль, *prospicere;* смотрѣть внутрь, *inspicere;* смотрѣть въ бокъ или вкось, *perspicere;* смотрѣть въ глубь или глубоко, *introspicere;* смотрѣть назадъ себя, *respicere;* смотрѣть вверхъ, *suspicere;* смотрѣть внизъ, *despicere;* смотрѣть такъ, чтобъ различить одинъ предметъ отъ многихъ другихъ (вотъ многосложное понятіе, одно слово объясняетъ его), *dispicere*; смотрѣть около или вокругъ себя, *circumspicere* *). Видите что

*) Нашъ языкъ не меньше Латинскаго богатъ составными сего рода словами. Я для точнаго соблюденія Лагарповыхъ доводовъ нарочно всѣ Латинскія слова объяснилъ такъ.

Латинецъ вдругъ представляетъ разуму то, что Французъ предлагаетъ ему постепенно: это противуположность быстроты съ медленностію; а естьли мы хоть мало подумаемъ о свойствѣ воображенія, то почувствуемъ, что какъ бы ему ни говорили кратко, оно еще большей краткости требуетъ, и что одно изъ величайшихъ преимуществъ языка есть присоединять образъ къ слову. Впрочемъ желаемъ ли мы изъ примѣровъ увѣ-

---

какъ оныя объяснены по Французски; но впрочемъ мы для выраженія оныхъ не имѣемъ никакой нужды прибѣгать къ рѣченіямъ. Мы, также какъ и Латинцы, вмѣсто смотрѣть въ даль, можемъ говорить: *прозирать*, *провидѣть;* вмѣсто смотрѣть назадъ или кругомъ: *оглядываться*, *озираться;* вмѣсто смотрѣть вверхъ или внизъ: *воззрѣть*, *низзрѣть;* вмѣсто смотрѣть такъ, чтобъ различить одинъ предметъ отъ многихъ другихъ: *разсмотрѣть*, *разглядѣть* и проч. Безсомнѣнія мы еще болѣе, нежели они, найдемъ въ словахъ нашихъ различій: *посмотрѣть*, *усмотрѣть*, *осмотрѣть*, *просмотрѣть*, *отсмотрѣть*, *подсмотрѣть*, *высмотрѣть*, *присматривать*, *надсматривать*, *всмотрѣться*, *насмотрѣться*, *засмотрѣться*, *осмотрѣться*, и проч. Каждой изъ сихъ глаголовъ разное даетъ понятіе. Часто одинъ и тотъже самый предлогъ, присоединенный къ двумъ или тремъ сословамъ, производитъ совсѣмъ различные образы и мысли: напримѣръ *видѣть*, *зрѣть*, *смотрѣть*, почти одно и тожъ выражаютъ; но *провидѣть*, *прозрѣть*, *просмотрѣть*, великое имѣютъ между собою различіе: первое значитъ, далеко видѣть на сквозь; второе, имѣя закрытыя очи открыть ихъ и начать видѣть; третіе, небреженіемъ или худымъ наблюденіемъ упустить что нибудь. Естьли бы мы разсмотрѣли подробно всѣ различія, производимыя сліяніемъ разныхъ предлоговъ съ разными глаголами, и сравнили въ сей части языкъ нашъ съ новѣйшими иностранными языками, то увидѣли бы какое онъ имѣетъ предъ ними преимущество!

риться о удобствѣ, кто имѣетъ сіи слова, и неудобствѣ, кто ихъ не имѣетъ? вотъ они, и самые поразительные. Часто въ Латинскихъ дѣеписателяхъ, когда войско поколеблется и начнетъ приходить въ смятеніе, находимъ мы сіи два слова: *fugam circumspiciebant* (озирались бѣжать), которыя токмо симъ образомъ съ точностію переведены быть могутъ: *ils regardoient autour d'eux de quel coté ils fuiraient.* Вотъ сколько словъ! я ссылаюсь на всѣхъ знающихъ нѣсколько по Латинѣ, что рѣчь сію, толь длинную на Французскомъ языкѣ, два сіи слова: *fugam circumspiciebant*, совершенно выражаютъ *). Какое преимущество, имѣть способность двумя словами представить воображенію цѣлую картину!

Другой примѣръ покажетъ невозможность, какая лучшихъ нашихъ переводчиковъ съ древнихъ не допускаетъ сравниться съ ними, ибо наконецъ чего нѣтъ въ языкѣ, того не льзя въ немъ найти; и естьли такой писатель, каковъ Делиль, не могъ до сего достигнуть, то уже можно трудность сію почитать непреодолимою. Дѣло идетъ

---

*) Рускія два слова: войско *озиралось бѣжать,* точно выражаютъ всю ту мысль, какая заключается въ двухъ Латинскихъ словахъ и въ длинной Французской рѣчи; ибо *озиралось бѣжать* есть ни мало не темное сокращеніе словъ, *озиралось куда бы бѣжать.*

о сей славной Орфеевой Эпизодѣ, и о мгновеніи, когда онъ, оглянувшись на Евридику, лишается ее навсегда.

Здѣсь-то всего болѣе почувствуется надобность однимъ словомъ выразить дѣйствіе *regarder derriere soi* (посмотрѣть назадъ себя); *) ибо отъ сего единаго движенія головы вся судьба двухъ любящихся, и вся пріятность положенія сего, зависятъ. Виргилій не былъ въ томъ затрудненъ. Онъ имѣлъ слово *respicere*. Надлежало только помѣстить его щастливо, и въ этомъ можно было на него понадѣяться. Онъ прерываетъ посрединѣ пятую стопу, и останавливаетъ слухъ и воображеніе на семъ ужасномъ словѣ, *respexit*. Сего, всю силу выраженія заключающаго въ себѣ слова, переводчикъ не имѣлъ. Не можно ввести въ стихъ *il regarde derriere lui*. Итакъ Делиль поставилъ:

Presque aux portes du jour, troublé, hors de lui-même,
Il s'arrête, *il se tourne....il revoit* ce qu'il aime,
C'en est fait, &.

то есть:

Почти при вратахъ дня, смущенъ, внѣ себя,
Онъ останавливается, вращается, видитъ паки любезную,
Все свершилось и проч.

---

*) Примѣтимъ, что Французы не могутъ иначе выразить сего, потому что у нихъ нѣтъ глагола, соотвѣтствующаго нашему *оглянуться* или Латинскому *respicere*.

Весьма ясно, что *il se tourne* (по точному переводу *вращается*), не изображает точно разуму сего злощастнаго движенія, и ежели бы стихотворецъ поставилъ *il se retourne* (обращается или паки вращается), то и тогда не выразилъ бы существенной мысли, сего взгляда Орфеева, послѣдняго, которой возводитъ онъ на свою супругу: на семъ-то мѣстѣ Виргилій останавливается, и тотчасъ паки продолжаетъ: *et tout ce qu'il a fait est perdu.* (И все содѣянное имъ погибло) *). Неволя рифмы принудила переводчика поставить: *il revoit ce qu'il aime* (видитъ паки любезную). Виргилій напротивъ представляетъ первою мыслію (и онъ правъ въ этомъ), что Орфей оглянувшись уже не могъ ее увидѣть **). Всѣ сіи разности зависятъ единственно отъ слова, въ одномъ языкѣ удобно представляющагося, а въ другомъ вовся не

---

*) Ibi omnis effusus labor, т. е. весь убо трудъ погибъ, обратился въ тщету.

**) *Оглянулся . . . . ужъ нѣтъ ее: весь трудъ его погибъ.* Вотъ что изобразилъ Виргилій, и чего Французской языкъ не позволилъ изобразить Делилю. Ибо у нихъ нѣтъ глагола *оглянулся.* Выраженіе ихъ *il se retourne* означаетъ движеніе всего тѣла, а не одно робкое головы и очей обращеніе, не взглядъ. Равнымъ образомъ глаголъ ихъ *il regarde* не иначе выразитъ понятіе, заключающееся въ глаголѣ *оглянулся,* какъ когда къ тому прибавлено будетъ *derriere lui;* ибо у нихъ *regarder* значитъ просто *глядѣть*, а *regarder derriere soi, глядѣть назадъ себя,* то есть оглядываться.

существующаго; и вотъ все, что можно заключить изъ сего примѣчанія, которое позволилъ я себѣ сдѣлать на лучшій изъ всѣхъ нашихъ переводовъ, на тотъ, котораго непрерывная красота стиховъ и чистота вкуса поставили оный въ число классическихъ твореній *).

Дѣлаютъ возраженіе, кажущееся вѣроятнымъ, будто мы не можемъ быть достаточными мертвыхъ языковъ судіями; но сіе, какъ и многія другія вещи, не во всемъ

---

*) Лагарпъ, сравнивая Французской языкъ съ древними, доказываетъ преимущество сихъ послѣднихъ примѣрами взятыми изъ оныхъ. Хотя примѣры сіи не могутъ быть для насъ такъ очевидны и ощутительны, какъ тогда, когда бы оные взяты были изъ собственнаго нашего языка; однакожъ при всемъ томъ мы вездѣ примѣчаемъ въ нихъ, что нашъ языкъ несравненно способнѣе къ выраженію тѣхъ красотъ, которыхъ Французы выражать не могутъ. Мы видѣли также въ сличеніи выписки изъ ихъ и нашей библіи неоспоримое доказательство, сколь много языкъ нашъ предъ ихъ языкомъ преимуществуетъ. Покажемъ здѣсь еще убѣдительнѣйшій тому примѣръ. Возмемъ мѣсто изъ краснорѣчивѣйшаго Латинскаго писателя Цицерона, когда онъ гремитъ на Катилину, переведенное двумя лучшими въ языкахъ своихъ знатоками, Ломоносовымъ и Лагарпомъ. Сличимъ переводъ ихъ. Вотъ оный:

Въ такихъ обстоятельствахъ, Катилина, поступай далѣе въ начатомъ твоемъ дѣлѣ: выйди наконецъ изъ города: ворота отворены, поѣзжай. Уже чрезъ мѣру долго ожидаетъ Манліянское войско тебя, своего предводителя: выведи

Ainsi donc, Catilina, poursuis ta resolution: sors enfin de Rome: les portes sont ouvertes: pars. Il y a trop long tems que l'armée de Mallius t'attend pour Général. Ameue avec toi tous les scélérats qui te ressemblent; purge cette ville de la contagion que tu y ré-

своемъ пространствѣ справедливо. Безспорно, что въ языкѣ много бываетъ тонкостей, много пріятностей въ произношеніи, слѣдовательно есть и противныя тому погрѣшности, которыя однимъ только природнымъ той земли жителямъ примѣтны. Однакожъ и то не меньше правда, что мы новѣйшіе время отъ времени пріобрѣли великое число свѣденій о древнихъ языкахъ, и можемъ достоинство Греческихъ и Латинскихъ писателей, не токмо въ изображеніяхъ и мысляхъ, всѣмъ народамъ общихъ, но даже въ

съ собою всѣхъ своихъ сообщниковъ, или хотя большую часть оныхъ: очисти городъ: отъ великаго меня избавишь страху, сколь скоро между мною и тобою стѣна будетъ: съ нами быть тебѣ больше не возможно. Не снесу, не стерплю, не попущу.

pauds; délivre-la des craintes que ta présence y fait naître; qu'il y ait des murs entre nous et toi. Tu ne peut rester plus long-tems: je ne le souffrirai pas: je ne le supporterai pas: je ne le permettrai pas.

Разсмотримъ теперь силу нашего языка и Французскаго: Цицероновъ духъ и движеніе, при окончаніи сего мѣста, точно таковыже въ нашемъ переводѣ, каковы въ подлинникѣ: *не снесу, не стерплю, не попущу*. Краткость составляетъ всю силу сихъ словъ, потому что движеніе духа состоитъ въ краткости выраженія. Но можетъ ли такъ сила сохраняться въ сихъ растянутыхъ Французскихъ словахъ: *je ne le souffrirai pas, je ne le supporterai pas, je ne le permettrai pas?* три раза надлежитъ повторить *je ne le*, и три раза сказать *pas!* Каковъ бы показался намъ Ломоносова переводъ, естьлибъ онъ вмѣсто *не снесу, не стерплю, не попущу,* принужденъ былъ поставить: *я не снесу этова, я не стерплю этова, я не попущу этова?*

словосложенiи и согласiи чувствовать. Когда вещь со всѣхъ сторонъ видѣть и разсматривать можно, то и узнать ее не трудно. Мудролюбцы, краснословы, стихотворцы, дѣеписатели, разсматриватели книгъ, все что намъ послѣ древнихъ осталось, распространило понятiя наши и послужило къ просвѣщенiю нашего объ нихъ сужденiя. Достопамятныя времена Латинскаго языка намъ не безъизвѣстны: кто ученый не различитъ Эннiя отъ Плавта или Виргилiя отъ Теренцiя? однѣ многочисленные подписи на древнихъ памятникахъ были бы достаточны подать намъ свѣдѣнiе о перемѣнахъ и успѣхахъ языка Римлянъ. Надлежитъ совершенно не имѣть уха, дабы читая Горацiя и Виргилiя не услаждаться ихъ сладкогласiемъ, или читая Лукана и Клавдiя не чувствовать чорствой пухлости перваго, и однозвучной высокопарности другаго. Слогъ Тита-Ливiя и Тацита, слогъ Ксенофонта и Фукидита, слогъ Демосѳена и Исократа, столькоже для насъ различенъ, какъ слогъ Боссюэта и Флешье, Волтера и Монтескю, Фонтенеля и Бюфона. Итакъ мнѣ кажется мы можемъ удивляться великимъ древнимъ писателямъ безъ всякаго къ достоинствамъ ихъ пристрастiя и ослѣпленiя, въ чемъ госпожа Дасьеръ весьма справедливо оспориваетъ Ламота.

Теперь знавъ причины и обстоятельства, можемъ мы лучше разсудить о вопросѣ предложенномъ мною вначалѣ. Доказано, что у насъ нѣтъ склоненія; что спряженія наши весьма не полны и весьма плохи; что словосочиненіе наше навьючено вспомогательными глаголами, частицами, членами и мѣстоименіями; что у насъ мало произношенія и удареній по стопамъ; что извращеніе или разстановка словъ позволяется намъ въ весьма ограниченномъ степени; что мы составныхъ словъ совсѣмъ не имѣемъ, а сложныхъ изъ предлоговъ весьма не много; наконецъ что стихотвореніе наше ни чѣмъ инымъ существенно не отличается, какъ только рифмою. Доказано также, что древніе, въ бóльшей или меньшей степени, имѣютъ все то, чего намъ не достаетъ. Вотъ сущее дѣло: но какія же изъ того слѣдствія? слава и честь великимъ мужамъ нашимъ, которые умомъ своимъ вознаградили недостаточные въ языкѣ способы ко вступленію въ состязаніе, скудость нашу богатствомъ своимъ пóкрыли и на ристалище, гдѣ древніе уже толико вѣковъ торжествуютъ, съ неравнымъ оружіемъ представъ, побѣду сомнительною и потомство недоумѣвающимъ оставили, и которые, напослѣдокъ, подобно

Гомеровымъ богатырямъ, сражались съ богами и не были побѣждены *)!

---

*) Лагарпъ говоритъ здѣсь о тѣхъ Французскихъ писателяхъ, которые дѣйствительно неутомимымъ объ языкѣ своемъ попеченіемъ, не взирая на природную скудость его, умѣли оный вычистить, прирастить, разширить, обогатить. Но мы увидимъ во второй статьѣ, какъ сейже самый Лагарпъ отзывается о тѣхъ своихъ единоземцахъ, которые, оставя проложенный великими ихъ мужами путь, думаютъ, что они безъ всякаго знанія и упражненія въ языкѣ, могутъ новую насаждать словесность, и новыя въ ней открывать стези. Мы въ молодыхъ писателяхъ нашихъ видимъ столько огня и остроты, что жаль, ежели они природныя дарованія свои не будутъ подкрѣплять чтеніемъ Славенскихъ книгъ, и чрезъ то не созрѣвая увядать. Трудно конечно глубокое о своемъ языкѣ умствованіе, но за то плодоносно. Напротивъ того простая перестановка словъ съ чужаго языка на свой весьма легка, но за то пустомысленна.

ПЕРЕВОДЪ
ДВУХЪ СТАТЕЙ ИЗЪ ЛАГАРПА,
СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ ПЕРЕВОДЧИКА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Приступая къ переводу статьи о красноречіи изъ Лагарпа, долженъ я объяснить, что подобный переводъ едва ли не затруднительнѣе самаго сочиненія, первое по тому, что мы не имѣемъ еще опредѣленныхъ словъ, употребляемыхъ въ наукѣ красноречія для показанія разныхъ ея правилъ; второе по тому, что сочинитель бралъ готовые примѣры, и объ нихъ разсуждалъ: напротивъ того переводчикъ долженъ необходимо примѣры сіи перевесть, и сверхъ того пріискать подобные имъ въ своихъ знаменитыхъ писателяхъ. И то и другое не такъ легко какъ думается. О послѣднемъ изъ сихъ затрудненій упомянемъ мы въ своемъ мѣстѣ; но первое изъ нихъ требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ о семъ разсужденій. Чего ради разсмотримъ оное въ подробности. Не

имѣя нужныхъ для перевода словъ что начать? принять ли къ извѣстнымъ иностраннымъ словамъ еще другія, мало или вовся неизвѣстныя? осмѣлиться ли изобрѣсть и опредѣлить Рускія слова? Безсомнѣнія первой способъ освобождаетъ отъ всякаго труда, ибо ничего нѣтъ легче, какъ ставить слово противъ слова, но тогда не значитъ это *переводить*, а значитъ *списывать*. Разность между переводчикомъ и списывальщикомъ, подобно какъ между писателемъ и писаремъ, состоитъ въ томъ, что первой разсуждаетъ и старается выразить мысли подлинника, а другому нѣтъ никакой нужды размышлять; ему надобно только затвердить слова, и гдѣ пришло на память Руское, тамъ поставить Руское, а гдѣ не скоро оное отъискать можно, тамъ, избавляя себя отъ скучнаго умствованія, поставить иностранное слово. Симъ образомъ дошли уже мы до того, что напримѣръ въ такъ называемой Руской книгѣ, напечатанной въ Петербургѣ 1805 года, подъ названіемъ *Пролюзія*, читаемъ: „*эллектричество* не есть жид„кость или *матерія* собственнаго роду; а „*феноменъ динамическаго процесса* тѣлъ, или „одной изъ *категорій*, по которымъ *формует*„*ся конкретное*, которой начало выше *эмпи*„*рическаго* круга, и только *спекулативная* „*физика* изъ *абсолютнаго* познанія *натуры*

„вывесть ее можетъ, и проч.“ Не лучше ли (какъ впрочемъ сіе ни худо) преподавать науки на иностранномъ языкѣ, нежели на такомъ, которой не есть ни Руской ни иностранной, и котораго ни Руской человѣкъ ни иностранецъ разумѣть не могутъ? скажутъ, что я взялъ самую крайность, но заглянемъ и въ другія многія книги, мы увидимъ, что переводъ ихъ, или сочиненіе, естьли не совсѣмъ, то покрайней мѣрѣ близко подходитъ къ переводу сей *Пролюзіи*. Для чего пристращаться къ иностраннымъ словамъ? къ симъ въ нашемъ языкѣ пустымъ звукамъ, которые не могутъ быть ни знаменательны, ни постоянны? ибо сѣмя, посажденное въ несродную себѣ землю, не пускаетъ корня, не возрастаетъ никогда въ древо, но согниваетъ и гибнетъ. Возмемъ напримѣръ книгу Шафирова о причинахъ войны со Швеціею, напечатанную въ 1717 году; тогда начинали щеголять чужеязычными словами; мы въ иномъ мѣстѣ найдемъ въ ней *штилизованы*, въ другомъ *дивульгованы*, въ третьемъ *рефлекція или разсужденіе*, въ четвертомъ *дедикація или приношеніе*, и такъ далѣе. Мы смѣемся нынѣ симъ словамъ, находя ихъ въ Руской книгѣ; но вмѣсто оныхъ пишемъ такія, которыхъ тогда неупотребляли, какъ напримѣръ *гармонировать*, *идеалъ*, *ансамбль*, и тому подобныя. Чрезъ

нѣсколько времени сіи не полюбятся, ихъ оставятъ, и станутъ на мѣсто оныхъ вводить новыя. Между тѣмъ коренныя Рускія слова отъ сихъ *пріемышей* подавляются, теряютъ силу свою и становятся зараженнымъ чужими звуками ушамъ нашимъ не внятны и противны. Уже и такъ не хотимъ мы писать *дѣйствіе*, *явленіе*, *словестность*; но пишемъ *актъ*, *сцена*, *литература*, и пр. Между тѣмъ естьли послушать нѣкоторыхъ писателей нашихъ, то они всегда на языкъ свой жалуются и говорятъ, что онъ не вычищенъ, не установленъ. Но какимъже образомъ хотятъ они вычистить его? истребленіемъ своихъ и введеніемъ въ него чужеязычныхъ словъ! Какимъ образомъ хотятъ установить его? отдѣленіемъ отъ корня, превращеніемъ свойствъ онаго, произвольнымъ набросаніемъ въ него всякаго рода почерпнутыхъ изъ чужихъ языковъ, часто совсѣмъ непонятныхъ новозначеній! мнѣ кажется языкъ тогда устанавливается, когда стараются открыть источники его, добраться до корней словъ, изслѣдовать всѣ его свойства, всѣ тонкости и силы выраженій; а не тогда, когда, чрезъ подверганіе его всегдашнимъ новостямъ и перемѣнамъ, мы предковъ своихъ, а потомки наши насъ разумѣть не будутъ. Сомнительно, чтобъ отъ того произошли великіе въ наукахъ и

просвѣщеніи успѣхи. Но обратимся къ иностраннымъ словамъ: можетъ быть скажутъ, что безъ нихъ обойтиться не можно, и нѣтъ ни одного языка, въ которомъ бы ихъ не было. Положимъ такъ; но надобно ли въ семъ случаѣ взять за основаніе себѣ какое нибудь правило? надобно ли на чемъ нибудь остановиться? или не останавливаясь ни на какомъ разсужденіи дать волю вносить въ языкъ свой всякія слова всякому, кто какое знаетъ? мнѣ кажется разсудокъ не есть излишняя вещь; а естьли мы разсуждать станемъ, то и увидимъ, что иностранныя слова не обогащаютъ, но портятъ языкъ, и отнимаютъ у него собственное его богатство. Естьлибъ звѣздочеты наши не старались изъясняться по Руски, то по сюпору называли бы мы равноденствіе *Экиноксомъ*, солнцестояніе *Солстиціемъ*, обращеніе *Циркуляціею*, окружность *Циркумференціею*, уголъ *Ангулемъ*, прямое восхожденіе *Ассансіондретомъ* (ascension droit), и проч. Естьли бы мореплаватели наши не отвыкали, гдѣ только возможно, отъ иностранныхъ словъ, то и по нынѣ, какъ при ПЕТРѢ Великомъ, вмѣсто *сниматься съ якоря*, писали бы *туунморъ*. Я думаю для многихъ причинъ гораздо лучше, когда мы въ книгахъ своихъ вмѣсто *ордеръ де баталіи*, *ордеръдемаршъ*, *ордеръдеретретъ*, и проч., читать будемъ: *боевой*, *по-*

ходной, *отступной строй*, и проч. Естьли бы природо-описатели наши не ввели въ употребленіе словъ таковыхъ, какъ *худокачественный*, *пищепріемный*, *сосцепитательный*, и тому подобныхъ, то вмѣсто оныхъ должны бы мы были заимствовать изъ чужихъ языковъ для слуха нашего странныя и для ума непонятныя, пустозвучныя названія. Итакъ кажется самъ здравый разсудокъ убѣждаетъ насъ, что иначе иностранныхъ словъ употреблять не должно, какъ въ случаѣ совершеннаго недостатка собственныхъ своихъ, и чѣмъ больше станемъ мы въ языкъ свой вникать и упражняться въ немъ, тѣмъ сей недостатокъ будетъ рѣже. Въ наукѣ краснорѣчія многія изъ сихъ словъ вошли въ великое употребленіе, и трудно ихъ изгнать, какъ то: *фигура*, *метафора*, *аллегорія*, *иронія*, *иперболa* или *гипербола*, и проч. Скажутъ: на что намъ изгонять ихъ? мы уже привыкли къ нимъ, и слухъ нашъ ни мало ими не оскорбляется. — Слухъ ко всему пріучить можно; не на привычкѣ слуха, но на умствованіи о пользѣ языка въ подобномъ случаѣ основываться должно. Слова сіи служатъ намъ укоризною, что мы съ богатствомъ и плодовитостію языка своего, не ища въ немъ своихъ выражающихъ вещь названій, прибѣгаемъ къ пустымъ ничего не значущимъ для

насъ чужихъ языковъ звукамъ. Притомъ же словъ сихъ недовольно: сколько надлежитъ еще ввести новыхъ, когда хотимъ писать о наукѣ краснорѣчія? *Метонимія*, *Антономазія*, *Катахресисъ*, *Синекдохъ*, *Гипербатъ*, *Перифразисъ*, *Элипсисъ*, *Прозопопея*, *Фикція*, *Апостровъ*, *Претермисія*, *Литотъ*, *Эмфазисъ*, *Суспенція*, *Афектація*, и проч. и проч. Ежели всѣ сіи звуки вводить въ употребленіе, то какимъ образомъ отъ подобнаго умноженія иностранныхъ словъ произойдетъ Руское краснорѣчіе? Ломоносовъ хотя и оставилъ въ *Риторикѣ* своей многія Греческія имена, однакожъ нѣкоторыя и по Руски назвалъ. Сіе показываетъ, что онъ чувствовалъ нужду въ Руских названіяхъ, но можетъ быть занимаясь объясненіями правилъ науки краснорѣчія, находилъ, что трудъ его еще больше увеличится, когда устремится онъ въ отысканіе приличныхъ на своемъ языкѣ словъ, и потому держась легчайшаго способа, или предоставляя то другимъ, только тѣ изъ нихъ ввелъ, которыя безъ особливыхъ и трудныхъ отысканій, сами собою на умъ ему пришли. Такимъ образомъ апостровъ назвалъ онъ *обращеніемъ*, прозопопею *заимословіемъ*, элипсисъ *опущеніемъ*, суспенцію *задержаніемъ*, претермисію *прехожденіемъ* или *умолчаніемъ*. Жаль, что и всѣхъ другихъ, а особливо часто употребляемыхъ въ

наукѣ краснорѣчія словъ не назвалъ онъ по Руски. Съ того времени давно бы уже мы къ нимъ привыкли, и не имѣли нужды въ иностранныхъ названіяхъ. Самого Ломоносова читали бы мы съ лучшимъ разумѣніемъ и пріятностію, когдабъ въ Риторикѣ его вмѣсто чужихъ словъ находили свои, таковыя, напримѣръ, какъ: *иносказательнымъ слогомъ многіе излишно услаждаются*, вмѣсто: *аллегорическимъ слогомъ многіе излишно услаждаются* (стр. 341), или: *умѣренное иносказаніе украшаетъ и возвышаетъ слово*, вмѣсто: *умѣренно употребленная Аллегорія слово украшаетъ и возвышаетъ* (тамъже), и проч. Сіи-то разсужденія побудили меня, при переводѣ сей второй статьи изъ Лагарпа, не употреблять чужихъ словъ. Но какъ мы своихъ или не имѣемъ, или и отыскавши не стараемся вводить и объяснять ихъ, чрезъ что остаются онѣ во мракѣ невѣденія, того ради при употребленіи мною вновь составленныхъ или отысканныхъ въ языкѣ нашемъ словъ почитаю я за непремѣнный долгъ наблюдать два слѣдующія необходимо нужныя правила: 1е, тѣ слова, которыя прежде меня кѣмъ нибудь употреблены, не перемѣнять, развѣ когда найду въ нихъ весьма грубую съ языкомъ нашимъ несообразность; ибо отъ излишнихъ умствованій языкъ терпитъ и никогда не устанавливается. Одинъ

писатель изобрѣтетъ названіе вещи, другой безъ всякаго доказательства отвергаетъ оное; третій, не справясь съ тѣмъ, какъ оно прежде названо было, выдумываетъ свое собственное; четвертый, не хочетъ ни самъ искать, ни другимъ слѣдовать, и почитаетъ за лучшее употреблять иностранное слово. Такимъ образомъ одна вещь получаетъ три, четыре названія неопредѣленныхъ, не истолкованныхъ, не утвержденныхъ, и слѣдовательно не только никакой пользы не приносящихъ, но еще смѣшеніемъ понятій вредящихъ языку. и с. Я почитаю за непремѣнный долгъ всякое новоупотребленное мною слово объяснить и показать причины, по которымъ ввожу или пріемлю оное. Тогда уже читатель не можетъ, или по крайней мѣрѣ не долженъ укорять меня не совмѣстнымъ въ словесности властолюбіемъ; ибо я не предписываю ему законовъ, не принуждаю его угадывать мои мысли, но даю ему въ нихъ отчетъ, и предлагаю мнѣніе мое на его благоусмотрѣніе. Впрочемъ слова какъ принимать надлежитъ съ разсужденіемъ, такъ и отвергать ихъ безъ разсужденія не должно. Нoвораспространившееся о словесности толкованіе умы многихъ молодыхъ людей, впрочемъ весьма острыхъ и благомыслящихъ, удивительнымъ образомъ заразило. Я слыхалъ отъ нѣкоторыхъ, что они о словахъ раз-

суждаютъ, какъ о напиткахъ или яствахъ. Одинъ говоритъ: я не люблю *ибо;* другой: я никогда не напишу *кулно;* третій: я не могу терпѣть *изящно*, для того, что тутъ *щ* крѣпко выговаривается; четвертый не читавъ ничего, кромѣ переводимыхъ по два тома въ недѣлю романовъ, и не бывавъ сроду ни у заутрени ни у обѣдни, не хочетъ вѣрить, что *благодатный*, *неискусобрачная*, *тлѣтворный*, *злокозненный*, *багрянородный*, суть Рускія слова, и утверждаетъ это тѣмъ, что онъ ни въ *Лизѣ*, ни въ *Анютѣ* ихъ не читалъ. Такимъ образомъ можно любить или не любить капусту, грибы, полпиво, квасъ и проч. Но что принадлежитъ до словъ, то въ разборѣ ихъ потребенъ совсѣмъ инаго рода вкусъ. Мнѣ кажется нѣтъ ни одного извѣстнаго въ языкѣ слова, которое бы само по себѣ было худо или хорошо; но бываетъ оно таковымъ смотря потому, въ томъ ли родѣ сочиненія, у мѣста ли или не у мѣста, и кстатѣ ли или не кстатѣ поставлено. Я не разбираю старое ли оно или новое, но смотрю на силу, съ какою выражаетъ оно представляемую имъ мысль или образъ. Часто уединенное, изъ рѣчи вынутое слово, не говоритъ ничего воображенію нашему, но когда мы прочитаемъ оное въ рѣчи, тогда приходимъ отъ него въ восторгъ и удивленіе. Я нахожу слово *косто-*

снѣдный, и тотчасъ понимаю, что оно означаетъ того, кто можетъ разгрызать, снѣдать кости. Смыслъ его для меня ясенъ, однакожъ оно не возбуждаетъ во мнѣ ни какова особливаго вниманія. Но когда прочитаю я оное въ слѣдующемъ мѣстѣ, гдѣ говорится о нѣкоемъ злобствовавшемъ на Грецію полководцѣ, обрадовавшемся, услышавъ, что уже не Царь, но оставшаяся послѣ него супруга его царствомъ правитъ: „*сей видѣвъ Греческую страну обладаему юною женою съ дѣтьми еще младыми и маломощными, возсвисталъ на нихъ, яко змій на птичища безперныя, хваляся поглотити ихъ усты костоснѣдными.*“ (Руск. лѣтоп. по ник. сп. ч. I, стр. 149) — когда, говорю, въ семъ мѣстѣ прочитаю я слово *костоснѣдный*, тогда чувствую, сколь оно сильно и поразительно. Почему такъ? потому, что оно величайшей слабости противупоставляетъ величайшую крѣпость: птенцамъ, не оперившимся еще, уста снѣдающія кости. Какое вмѣстѣ и жалкое и ужасное изображеніе! это картина, въ которой искусный живописецъ, изобразя тигра устремляющагося пожрать агнца, умѣлъ первому изъ нихъ дать всю преужасную лютость, другому всю умилительную невинность. Перемѣнимъ токмо два существенныхъ слова въ семъ изображеніи, и скажемъ: *воскипѣлъ на нихъ яростію*, какъ

змѣй на птенцовъ еще не оперившихся, хваляся поглотить ихъ устами *свирѣлыми*; мы не сдѣлаемъ никакой погрѣшности, но только искусное, такъ сказать, кидающееся намъ въ глаза, письмо живописца, обратимъ въ простое, обыкновенное, не поражающее чувствъ нашихъ письмо. Для чего такъ? для того во первыхъ, что выраженіе *воскипѣлъ яростію* есть общее всякому раздраженному животному; напротивъ того *возсвисталъ* свойственно одному токмо змію. Во вторыхъ, свирѣпыя, ярыя, лютыя, жестокія уста, не дѣлаютъ никакой прямой, очевидной противуположности съ нѣжностію едва родившихся птенцовъ, и для того не представляютъ уму никакова отмѣнною живостію дышущаго изображенія; напротивъ того нѣтъ ничего живѣе сего образа, какъ сія малость и мягкость тѣла *птенищъ безперныхъ*, угрожаемая устами, которыхъ крѣпость въ словѣ *костоснѣдныя* толико ощутительна. Симъ образомъ надлежитъ разсуждать о словахъ, и для сего-то, какъ мы послѣ увидимъ, сказалъ Лагарпъ: „*одни токмо хорошіе писатели наши умѣютъ разбирать силу и свойство словъ.*“ Въ другомъ мѣстѣ, въ Библіи переводу Скорина, читаю я: *или яко бы искидокъ сокрытый не обрѣлся быхъ*. (Іовъ гл. 3. ст. 16). Въ церковной нашей Библіи сказано: *или яко же извергъ* (avor-

ion, Франц.). Я останавливаюсь на семъ, въ первый разъ встрѣтившемся мнѣ словѣ, *искидокъ*, и разсуждаю: названіе сіе имѣетъ одинакое происхожденіе и знаменованіе съ словомъ *извергъ:* одно происходитъ отъ глагола *кидаю*, другое отъ глагола *вержу*, тожъ самое значащаго. Въ языкѣ чѣмъ больше сослововъ, тѣмъ онъ богатѣе. Множество есть случаевъ, въ которыхъ слово *искидокъ* можно употребить съ таковоюже, или еще большею приличностію, нежели слово *извергъ*. Напримѣръ, когда я говоря о какомъ нибудь гнусномъ и подломъ злодѣѣ, хочу чтобъ выраженіе мое было какъ можно презрительнѣе, тогда мнѣ кажется *искидокъ естества* (rebut de la nature, Франц.), еще живѣе мысль мою выражаетъ, чѣмъ *извергъ естества*. На чтожъ отвергать мнѣ такое слово, которое обогащаетъ языкъ? для того ли, что оно старинное и въ новыхъ книгахъ нигдѣ не попадалось мнѣ? но такой судъ мой не будетъ основанъ на здравомъ разсудкѣ. Подобныхъ примѣровъ могъ бы я показать множество; но довольно уже и сихъ двухъ, дабы почувствовать, что о всякомъ словѣ, старинное ли оно или новое, извѣстное мнѣ или неизвѣстное, надобно размышлять; а не просто и безъ всякаго разсужденія говорить: *этова слова нѣтъ въ простонародномъ языкѣ, женщины его не употребляютъ, оно не нра-*

вится мнѣ, и проч. Съ подобными разсужденіями языкъ нашъ никогда не установится; привычка ставить слова безъ мыслей будетъ часъ отчасу въ насъ усиливаться; употребленіе простонародныхъ словъ и рѣченій въ важномъ слогѣ испортитъ со всѣмъ вкусъ нашъ; мы будемъ говорить объ *Эстетикѣ*, и всякую минуту погрѣшать противъ ней; чтеніе чужихъ книгъ, вмѣсто могущей отъ того происходить пользы, отниметъ только у насъ собственный нашъ огонь и душу, вложитъ въ насъ холодъ и слабость слѣпаго подражанія, и сдѣлаетъ, что словесность наша, при всемъ богатствѣ и великолѣпіи языка, не сравнится никогда съ словесностію другихъ народовъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

О краснорѣчіи.

Квинтиліянъ различаетъ три главныхъ рода въ языкѣ краснорѣчія, ясность, исправность, украшеніе. Ясность наипаче зависитъ отъ прямозначенія *) и естественнаго расположенія словъ; исправность или чистота происходитъ отъ правильнаго словосочиненія **); украшеніе раждается отъ щастливаго употребленія словоизвитій ***).

*) *Прямозначеніе* словъ (la propriété des môts, Фр.) отличается отъ непрямаго или иносказательнаго значенія, какъ напримѣръ *огонь* въ печкѣ и *огонь* въ сердцѣ, *вкусъ* во рту и *вкусъ* въ одѣваніи: въ первомъ случаѣ *огонь* и *вкусъ* имѣютъ прямое или собственное, а во второмъ заимствованное отъ перваго или иносказательное значеніе.

**) *Словосочиненіе* или *словосложеніе* (construction, Фран.) есть такое составленіе, связаніе или распоряженіе словъ, что изъ онаго выходитъ рѣчь, имѣющая смыслъ и разумъ.

***) *Извитіе словесъ*, или *словоизвитіе*, или просто *извитіе*, есть выраженіе соотвѣтствующее употребляемому во Францускомъ и въ другихъ языкахъ слову *figure*. Мы находимъ оное въ Священномъ писаніи, а именно въ Притчахъ Соломоновыхъ (гл. 1, ст. 1): *познати премудрость и наказаніе, и уразумѣти словеса мудрости, пріяти же извитія словесъ, и разрѣшенія гаданій.* Также и въ Сирахѣ (гл. 39, ст. 2): *повѣсти мужей именитыхъ* (любомудрый)

Онъ желаетъ, чтобъ слово посвященное краснорѣчію было весьма ясно, и чтобъ мысль поражала въ немъ разумъ, какъ свѣтъ поражаетъ глаза. Разсужденіе его справедливо; ибо произносимая предъ слушателями рѣчь должна скоро и ясно въ умахъ ихъ начертаваться; но хотя вообще главное качество слога есть ясность, однакожъ требовать, чтобъ оная во всѣхъ родахъ писаній простиралась до одинакаго степени, было бы слишкомъ строго. Есть отвлеченныя вещесловія *), требующія токмо такой ясно-

---

соблюдетъ, и во извитіе притчей (dans les détours des sentences, Франц., in die kluge gleichniss-reden. Нѣм.) *совнидетъ.* Тотъже самый стихъ въ старинной Библіи переводу Скорина выраженъ сими словами: *мужъ мудрый повѣсти людей знаменитыхъ сохринитъ, и въ преметанія притчей вкупѣ енидетъ.* Ясно, что здѣсь, какъ иностранныя выраженія (détours de sentences, vergleichniss-reden), такъ и Рускія *извитія, преметанія словесъ*, не иное что значатъ, какъ нѣкоторое отъ прямаго смысла уклоненіе, нѣкоторую въ словахъ хитрость, кудрявость, украшеніе, подобное тому, какое мы въ шитьѣ или тканьѣ называемъ *узорами.* Слѣдовательно заключаетъ оно въ себѣ то самое понятіе, которое выражаемъ мы иностраннымъ именемъ *фигура.* Я отвергаю чужое названіе и принимаю свое, первое потому, что почитаю иностранныя слова не совмѣстными въ Рускомъ краснорѣчіи, и притомъ вытѣсняющими свои собственныя. Второе потому, что мнѣ кажется окончаніе на *ура* не можетъ быть пріятно Рускому слуху; ибо мы во всемъ языкѣ нашемъ не найдемъ пяти словъ, которыя бы сіе окончаніе имѣли; да и тѣ не многія суть самыя простонародныя, таковыя, какъ дура, шкура, капура и пр.

*) Вещесловіе (matière, Фр.). Я нахожу слово сіе въ нѣкоторыхъ переводахъ, и послѣдую онымъ. Въ самомъ дѣлѣ названіе сіе по составу своему не иное что значитъ, какъ

сти, которая бы соразмѣрна была обширности и глубинѣ мыслей сочинителя, и притомъ вниманію читателя. Въ такомъ случаѣ развѣ одна лѣность можетъ желать, чтобъ писатель при первомъ взорѣ сдѣлалъ ощутительнымъ то, о чемъ, чтобъ оное понять, надлежитъ подумать. Сочиненіе таковое, какъ *договоръ сообществъ* *), или *разумъ законовъ* **), не должно быть читаемо подобно краснорѣчивымъ сочиненіямъ. Причина тому простая, поелику мудролюбецъ и краснословъ предполагаютъ себѣ различныя цѣли: одинъ непремѣнно хочетъ насъ принудить разсуждать, а другой долженъ дѣлать такъ, чтобъ разсужденіе наше предупреждать, не оставляя намъ ни малѣйшаго на оное времени.

Что касается до прямаго знаменованія словъ, Квинтиліянъ примѣчаетъ, что не должно принимать сего въ непреложномъ

вещь или вещественность состоящую въ словѣ. Слѣдовательно заключаетъ въ себѣ то самое понятіе, которое Французы выражаютъ словомъ *matière*, съ тою разностію, что они означаютъ симъ именемъ разныя вещи: наше же вещесловіе относится къ одной токмо словесности. Богатство языка нашего не имѣетъ нужды въ смѣшеніи понятій, развѣ когда мы, не ища въ своемъ языкѣ способовъ объясняться, станемъ подъ чужимъ словомъ *матерія* разумѣть и всякую ткань, и всякой гной, и содержаніе книги или вещесловіе.

*) Contrat social, par Rousseau.

**) l'Esprit des lois, par Montesquieu.

смыслѣ; ибо нѣтъ ни одного языка, которой бы для выраженія каждой мысли имѣлъ прямое, то есть особое, прямо или собственно ей принадлежащее слово, и въ которомъ бы не принуждены были тожъ самое именованіе употреблять для означенія разныхъ вещей. Тотъ изъ нихъ богатѣе, которой меньше имѣетъ надобности въ таковыхъ заимствованіяхъ, показующихъ всегда недостатокъ. Мы, напримѣръ, одно и тожъ самое слово употребляемъ, когда говоримъ любить игру и любить женщину, Греки имѣютъ особое слово, Ερως, для означенія любви одного пола къ другому, и сіе различіе справедливо. Латинское слово *pietas*, выражая дѣтскую къ родителямъ любовь, изъявляло священное чувствованіе, и сіе понятіе было правиломъ нравоученія.

Квинтиліянъ примѣчаетъ еще, что прямозначеніе словъ такъ необходимо въ рѣчи, что оное есть паче долгъ нежели достоинство. Я не знаю какъ было въ его времена: можно думать, что какъ въ первыхъ ученіяхъ вообще наблюдалось больше тщанія, то и навыкъ объясняться приличными словами, и въ писаніяхъ употреблять точныя выраженія, былъ не такъ рѣдокъ. Нынѣ, естьли это должность, какъ онъ говоритъ, то должность сія такъ рѣдко исполняется, что можно безъ всякаго прекословія назвать ее

достоинствомъ. Мы такъ привыкли все узнавать по догадкамъ, и ничего по наукѢ или разсудку; у насъ такъ мало людей, поставляющихъ обязанностію учиться языку своему, что не должно удивляться, когда мы находимъ между писателями нашими множество такихъ, для которыхъ прямозначеніе словъ есть почти чуждая наука. Одни токмо хорошіе писатели наши умѢютъ разбирать силу и свойство словъ. Когда мы дойдемъ до новой нашей словесности, то удивимся можетъ быть чрезвычайности постыднаго невѢжества, каковымъ можемъ укорять въ семъ случаѢ многихъ писателей пріобрѢтшихъ славу, или еще и по нынѢ сохраняющихъ оную *). НѢтъ конечно ни одного писателя, которой бы не сдѢлалъ никакой погрѢшности противъ языка, и топъ самый, кому пришло бы въ голову ни одной изъ нихъ не сдѢлать, потерялъ бы много времени на мѢлочное не стоющее того дѢло. Но весьма далеко отъ нѢкоторыхъ неточностей, нѢкоторыхъ небреженій, до множества нелѢпыхъ, не свойственныхъ языку рѢченій, повсюду попадающихся. Въ

*) Господинъ Лагарпъ! вы это говорите объ учителяхъ нашихъ: чтожъ бы вы сказали объ ученикахъ? шепнуть ли вамъ на ушко? новая словесность наша есть рабственное и худое подражаніе той вашей словесности, которую вы здѢсь такъ величаете.

числѣ золъ, причиненныхъ словесности потопомъ ежемѣсячныхъ сочиненій, двадцать пять лѣтъ наводняющихъ всю Францію, должно почитать такожъ и сію заразительную порчу языка, которая есть необходимое оныхъ слѣдствіе. Естьли мы хотя не много о семъ подумаемъ, то легко въ томъ убѣдимся. Но я предоставляю себѣ открыть сію истину, когда особенно буду говорить о журналахъ, отъ рожденія ихъ до нашихъ дней. Признаемся, что больше всего читаемъ мы журналы. Они содержатъ въ себѣ всякаго рода ежедневныя новости, и потому большая часть людей занимается чтеніемъ ихъ, и часто ничего другаго не читаетъ. Теперь сдѣлаемъ себѣ вопросъ, кто сочиняетъ сіи журналы? (Я оставляю изключенія, кои всякой также хорошо, какъ и я, сдѣлать можетъ, и говорю вообще). Люди, которые конечно для того только и выбрали сіе простонародное ремесло, что ни къ чему лучшему они не способны, мало знаютъ, и не имѣютъ ни охоты ни времени научиться чему нибудь больше. Притомъже какимъ образомъ читаютъ сіи журналы? съ такоюже легкомысленностію, съ какою они писаны. Каждой ищетъ въ нихъ пробѣжать, что ему надобно, и никто не смотритъ на слогъ ихъ: это бы ничего. Но что изъ того выходитъ? Сіи повсядневные листки, кропае-

мые съ поспѣшностію, могущею сдѣлаться опасною не только для простыхъ умовъ, но даже и для людей съ дарованіями, преисполнены всякаго рода погрѣшностями. Искусному въ словесности человѣку не возможно прочитать двадцати строкъ безъ того, чтобъ онъ почти при каждомъ словѣ не нашелъ въ нихъ невѣжества или нелѣпости *). Но люди меньше искусные привыкаютъ къ сему худому слогу, и употребляютъ его въ своихъ писаніяхъ или разговорахъ; ибо ничто такъ не прилипчиво какъ порча слога и языка: мы, даже и не думая, всегда расположены подражать тому, что всякой день читаемъ и слышимъ. Здѣсь не мѣсто доказывать то, въ чемъ всякой долженъ быть довольно убѣжденъ, кто хотя нѣсколько о томъ размышлялъ. Я бы весьма уклонился отъ моего предлога, притомъже предметъ сей самъ по себѣ столько важенъ, что требуетъ нѣкогда особеннаго разсмотрѣнія. Тогда-то можно будетъ почувствовать, что любители словесности (я всегда подъ симъ названіемъ разумѣть буду токмо

*) Не то ли самое видимъ мы въ нашихъ листкахъ и книгахъ, сочиняемыхъ безъ знанія языка, переводимыхъ съ неимовѣрною скоростію, печатаемыхъ безъ исправленія, наполненныхъ невразумительными странностями, и возвѣщаемыхъ въ вѣдомостяхъ съ такою безстыдною и непристойною похвалою, съ какою сидѣльцы въ лавкахъ кричатъ о своихъ товарахъ.

достойныхъ сего имени людей) не должны быть обвиняемы ни брюзгливостію, ни излишнимъ увеличиваніемъ вещей, когда изъявляютъ они толь великое презрѣніе къ симъ зловреднымъ нелѣпостямъ, содѣлавшимся пищею многолюдства *). Мы увидимъ, что изобрѣтатели оныхъ часто не разумѣютъ знаменованія употребляемыхъ ими словъ, не знаютъ какъ составить рѣченіе, не то говорятъ, что сказать хотятъ, расточаютъ на удачу художественныя названія не понимая смысла оныхъ, пишутъ иносказанія не имѣвъ первоначальныхъ о томъ понятій. Вы найдете въ сихъ журналахъ *полимическія сраженія*, то есть *сраженія сражающихся.* Отъ чего такъ? отъ того что журналистъ не зналъ, что прилагательное полимической происходитъ отъ Греческаго слова *πολεμος*, значащаго *войну*, и что въ прямомъ смыслѣ разумѣется подъ онымъ все то, что относится къ войнѣ, а въ заимствованномъ или иносказательномъ, все то, что относится къ спору: такимъ образомъ говорятъ полимическія писанія, полимической родъ,

---

*) Лагарпъ говоритъ здѣсь о новой Французской словесности: раскрывъ нѣсколько книгъ нашихъ, и прочитавъ въ нихъ по нѣскольку строкъ съ размышленіемъ (я говорю, *съ размышленіемъ;* ибо мы часто видимъ примѣры, что тому-то и удивляются, чего не понимаютъ), можно безошибочно угадать, чтобъ такое сказалъ Лагарпъ, естьлибъ онъ у насъ родился и писалъ о нашей новой словесности.

политическое разсужденіе. Онъ читалъ всѣ сіи слова, не вѣдая знаменованія оныхъ, и поставилъ, на удачу, *политическія сраженія* *). Въ другомъ мѣстѣ найдете вы, что сію актрису надобно видѣть въ ролѣ *plus conséquent* (болѣе степенной), **) вмѣсто чтобъ сказать въ ролѣ *plus important* (болѣе важной): Можно простить торгующимъ въ улицѣ Святаго Дениса мальчикамъ, когда они, показывая вамъ товары, говорятъ: *ceci est plus conséquent*, вотъ это степеннѣе, думая что *consequent*, степеннѣе, значитъ тоже что *de conséquence*, лучше или превосходнѣе. Но въ человѣкѣ, упражняющемся въ словесности, не есть ли постыдное невѣжество ошибаться толь грубо въ словѣ толь извѣстномъ? кто благовоспитанный не знаетъ, что *conséquent* значитъ то, что само съ собою во всѣхъ своихъ частяхъ согласно? когда одно предложеніе непреложно выходитъ изъ другаго, оно *conséquent* (неизмѣнно, равнообразно, единослѣдственно).

---

*) Наши писатели журналовъ, или недѣльныхъ листковъ, не впадаютъ никогда въ погрѣшности сего рода: они въ знаменованіи иностранныхъ словъ никогда не ошибаются, а только въ знаменованіи своихъ.

**) Слово *conséquent*, по буквенному переводу *сослѣдственно*, не можетъ иначе быть выражено въ нашемъ языкѣ, какъ различными словами, смотря по смыслу рѣчи: степенно, постоянно, единослѣдственно, или въ слѣдствіяхъ своихъ одинаково.

Человѣкъ *conséquent* (постоянен, степенен), когда поведеніе его согласно съ его правилами, когда дѣянія его сходны съ его словами, когда поступки его сообразны съ его пользами; въ противномъ же случаѣ онъ *inconséquent* (легкомысленъ, вѣтренъ, непостояненъ). Простолюдины, портящіе всегда языкъ, потому что не знаютъ началъ онаго, нашли короче говорить *conséquent* вмѣсто *de conséquence;* писатели невѣжды стали оное повторять, а за ними, по прилипчивости подражанія, какъ я выше о томъ говорилъ, начали томужъ пороку ежедневно подвергаться даже и тѣ люди, которымъ надлежало бы говорить хорошо и правильно *).

*) Въ нашемъ Рускомъ языкѣ знаніе силы словъ, и разумѣніе употреблять ихъ въ прямомъ и настоящемъ смыслѣ, еще съ большими сопряжено трудностями, нежели во Французскомъ. Корень и богатство всѣхъ нашихъ словъ заключается въ книгахъ, писанныхъ Славенскимъ слогомъ, къ которому бы, для утвержденія себя въ началахъ языка, надлежало намъ пріучаться отъ самаго дѣтства; но мы, напротивъ, первыя понятія дѣтей нашихъ направляемъ къ чужимъ языкамъ, или лучше сказать къ одному Французскому; первыя склонности въ сердцахъ ихъ возбуждаемъ къ чужимъ произведеніямъ ума, отъ чего и раждается въ нихъ холодность и нечувствительность, или еще презрѣніе къ своимъ собственнымъ; ибо навыкъ много можетъ въ человѣкѣ, а особливо отъ самыхъ юныхъ лѣтъ его начавшійся. Осмилѣтнее дитя читаетъ у насъ, какъ самъ Лекенъ, стихи Волтеровы, и не умѣетъ не только наизусть, ниже по книгѣ прочитать *блаженъ мужъ* или *отче нашъ*. Дитя растетъ: привычка объясняться на чужомъ языкѣ, читать на немъ и писать, растетъ съ нимъ вмѣстѣ. Съ чужимъ языкомъ идетъ онъ въ бесѣды, свой

Сверхъ несвойственности словъ, Квинтиліянъ показываетъ нѣкоторыя другія темноты, которыхъ въ слогѣ избѣгать должно, какъ-то употребленіе обветшалыхъ или иностранныхъ словъ, или не общихъ, но нѣкотирымъ токмо округамъ земель свой-

---

остается за порогомъ. Однимъ разговариваетъ онъ цѣлой вечеръ съ дѣвицами, другимъ приказываетъ только своему кучеру везти себя домой. Всякое зло прилипчиво: оно начинается въ домахъ знатныхъ господъ, и распространяется даже до хижинъ. Отсюду общее небреженіе о своемъ языкѣ, и общее стараніе портить оный по складу Французскаго языка. Все, что Лагарпъ говоритъ здѣсь о своей Французской словесности, можемъ мы сказать о нашей Руской, прибавя къ тому, что какъ журналы ихъ ни вредны были для ихъ словесности, однакожъ они еще вреднѣе для нашей, потому что мы языку своему учимся не въ своихъ, но въ ихъ книгахъ. Доказательства тому сыскать не трудно: онѣ во многихъ книгахъ попадаются на каждой страницѣ. Какой Руской пойметъ напримѣръ слѣдующія называемыя Лагарповыми слова: „*сколь занимателенъ Ниній, и какая ловкость въ отдѣлкѣ роли Ассура. Занимательность очень сильна въ четвертомъ актѣ и узнаваніе хорошо расположено.*" Что такое *ловкость въ отдѣлкѣ роли?* Мы знаемъ ловкость въ поступкахъ, въ тѣлодвиженіяхъ, въ метаніи копія и проч., но говоримъ ли мы: *Сумароковъ ловко сочинилъ Семиру; Эйлеръ въ математикѣ имѣлъ великую ловкость?* искуство и ловкость суть два весьма различныя между собою понятія, одно относится къ способностямъ ума, а другое къ тѣлеснымъ качествамъ. Какъ же ихъ брать одно за другое? можетъ быть въ живописи вмѣсто *какая искусная*, можно сказать *какая ловкая кисть!* но сіе для того, что тутъ искуство ума соединено съ искуствомъ руки. Что такое *занимательность очень сильна?* что такое *узнаваніе?* гдѣ? въ какомъ словарѣ или книгѣ слова сіи опредѣлены и смыслъ оныхъ объясненъ? ибо сами по себѣ не выражаютъ онѣ никакова понятія. Далѣе: „*хотя слогъ не изъятъ отъ недо-*

ственныхъ; также запутаннаго словосложенія, длинныхъ рѣченій, въ которыхъ при концѣ забыть можно что въ началѣ сказано, непомѣрныхъ и принужденныхъ сокращеній, въ коихъ желая отнять излишнее часто отнято бываетъ самое нужное. Что

статковъ, но признаться надобно, что онъ хорошо примѣненъ къ предмету." Что такое *слогъ примѣнить къ предмету?* Въ пѣснѣ поютъ: *къ чему друга примѣнить? примѣню я къ соколу*, и проч. Здѣсь смыслъ глагола *примѣнить* ясенъ; но *слогъ примѣнить къ предмету*, не будетъ никогда не токмо хорошимъ, ниже понятнымъ выраженіемъ. Далѣе: *это по мнѣнію автора прекрасное сочиненіе, исполненное философскихъ и великихъ картинъ, легко происходящихъ изъ предмета.*" Что такое *философская картина?* говорится философическія размышленія, философической умъ; но философская картина есть, какую философы имѣютъ, точно какъ Жидовская шапка есть, какую Жиды носятъ. Что такое *великая картина?* подъ словами *великой воинъ, великой человѣкъ*, разумѣется *превосходный*; но подъ словами *великая картина, великая комната, великой столъ*, ничего другаго разумѣть не льзя, какъ только, что они размѣреніями своими велики. Наконецъ какимъ образомъ *картины происходятъ изъ предмета?* Руской ли это языкъ? далѣе: „*но сознаетъ слабость слога, которой отъ перемѣшанныхъ рифмъ дѣлается различнымъ; примѣчаетъ въ Танкредѣ стихосложеніе не имѣющее силы, и которое часто тянется.*" Стихотвореніе часто тянется! что есжели бы Лагарпъ увидѣлъ себя переодѣтаго такимъ образомъ въ Руской языкъ? могъ ли бы онъ узнать себя въ немъ? Я не предлагаю здѣсь больше примѣровъ, для того, что сіе заведетъ меня далеко; но могъ бы изъ разныхъ и многихъ книгъ показать ихъ тысячи; и тогда бы ясно можно было усмотрѣть, какъ много сбиваетъ насъ Французской языкъ, и какъ мало, не вникая въ свой, знаемъ мы прямое значеніе и приличіе словъ, безъ чего никакое сочиненіе не можетъ имѣть ни яснаго слога, ни чистаго языка.

принадлежитъ до исправности или безпогрѣшности слога, Квинтиліянъ разумно совѣтуетъ не вдаваться въ оное до чрезвычайной строгости, воспрещающей нѣкоторыя неправильности, которыя семейственный или простый языкъ *) ввелъ даже и въ важный слогъ. Таковая строгость не у мѣста въ краснорѣчіи и смѣшна въ бесѣдахъ. Въ подобныя странности впадаютъ пріѣзжіе изъ уѣздныхъ городовъ: они желая показать себя искусными въ языкѣ, показываютъ токмо незнаніе свое въ легкости и естественности выраженій, свойственныхъ избраннымъ обществамъ въ столичныхъ городахъ, и которыя составляютъ существенную вѣжливость языка, подобно какъ нѣкогда было Аттическое нарѣчіе въ Аѳинахъ **).

---

*) Семейственный, домашній, или дружескій языкъ (la langue familière, Франц.) есть тотъ языкъ, которымъ мы дома, въ семьѣ своей, или съ друзьями разговариваемъ. Онъ естественно простѣе того языка, какимъ мы съ незнакомыми намъ, или съ знатными людьми, или въ собраніяхъ говоримъ.

**) До насъ Рускихъ это не касается: въ нашихъ обществахъ и бесѣдахъ, называемыхъ избранными или отличными не говорятъ своимъ языкомъ. Наша женщина съ Рускою въ рукахъ книгою, или съ письмомъ по Руски написаннымъ, хотя бы то было къ старику ея дѣдушкѣ, опасается быть выключенною изъ сего общества, и попасть въ толпу тѣхъ не просвѣщенныхъ людей, которые думаютъ, будто въ своей землѣ надобно умѣть говорить по своему. Съ такою нашею къ чужому языку привязанностію не найдемъ мы въ сихъ обществахъ того Аттическаго нарѣчія, о ко-

Квинтиліянъ въ доказательство тому расказываетъ, что одна торгующая въ семъ городѣ пряными кореньями баба сочла Θеофраста иностранцемъ, и когда у ней спросили почему она такъ думаетъ, то она отвѣчала: *потому что онъ говоритъ очень отборно.* Онъ заключаетъ, что языкъ краснослова долженъ быть таковъ, чтобъ просвѣщеннымъ людямъ нравился и невѣждамъ былъ понятенъ.

Наконецъ говоритъ онъ о украшеніяхъ, о извитіяхъ словесъ, о семъ великомъ для упражняющихся въ красотѣ слова предлогѣ, которой по мнѣнію его надлежитъ съ подробностію описать въ особливомъ сочиненіи, а здѣсь токмо нѣкоторыя сдѣлать примѣчанія о началѣ оныхъ, и употребленіи добромъ и худомъ. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь не мѣсто начинать снова науку краснорѣчія, и притомъ надобно признаться, что сія часть ея есть самая пустословная. Объясненіе сихъ многочисленныхъ названій весьма много походитъ на уроки Жоржъ-Дандина, котораго съ важностію учатъ, какимъ

торомъ Лагарпъ, или паче Квинтиліянъ здѣсь разсуждаетъ; ибо оно тогда токмо раждается, когда чины съ чинами, друзья съ друзьями, и любовники съ любовницами на своемъ языкѣ бесѣдуютъ, своимъ языкомъ щеголяютъ, и на немъ мысли свои объяснять и остроту ума своего показывать ревнуютъ.

образомъ отворяшь ротъ для произнесенія буквы *о*. Всѣ сіи Катахрезисы, Гипербаты, Синекдохи, Антономасы, суть чудовища училищъ, пугалища дѣтскія, похожія на ихъ куклы, которыя, когда изломаютъ, находятъ они пустыми. Велика прибыль узнать, что сказавъ краснословъ Римскій, вмѣсто Цицерона, я дѣлаю Антономасу, то есть вмѣсто собственнаго имени ставлю присвоенное ему прозвище; или сказавъ смертные вмѣсто людей, дѣлаю Синекдохъ, потому что большее беру за меньшое, или что сказавъ листъ бумаги дѣлаю Катахрезисъ, злоупотребляя слово, потому что чрезъ распространеніе смысла прилагаю къ бумагѣ названіе листъ, свойственное однимъ растеніямъ! всѣ сіи ученыя имена, данныя различнымъ измѣненіямъ знаменованій словъ, не научатъ насъ ни говорить ни писать лучше, и развѣ токмо для тѣхъ могутъ быть нужны, которые хотятъ углубиться въ причины сихъ въ языкѣ вымысловъ, нужда ли, удобство ли, пріятность ли произвела оныя, или умъ и страсти употребляли ихъ, дабы увеличить силу выраженія. Напримѣръ, когда мы скажемъ листъ бумаги, то ясно, что дѣлаемъ оное отъ нужды; ибо не имѣя прямаго слова, которое бы вещь сію выражало, прибѣгаемъ къ тому, что всего ближе къ оному подходитъ, и

какъ листъ у дерева обыкновенно бываетъ плоскъ, тонокъ и легокъ, того ради говоримъ листъ бумаги, хотя бумага не имѣетъ у себя листовъ. Другія извитія изобрѣтены были для пріятности и разнообразія: такимъ образомъ стали брать часть за цѣлое, содержащее за содержимое, причину за дѣйствіе, признакъ вещи за самую вещь и проч. Воображеніе устремлялось тогда на часть для него примѣтнѣйшую, какъ то когда говорятъ парусъ вмѣсто судна, престолъ вмѣсто царской власти, острое перо вмѣсто остраго писателя: такимъ образомъ составляются извращенія смысловъ, или извитія, посредствомъ которыхъ слово измѣняетъ прямое или настоящее знаменованіе свое и получаетъ другое. Сіе-то надлежало бы преподавать начинающимъ учиться, дабы пріучить ихъ давать самимъ себѣ отчетъ въ употребляемыхъ ими выраженіяхъ, и сдѣлать имъ первоначальныя познанія о составѣ языковъ не чуждыми. Но имъ твердятъ токмо однѣ названія, пугающія ихъ, и которыя они выучиваютъ не понимая. У нихъ съ важностію спрашиваютъ, что такое Метонимія, слово, при первомъ произношеніи своемъ наводящее имъ смертельный страхъ; ибо каждому изъ нихъ простительно быть Прадономъ, *которой сіи великія слова принималъ за химическія на-*

званія *). И когда напослѣдокъ скажутъ они, что это такое, то и тогда не много подвинутся впередъ: они скоро забываютъ имя, для того что вещь имъ не растолкована, и представлена въ видѣ сухомъ и учебномъ. Напротивъ того надлежало бы говорить имъ: не бойтесь, Греческія названія ничего не значатъ; ихъ должно было по необходимости принять, для того что языкъ нашъ не имѣетъ составныхъ словъ **), и что метонимія

*) Qui croyait ces grands mots des termes de chimie. Boil.

**) Сіе Лагарпово изреченіе: *il 'a bien falu s'en servir, parce que notre langue n'a pas de mots combinés*, показываетъ ясно, что онъ не сказалъ бы сего, если бы писалъ на Рускомъ языкѣ, поелику нашъ языкъ имѣетъ сложныя слова (de mots combinés), и весьма удобенъ къ составленію оныхъ. Инакъ чего Французы по скудости языка своего не могли не принять, того мы по богатству нашего языка принимать не имѣемъ никакой нужды. Намъ должно изобрѣсть, или паче составить свои названія и опредѣлить ихъ силу и знаменованіе. Съ гибкостію и удобствомъ языка нашего, какая надобность пестрить намъ слогъ свой чужими словами и говорить: Метафора, Аллегорія, Фигура, Метонимія и проч., когда съ малѣйшею къ языку своему любовію весьма удобно сказать можемъ: иносказаніе, инословіе, извитіе, иноименіе и проч.? стоитъ только объяснить сіи слова, опредѣлить ихъ и отринуть отъ себя предразсудокъ своихъ словъ непріемлющій, а къ чужимъ охотно прилепляющійся. Долго не знали слова *правосудіе*, хотя *правый судъ* всегда извѣстенъ былъ. Наконецъ нѣкто первый чрезъ сочетаніе сихъ двухъ словъ произвелъ новое понятіе, обогатившее языкъ и словесность. Безсомнѣнія въ началѣ не имѣло оно той ясности, какую потомъ чрезъ употребленіе получило, но комужъ нынѣ оное неизвѣстно? Слово *иносказаніе* также не давно употреблять стали. Инакъ почему съ словами извитіе, инословіе и проч., не можетъ тогожъ сдѣлаться, что сдѣлалось съ словами пра-

короче, нежели преложеніе или объясненіе многими словами; но впрочемъ вещь сія есть самая простая. Мы говоримъ флотъ со-

---

восудіе, иносказаніе? Надлежитъ однакожъ при составленіи новыхъ словъ знать разность между двумя правилами, изъ которыхъ сколько одно полезно для языка, столько другое вредно: выводить новыя слова отъ корня старыхъ, распространять ихъ знаменованіе и употреблять оныя по свойству своего языка, есть обогащать словесность; почерпать или переводить ихъ съ другаго языка, не соображаясь съ своимъ собственнымъ, и употреблять оныя по свойству и правиламъ того нарѣчія, съ котораго онѣ переведены, есть портить словесность и вводить въ нее странныя и нелѣпыя рѣченія. Когда мнѣ кто описывая возвращеніе весны скажетъ:

Воздухъ дышетъ ароматомъ,
Усмѣхается заря,
Чешуятся рѣки златомъ;

то хотя бы я прежде и никогда не слыхалъ глагола *чешуиться*, однакожъ тотчасъ знаменованіе его понимаю; оный значитъ: рѣка дѣлается чешуйчатою; то есть, что освобожденная отъ льду поверхность ея рябѣетъ, пріемлетъ на себя образъ златой чешуи, отъ мѣлкихъ вѣтромъ, производимыхъ и лучами солнца освѣщаемыхъ волнъ. Итакъ выраженіе, *чешуятся рѣки златомъ*, не наводитъ ни малѣйшаго понятію моему затрудненія. Оно хотя и ново, но не чуждо для меня, не съ другаго языка взято: его произвелъ умъ думавшій по Руски. Равнымъ образомъ когда кто, говоря о Гомеровыхъ ироягъ, скажетъ мнѣ:

Аяксы, и Улиссъ, и Діомедъ ужасный
Острятъ Ахеянъ въ бой кровавый и опасный;

то хотя бы и никогда не случилось мнѣ слышать употребленіе глагола *острить* въ семъ знаменованіи, однакожъ я тотчасъ постигаю, что оный значитъ здѣсь *поощрять*. Единство корня обоихъ сихъ глаголовъ, и подобноеже употребленіе другихъ, какъ напримѣръ велѣть и повелѣть, златить и позлащать, дѣлаютъ мнѣ знаменованіе онаго

стоитъ изо ста парусовъ *), вмѣсто флотъ состоитъ изо ста кораблей: для чего? для того, что въ великомъ числѣ судовъ, первыя

яснымъ. Сверхъ того я не имѣю никакой причины новость его отвергать; ибо свойство предлога *во* часто силу сочиняемыхъ съ нимъ глаголовъ ослабляетъ, какъ напримѣръ *гремѣть* гораздо сильнѣе, нежели *погремѣть*. Такъ и въ семъ случаѣ выраженіе *острять Ахеянъ въ бой*, короче и живѣе, нежели *поощряютъ Ахеянъ въ бой*. Таковыя изобрѣтенія и открытія въ языкѣ конечно обогащаютъ оный, и я готовъ принять ихъ и послѣдовать имъ; но когда кто скажетъ мнѣ *переворотные корабли*, *занимательность сильна*, и тому подобное, не зная самъ, откуду онъ слова сіи взялъ, и что онѣ значатъ, то не ужъ ли и мнѣ также, не размышляя ни о чемъ, повторять за нимъ не то, что разумѣю, но то, что слышу? или когда кто напишетъ: „*подружившись посредствомъ привычки съ симъ феноменомъ* (языкомъ), *мы смотримъ на него безъ удивленія, равно какъ на твердь небесную и на прочіе великіе предметы натуры, съ коими зрѣніе наше познакомилось.*" — То не ужъ ли и мнѣ также писать? нѣтъ, я хочу напередъ подумать, можно ли сказать *подружиться съ феноменомъ*? можно ли сказать *зрѣніе наше познакомилось съ небесною твердью*? я знаю, что Иванъ можетъ подружиться съ Петромъ, Федоръ можетъ познакомиться съ Андреемъ, но чтобъ Иванъ могъ *подружиться* съ рѣкою, съ лѣсомъ, съ наукою; или чтобъ зрѣніе Иваново могло *познакомиться* съ горою, съ дубомъ, съ небесами, въ этомъ я сомнѣваюсь. Можно это сказать, но чтобъ это сказано было хорошо, воля ваша, не повѣрю. — Я хотѣлъ было еще продолжать, но осторожность толкая меня говоритъ: перестань! ты приведешь два три примѣра, а ихъ тысячи тысячъ. И то правда. Лучше замолчать: кажется какъ будто въ училищахъ нашихъ нарочно обучаютъ сей порчѣ языка.

*) Въ нашемъ морскомъ нарѣчіи словоизвитіе сіе употребляется только тогда, когда говорится о военныхъ судахъ. У насъ не парусъ, но вымпелъ берется за корабль или судно. Можетъ быть по тому, что парусовъ на всякомъ суднѣ бываетъ много, а вымпелъ одинъ и то на военномъ только суднѣ.

*

представляющіяся глазамъ нашимъ вещи суть паруса *), и что для перещитанія флота скорѣе всего перещитать паруса. Такимъ образомъ сіе иноименіе **), или постановленіе одного имени вмѣсто другаго, вошло въ употребленіе по причинѣ весьма естественной, а именно по первому появленію предмета въ зрѣніи нашемъ. Симъ средствомъ пріучили бы дѣтей разсуждать, и слово затвердилось бы легче у нихъ въ памяти, когда бы оно привязано было къ понятію.

Сіе извитіе, или сей образъ рѣченія, такъ обыкновененъ, что нѣтъ человѣка, ктобъ ежечасно не употреблялъ его даже безъ всякаго намѣренія. Въ краснорѣчіи и стихотворствѣ есть тысячи средствъ перемѣнять оный и извлекать изъ него новыя дѣйствія; но степень смѣлости, съ какою извитіе сіе употребляется, и которая составляетъ всю его цѣну, долженствуетъ быть измѣряема обстоятельствами и родомъ сочиненія. Иноименіе дѣлаетъ всю

---

*) Для лучшей точности надлежало бы сказать: *въ великомъ числѣ приближающихся къ намъ съ моря судовъ.*

**) Иноименіе (Францускоe съ Греческаго metonimie). Что слово сіе само собою выражаетъ опредѣленіе свое, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; ибо оно означаетъ извитіе, состоящее въ томъ, что вмѣсто одного имени употребляется иное. Чтожъ касается до привычки къ выговору онаго, то странно бы было находить въ томъ затрудненіе: мы привыкли говорить *мѣстоименіе,* и не привыкнемъ говорить *иноименіе!*

красоту сихъ двухъ стиховъ изъ *Китайской сироты* *).

> Побѣдители рекли: *рабство въ молчаніи*
> Повинуется гласу ихъ во градѣ семъ обширномъ **).

Изрѣченіе новое: въ первый разъ еще употреблено слово рабство, означающее состояніе рабовъ, для выраженія самихъ рабовъ вкупѣ взятыхъ. Въ семъ-то состоитъ извитіе: поставимъ вмѣсто онаго *рабы въ молчаніи*, тогда все дѣйствіе разрушится. Отъ чего сія разность? не отъ того токмо, что *рабы въ молчаніи* не превозвышало бы прозу, но и по тому, что стихотворецъ, давъ *рабству* лице, увеличиваетъ зрѣлище, и пространнымъ выраженіемъ показываетъ

*) l'Orphelin de la Chine. Trag. de Volt.

**) Les vainqueurs ont parlé: *l'esclavage en silence* obéit à leur voix dans cette ville immence. Въ предувѣдомленіи моемъ къ сей статьѣ упомянулъ я, что сочинителю легче было брать готовые примѣры и разсуждать объ нихъ, нежели переводчику. Здѣсь же скажу, что въ отвращеніе сей трудности буду я приводимые въ семъ сочиненіи Французскіе стихи переводить прозою, придерживаясь сколько возможно ближе къ смыслу оныхъ; ибо стихи, писанные на чужомъ языкѣ, которыхъ показываются красоты и погрѣшности, перевесть стихамиже на другой языкъ, выразя точно тужъ самую красоту, или тужъ самую погрѣшность, есть не токмо трудное, но и совсѣмъ невозможное дѣло. Даже и переводъ прозою требуетъ на нѣкоторыя мѣста, или выраженія, особливыхъ истолкованій. Чего ради лучше лишить ихъ стихотворческаго сладкогласія, нежели затемнить, и вовся сокрыть въ нихъ то, о чемъ разбиратель оныхъ разсуждаетъ.

намъ весь городъ, *городъ обширный*, обитаемый единымъ *рабствомъ*, и *рабствомъ безмолствующимъ*. Вотъ искусной руки образецъ *); но вынь извитіе сіе изъ мѣста, отними его отъ сочиненія, въ которомъ воображеніе воздвигнуто уже великолѣпнымъ

*) Тожъ самое и толикоже смѣлое извитіе нахожу я въ слѣдующемъ Ирмосѣ: „побѣждаются естества уставы, въ тебѣ дѣво чистая: *дѣвствуетъ бо рождество*, и животъ „предобручаетъ смерть: по рождествѣ дѣва, и по смерти „жива, спасаеши присно Богородице наслѣдіе твое." Сочинитель не говоритъ: *дѣвствуетъ бо рождшая*, хотя бы уже и сіе имѣло въ себѣ нѣчто свыше прозы; но нѣтъ, онъ употребляетъ стихотворческій образъ рѣченія; онъ, чтобъ увеличить мое удивленіе, чтобъ живѣе поразить мое воображеніе, въ лицѣ раждающей жены представляетъ мнѣ самое дѣйствіе рожденія, и говоритъ: *дѣвствуетъ бо рождество!* Сіе выраженіе тѣмъ больше поразительно, что въ немъ съ смѣлымъ извитіемъ соединена еще и невозможность, Богу токмо возможная, чтобъ *рождество* могло *дѣвствовать*. Вотъ образецъ искуства, точно такой же, какъ и *рабство въ молчаніи* (l'esclavage en silence), но несравненно его превосходнѣйшій. Въ книгѣ Царствъ (кн. 4, гл. 19, ст. 23) Сеннахиримъ Царь Ассирійскій тако угрожаетъ Эзекіи Царю Израильскому: „со множествомъ колесницъ моихъ взыду азъ на вышнюю часть горы Ливанскія, *и усѣку величество отъ кедръ ея*, и избранныя отъ „кипарисовъ ея." Въ сей рѣчи выраженіе: *и усѣку величество отъ кедръ ея*, заключаетъ въ себѣ тожъ самое извитіе, о которомъ, приводя въ примѣръ стихъ Волтеровъ, разсуждаетъ Лагарпъ. Въ Французской Библіи послѣднія слова сей рѣчи переведены: *je couperai les plus hauts cèdres. et les plus beaux sapins qui y soient.* Въ Нѣмецкой: *ich wil seine hohe cedern und auserlesene tannen abhauen.* Въ обоихъ сихъ переводахъ нѣтъ никакова словоизвитія, и въ Рускомъ не было бы, еслибъ также какъ въ нихъ сказано было просто: и усѣку *высокіе отъ кедровъ ея;* выраженіе сіе было бы такоеже простое, то есть безхитростное, какъ и въ послѣдней части рѣчи: *и избранные отъ кипари-*

описаніемъ Чингисхановыхъ подвиговъ, мнѣніемъ о народѣ побѣдившемъ вселенную, пышностію восточнаго слога, наипствующею съ перваго стиха на все твореніе; перенеси его въ Меропу или въ Ореста (Волтеровы трагедіи); оно покажется тамъ слишкомъ

сов ея. Но извитіе состоитъ въ томъ, что вмѣсто самихъ кедровъ взято приносимое ими сему мѣсту величавое украшеніе, и сказано: *усѣку величество отъ кедръ ея*, то есть: гора Ливанъ гордится красотою своихъ древесъ, но я отниму у ней сію красоту, низложу ея гордость, усѣку величество отъ ея кедровъ. Примѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что во Франціи до временъ Людовика XIV не видимъ мы нималѣйшихъ признаковъ, чтобъ подобныя въ языкѣ хитрости и красоты были уже извѣстны; между тѣмъ какъ отъ временъ Владиміровыхъ въ Священныхъ нашихъ книгахъ, и даже въ сочиненіяхъ таковыхъ, какъ слово о полку Игоревомъ, находимъ уже множество тому примѣровъ, и столь прекрасныхъ, что естьли бы Квинтиліяны и Лагарпы знали Руской языкъ, то безсомнѣнія съ радостію взяли бы ихъ для помѣщенія въ своихъ о краснорѣчіи сочиненіяхъ. Сей Сумарокова въ Семирѣ стихъ, котораго тоже иноименіе составляетъ красоту, не уступаетъ ни въ чемъ вышесказанному Волтерову стиху:

Коль трудно было намъ
Покорствовать такимъ сердитымъ временамъ.

Естьли бы сочинитель сказалъ: *коль велико было терпѣніе наше въ толь бѣдственныя времена*, тогда бы онъ мысль свою выразилъ просто, безъ извитія, безъ украшенія, безъ стихотворческаго искуства и огня; но онъ представлял время въ видѣ грознаго властителя, вмѣсто *терпѣть въ бѣдственныя времена*, говоритъ *покорствовать сердитымъ временамъ*. Слово *сердитый* какъ смысломъ, такъ и звукомъ своимъ, весьма украшаетъ стихъ. Скажемъ *гнѣвнымъ временамъ*, мысль будетъ таже, но выраженіе слабѣе, для того что слово *гнѣвный* нѣсколько мягче, нежели *сердитый*, а здѣсь, для лучшаго изображенія, надобно громкое, суровое, черствое слово.

стихотворно, будетъ холодная пухлость, и ничего не скажешъ уму. Положимъ, что въ Орестѣ сочинитель, желая представить уныніе жителей Аргоса подъ жестокимъ правительствомъ Эгистовымъ, вложилъ бы въ уста Паменовы сей стихъ:

Рабство въ молчаніи повинуется гласу его *).

Оный былъ бы стихотворная роскошь, не приличная въ устахъ печальнаго старца, оплакивающаго владыку своего, и никакой знатокъ въ словесности не похвалилъ бы сего стиха. Между тѣмъ ежели мы хорошенько разсмотримъ, то найдемъ въ нихъ одну и тужъ самую мысль: въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о томъ, чтобъ представить страхъ народа, подъ чуждымъ правительствомъ безмолствующаго. Но колико обстоятельства должны перемѣнять свойство слога! Посмотримъ какъ сочинитель Ореста заставляетъ говорить Памена, когда сей жалуется Оресту на безчиніе Аргосскаго народа:

Увы! гражданинъ вѣрный, но вѣрный со опасеніемъ,
Не дерзнетъ въ сихъ мѣстахъ подражать сему святому усердію.
Какъ скоро Эгистъ появляется, благочестіе, Государь,

---

*) L'esclavage en silence obéit à sa voix.

Не смѣетъ казаться, и уходитъ паки во
глубину сердца *).

Вотъ двѣ картины, одно и тоже изображающія, но въ которыхъ краски весьма различны: въ одной изъ нихъ стихотворецъ, описуя ужасъ распространяющійся отъ нашествія Татаръ на самую величайшую въ свѣтѣ область, ищетъ поразить одно только вооображеніе, околичными, не принадлежащими къ дѣлу сказаніями: сего ради весьма кстатѣ позволяетъ себѣ блистаніе, смѣлость выраженій. Но въ другомъ, онъ хочетъ тронуть сердце, для того что съ сею робкою слабостію Аргосскаго народа сопряжено промедленіе законнаго мщенія, составляющаго подлинную сущность сего творенія. Чего ради и употребляетъ онъ не великолѣпныя, но чувствительныя выраженія, дабы произвесть состраданіе, жалость, гнушеніе:

Благочестіе, Государь,
Не смѣетъ казаться, и уходитъ паки во
глубину сердца.

Сіе безпрерывное соображеніе слога съ содержаніемъ есть такой важности, особливо же въ драматическихъ сочиненіяхъ, гдѣ всему

*) Hélas! le citoyen, timidement fidel,
N'auserait en ces lieux imiter ce saint zele.
Dès qu'Egyste parait, la piété, seigneur,
Tremble de se montrer, et rentre au fond du cœur.

надлежитъ клониться къ произведенію одинакаго дѣйствія, что каждое выраженіе, отъ одного конца творенія до другаго, долженствуетъ нѣкоторымъ образомъ быть подчинено главному виду и намѣренію. Но такое истинное чувствованіе приличій, производящее совершенство слога, есть родъ волшебства, каковымъ не токмо не многіе люди одарены, но даже и судить о томъ рѣдкіе могутъ: дабы примѣтить сіе, потребно много размышлять, а мы любимъ наслаждаться своими утѣхами, не ища тому причинъ. Имѣть нѣкоторую сметливость ума, есть не такая рѣдкость, какъ думаютъ, доказательство тому, что всякая истина всегда производитъ дѣйствіе свое надъ собраніемъ людей; но не такъ легко изострить умъ свой и умѣть читать съ разсужденіемъ. Отъ сего-то происходитъ, что великимъ писателямъ чаще удивляются, нежели совершенно чувствуютъ ихъ; но это же самое есть и причина извиняющая тѣхъ, которые, ощутя разсудкомъ совершенство, дѣлаются страстнѣе ко всему, что приближается къ оному, и строже къ тому, что отъ онаго удаляется. Надлежитъ знать, что сіи два впечатлѣнія не могутъ возбуждаться одно безъ другаго. Когда мы безпрестанно съ услажденіемъ перечитываемъ тѣхъ, кои обладаютъ рѣдкимъ и вели-

кимъ дарованіемъ каждую строку подбирать подъ цвѣтъ содержанія, то какимъ образомъ можемъ терпѣть сію толпу писателей, не имѣющую о семъ нималѣйшаго понятія, и которая изъ всякихъ наудачу собранныхъ красокъ составляетъ чудовищную пестроту? На что больше, чтобъ читателю хотя нѣсколько искусному съ первой страницы узнать человѣка не за свое дѣло принявшагося? Для чего въ такомъ множествѣ театральныхъ сочиненій такъ мало такихъ, которыя могли бы выдержать чтеніе? Иной причины искать не должно. Но съ другой стороны для чего видимъ любителя словесности такъ часто читающаго Расина и Волтера, которыхъ всякъ знаетъ наизусть? Для того, что каждый разъ, когда онъ читаетъ ихъ, находитъ множество особенныхъ удовольствій, въ которыхъ не должно завидовать чувствительному человѣку, посвятившему жизнь свою изящнымъ наукамъ, поелику сіи удовольствія суть самыя чистѣйшія, самыя сладчайшія, и можно сказать единственныя, вознаграждающія его за всѣ принесенныя имъ жертвы и претерпѣнныя огорченія.

Буало дѣльно смѣялся надъ Прадономъ, не знавшимъ что такое иноименіе; но въ томъже самомъ мѣстѣ, онъ весьма несправедливо хочетъ оправдать одно употреблен-

ное имъ вмѣсто другаго имя, которое не безъ основанія было похуляемо. Вы увидите, говоритъ онъ въ посланіи къ стихамъ своимъ:

Вы увидите тысячу привязчивыхъ писателей,
Чистящихъ строка за строкою всѣ ваши слова и звуки.
Они не позволяютъ вамъ употреблять Гиперболъ,
Всякое доброгласное слово называютъ дерскимъ,
И во всѣхъ вашихъ сочиненіяхъ, подобно какъ на страшныхъ чучелъ,
Укаютъ на Метафору и на Метонимію,
Сіи великія слова, которыя Прадонъ почиталъ химическими названіями,
И смѣло утверждаютъ, что постелю не льзя назвать *безстыдною* *).

Онъ выраженіе сіе употребилъ въ сатирѣ на женщинъ:

Или лучше понравятся тебѣ сіи кроткія Вакханитки,
Которыя въ пустой печали своей, безъ болѣзни больныя,

---

*) Vous verrez mille auteurs pointilleux,
Piece à piece épluchant vos sons et vos paroles,
Interdire chez vous l'entrée aux hyperboles,
Traiter tout noble mot de terme hasardeux,
Et dans tous vos discours, comme monstres hideux,
Huer la Métaphore et la Métonymie,
Grands mots que Pradon croit des termes de chimie.
Vous soutenir qu'un lit ne peut être *effronté*, &c.

Французскому слову *effronterie* наши соотвѣтствующія слова суть: безстудство, безчинство, наглость, похабство.

Цѣлыя мѣсяцы, на постелѣ своей *безстыдной*,
Лѣчатся отъ очевиднаго и совершеннаго здоровья *).

Я охотно похвалю послѣдній стихъ. Въ самомъ дѣлѣ есть нѣкоторое искуство въ семъ кажущемся противурѣчіи: *лѣчиться отъ совершеннаго здоровья*, подобно какъ лѣчатся отъ болѣзни, выражаетъ весьма хорошо не основательность мнимой больной, которая не имѣя въ себѣ никакой болѣзни, хочетъ выздоровѣть; но я нахожу злоупотребленіе и натяжку въ словоизвитіи, приписующемъ постелѣ *безстыдство* больной женщины. Дюмарсесъ въ прекрасномъ опытѣ своемъ о разныхъ образахъ рѣченій, весьма разумно примѣчаетъ, что во всякомъ извитіи воображеніе долженствуетъ всегда видѣть ясное и близкое сходство. Итакъ весьма хорошо сказать прелюбодѣйственный одръ, преступное ложе **), хотя въ самомъ дѣлѣ одръ или

*) T'accommodes-tu mieux de ces douces Ménades,
Qui dans leurs vains chagrins, sans mal toujours malades,
Se font des mois entiers, sur un lit *effronté*?
Traiter d'uue visible et parfait santé?

**) Un lit adultere, un lit criminel. Надлежитъ здѣсь примѣтить, что Француcкому слову *lit* соотвѣтствуютъ наши слова, въ просторѣчіи *постеля*, *кровать*, въ высокомъ же слогѣ *одръ*, *ложе*. Свойство нашего языка позволяетъ и намъ въ возвышенной рѣчи сказать, прелюбодѣйственный одръ, преступное ложе, а особливо въ гнѣвныхъ и укоризненныхъ вѣщаніяхъ, какъ напримѣръ: утопай съ нимъ въ роскошахъ на одрѣ прелюбодѣйствія, покойся на преступ-

ложе столько же не можетъ быть прелюбодѣйственнымъ или преступнымъ, сколько и *безстыднымъ*; однакожъ умъ ловитъ тотчасъ сходство мыслей, и видитъ въ одрѣ орудіе прелюбодѣянія и позорище преступленія; но какъ видѣть въ одрѣ безстыдство? Впрочемъ сія погрѣшность есть единственная въ своемъ родѣ во всѣхъ сочиненіяхъ Буаловыхъ, и тѣмъ больше сожалѣнія достойно, что умъ сей, толь строгій и справедливый, который, какъ нимало было дѣльнаго во всемъ томъ, что противъ него писали, но и симъ малымъ неоднократно съ благоразуміемъ умѣлъ пользоваться *), восхотѣлъ

номъ ложѣ! но чистота слога нашего не терпитъ смѣшенія высокихъ прилагательныхъ съ простыми или низкими существительными: и такъ прелюбодѣйственная кровать, или преступная постеля, было бы въ нашемъ языкѣ безобразіе. Впрочемъ мы не можемъ во всей точности почувствовать здѣсь Лагарпова сужденія. Французское выраженіе *un lit effronté*, въ Рускомъ переводѣ, *безстыдная постеля*, не кажется намъ такою *ощутительною погрѣшностію*, какою Лагарпъ ее находитъ. Можетъ быть слово ихъ *effronté*, яко происходящее отъ имени *front*, чело, а не отъ имени *honte*, стыдъ, меньше удобоприлагательно къ постелѣ, чѣмъ Руское *безстыдная*. Такъ напримѣръ у насъ *быть безстыднымъ* и *не краснѣть*, одно понятіе изъявляетъ; но естьли бы и можно было о постелѣ сказать *безстыдная*, то уже никакъ не можно назвать ее *никогда не краснѣющею*. Подобныя въ языкахъ между двумя соотвѣтствующими словами разности часто примѣчаются.

*) Сему-то бы надлежало у Боало учиться: вотъ какъ великіе писатели достигаютъ до исправныхъ и превосходныхъ твореній!

съ упрямствомъ защищать ощутительнѣйшую изъ сдѣланныхъ имъ погрѣшностей.

Я отсылаю къ вышепомянутому мною Дюмарсееву опыту о разныхъ образахъ рѣченій, и къ другимъ таковажъ рода сочиненіямъ, тѣхъ, кто хочетъ подробно вникнуть въ искуство словоизвитій; ибо не должно нигдѣ, а особливо здѣсь, повторять того, что можно находить въ другихъ книгахъ; но надобно однакожъ остановиться нѣсколько на томъ изъ оныхъ, которое есть самое главное, самое разнообразное, и самое прекраснѣйшее изъ всѣхъ извитій, иносказаніе *). Опредѣленіе онаго не имѣетъ достаточной ясности; но, какъ и всѣ опредѣленія, объясняется скоро примѣрами. Можно опредѣлить оное такъ: иносказаніе есть извитіе, въ которомъ прямой разумъ слова перемѣняется въ другой, принадлежащій сему слову токмо по сходству, въ умѣ воображаемому. Такимъ образомъ когда кто скажетъ, ложь облекается въ одежду правды, слово *одежда* будетъ не въ прямомъ своемъ смыслѣ; ибо ни ложь ни правда не имѣютъ у себя одежды; слѣдовательно *одежда* значитъ здѣсь наружность; но умъ постигаетъ тотчасъ сходство, существующее между одеждою и наружностію, и словоизвитіе

*) Греческое Метафора.

ясно. Иносказаніе, говоритъ справедливо Квинтиліянъ, приноситъ ту пользу, что мы помощію онаго все выразить можемъ; но ни онъ, ни Дюмарсе, ниже другой какой извѣстной мнѣ о наукѣ краснорѣчія писатель, не восходилъ умствованіемъ къ истинному иносказанія началу, хотя, какъ мнѣ кажется, и не трудно до онаго добраться. Иносказаніе всегда почти переходитъ отъ нравственнаго къ естественному; ибо какъ всѣ наши понятія первоначально отъ чувствъ происходятъ, того ради мы всегда почти стараемся умственныя мечтанія наши дѣлать ощутительнѣйшими чрезъ сходство ихъ съ вещами зримыми. Отсюду происходитъ, что всѣ почти иносказанія не иное что суть, какъ образы или роды сравненій и подобій. Когда я скажу о человѣкѣ одержимомъ гнѣвомъ, *онъ какъ левъ* это будетъ уподобленіе: я выражаю общее сходство между разгнѣваннымъ человѣкомъ и львомъ. Естьли пойду далѣе и скажу: *подобно какъ левъ, очами сверкающій и хвостомъ себя по ребрамъ біющій, кидается съ страшнымъ ревомъ, такъ онъ*, и проч., тогда я вхожу въ исчисленіе обстоятельствъ подобія, и дѣлаю сравненіе. Буде же я скажу просто: *этотъ человѣкъ въ гнѣвѣ левъ*, тогда составляю иносказаніе, которое слѣдственно въ существѣ своемъ не иное что есть,

какъ сокращенное сравненіе, дополняемое воображеніемъ.

Изъ сего видно, что извитіе сіе раждается отъ сроднаго намъ расположенія сравнивать нравственныя постиженія наши съ чувствованіями, и употреблять однѣ изъ нихъ для сильнѣйшаго выраженія другихъ. Начали говорить, *человѣкъ кипитъ гнѣвомъ*, ибо почувствовали, что страсть сія приводитъ кровь въ великое волненіе и движеніе, подобное кипѣнію воды на огнѣ. Такимъ же образомъ человѣкъ бываетъ *улоенъ*, *сокрушенъ*, *окамененъ*, *воспаленъ*, *очерненъ*, *услажденъ* и проч. Одно изъ сихъ иносказаній истолкованное, объясняетъ уже свойство всѣхъ прочихъ. Но есть изъ нихъ и такія, въ которыхъ вещественные предметы уподобляются между собою. Говорится *цвѣтъ возраста*, для того что блескъ и свѣжесть первой юности напоминаетъ о растеніяхъ, когда онѣ цвѣтутъ. Говорятъ также *ледъ старости*, ибо видятъ, что она оковываетъ произношеніе и останавливаетъ движеніе, подобно какъ ледъ, составляясь, отъемлетъ у воды жидкость.

Сіе словоизвитіе, и такожъ иноименіе, которое есть также родъ иносказанія, чаще всѣхъ употребляются въ рѣчахъ. Онѣ подъ силу какъ простому народу, такъ краснослову и стихотворцу. Всѣ люди больше или

меньше объясняются извитіями словъ, смотря по степени восторга и по силѣ воображенія своего. Иносказаніе есть самое прекраснѣйшее изъ всѣхъ извитій, потому что оное соединяетъ два понятія въ одномъ словѣ, и что сіи два понятія дѣлаются чрезъ соединеніе свое болѣе поразительными. Когда скажутъ, *красота вянетъ*, слово *вянетъ* относится равно къ женщинамъ и цвѣтамъ, и сіе толь естественное и пріятное совокупленіе нравится воображенію. Но поелику иносказаніе само собою такъ общенародно, того ради выборъ долженъ составлять достоинство онаго. Надлежитъ, чтобъ оно было справедливо, то есть выражало бы соотвѣтствіе, основанное на природѣ вещей. Ничего нѣтъ противнѣе, какъ не связное извитіе: оно хочетъ возвѣстить красоту, и становится гораздо хуже прямаго смысла, когда въ дѣйствіи своемъ не успѣетъ. Справедливо издѣвались надъ симъ стихомъ Руссовымъ:

И юные зефиры, теплыми дыханіями своими,
Растаяли кору водъ *).

Ложный образъ; ибо кору не можно растаять **). Сверхъ сего надобно, чтобъ ино-

---

*) Et les jeunes zéphyres, de leurs chaudes haleines,
ont *fondu l'écorce* des eaux.

**) Надлежитъ примѣтить, что глаголъ *растаять* употребленъ здѣсь въ дѣйствительномъ залогѣ, а не въ среднемъ,

сказаніе было нужно, то есть имѣло бы болѣе силы, нежели прямосказаніе, безъ чего сіе послѣднее будетъ предпочтительнѣе. Иносказаніе для того сдѣлано, говоритъ остроумно Квинтиліянъ, чтобъ заступать

въ какомъ оный обыкновенно употребляется. Да не поставятъ мнѣ сего въ вину. Я не новости здѣсь ввожу, но возвращаюсь къ тому, отъ чего мы, не вникая въ свойство языка своего, весьма несправедливо отстаемъ. Въ Славенскихъ книгахъ глаголъ сей часто употребляется въ дѣйствительномъ залогѣ, какъ то изъ слѣдующаго примѣра видѣть можно: *буй не благодарно поноситъ, и даяніе завидливаго истаеваетъ очи.* (Сир. 18, 18). Не даяніе само истаеваетъ, но оно, яко причина, истаеваетъ очи завидливаго. Равнымъ образомъ и глаголъ возсіять въ Славенскомъ языкѣ не всегда въ среднемъ, но иногда и въ дѣйствительномъ залогѣ употребляется, какъ слѣдующій примѣръ показываетъ: *къ тебѣ прибѣгаемъ милостивому и всесильному Богу: возсіяй въ сердцахъ нашихъ солнце правды Твоея, просвѣти умъ нашъ, и чувства вся соблюди.* Здѣсь *возсіяй* не значитъ *ты самъ сіяй*, но *ты сдѣлай, чтобъ свѣтъ возсіялъ.* Таковое обоюдное употребленіе сихъ глаголовъ служитъ къ обогащенію языка; ибо способствуетъ различными образами выражать мысли. Напримѣръ, въ вышесказанной молитвѣ, безъ употребленія сего глагола въ дѣйствительномъ залогѣ, не можно было бы просить Бога: *возсіяй въ сердцахъ нашихъ солнце правды Твоея*, но надлежало бы сказать: *сдѣлай, чтобъ въ сердцахъ нашихъ солнце правды Твоей возсіяло.* Таковое стѣсненіе мыслей отнимаетъ силу выраженій, и даже причиняетъ въ нихъ недостатокъ и затрудненіе. Представимъ себѣ человѣка, сжавшаго въ рукѣ своей кусокъ льду, и спросимъ его: что ты дѣлаешь? самой краткой и чистой отвѣтъ его долженъ быть сей: *таю ледъ.* Но естьли мы глагола *таять* не станемъ употреблять въ дѣйствительномъ залогѣ, тогда человѣкъ этотъ долженъ будетъ отвѣчать или не свойственнымъ глаголомъ *топлю ледъ*, или длиннымъ и убивающимъ краснорѣчіе описаніемъ: *я дѣлаю, чтобъ ледъ въ рукѣ моей растаялъ.*

*

порожнее мѣсто, и поелику оно прямой смыслъ отталкиваетъ прочь, того ради долженствуетъ быть изящнѣе онаго. Надлежитъ также приноравливать оное къ содержанію, и чтобъ не было ничего чрезъ мѣру не равнаго въ понятіяхъ, между которыми оно есть постигаемое токмо догадкою сравненіе. Сего ради справедливо хулятъ сей стихъ, въ которомъ, говоря о возницѣ, впрягающемъ въ колесницу коней, сказано:

Онъ покоряетъ коней своихъ *владычеству* *удила* *).

Слово *владычество* слишкомъ важно для слова *удило*. Надлежитъ также опасаться, чтобъ не извлечь иносказанія изъ вещей низкихъ и отвратительныхъ: Корнелій погрѣшилъ противъ сего правила, когда, говоря о ратникахъ Помпеевыхъ, сказалъ:

Изъ коихъ большая половина *жалко* выставляетъ
Позорную *притраву* вранамъ Фарсальскимъ **).

Слово *curée* (притрава, привада, покормка) представляетъ образъ возбуждающій отвращеніе ***), и не можетъ въ важномъ слогѣ

*) Il soumet l'attelage à l'*empire* du mords.

**) Dont plus de la moitié *pitieusement* étale
Une indigne *curée* aux vautours de Pharsale.

***) Наши слова притрава, привада, покормка; а особливо два первыя не такъ низки, какъ Французское соотвѣтствующее имъ слово *curée*, и отнюдь не отвратительны. Естьли бы вмѣсто оныхъ поставить *стерва* или *стервятина*, тогда бы слово сіе возбуждало отвращеніе; но оное было бы уже гораздо ниже Французскаго.

быть употреблено. *Pitieusement* (жалко или жалкимъ образомъ) не есть извитіе, однако не можетъ входить въ трагедію, и важному слогу неприлично *). Наконецъ когда иносказаніе имѣетъ всѣ потребныя качества, то и тогда не должно быть въ ономъ расточительну; ибо въ такомъ случаѣ впадемъ въ жеманство и однозвучіе **), двѣ пре-

---

*) Хотя Французское слово *pitieusement* точно значитъ жалко или жалкимъ образомъ, ибо происходитъ отъ *pitié*, жалость; однакожъ оно гораздо простонароднѣе и ниже, чѣмъ наше Руское, и потому Лагарпово сужденіе о словѣ *pitieusement* не можетъ относиться къ нашему слову *жалко*. Pitieusement есть почти тоже, какъ бы у насъ, говоря объ убитыхъ, вмѣсто: *лежать жалко или жалостно въ полѣ*, сказать: *лежать трогательно въ полѣ*. Первое можно употребить во всякомъ, даже и въ высокомъ слогѣ, второе и въ самомъ простомъ не хорошо.

**) Надлежитъ употребленіе сихъ словъ оправдать опредѣленіемъ оныхъ. *Жеманство* (affectation, Франц.) въ поступкахъ человѣческихъ значитъ нѣчто притворное, принужденное, не обыкновенное, не естественное. Желаніе подражать чему нибудь, или отличить себя отъ другихъ, заводитъ насъ въ сію странность или неловкость, которая часто преобращается въ привычку. Человѣкъ разными образами *жеманится*, тѣлодвиженіями, голосомъ, слогомъ въ разговорахъ и слогомъ въ сочиненіяхъ. Тѣлодвиженіями, когда ходитъ необыкновенною походкою, ужимается не кстати, кланяется не похоже на другихъ, и тому подобное. Голосомъ, когда принужденнымъ и не свободнымъ образомъ старается возвышать или опускать оный. Излишнее учтивство всегда смѣшано бываетъ съ нѣкоторымъ жеманствомъ; притворство и принужденность суть одного съ нимъ поколѣнія. Жеманство въ разговорахъ есть обыкновенный порокъ людей называемыхъ краснобаями: они о самыхъ простыхъ вещахъ говорятъ отборными, и часто весьма странными словами. Для того-то сіи красно-

несносныя погрѣшности во всякомъ родѣ писаній.

бки несносны бываютъ разумнымъ людямъ, которые больше стараются основательно мыслить, нежели кудряво говорить; или которые считаютъ, что кто думаетъ хорошо, тотъ и говоритъ хорошо; что мысль новая, сильная, истинная, ясная, сама себя выражаетъ; обыкновенная же или простая не должна никогда иначе выражаться, какъ просто. Естьли бы кто, вмѣсто *пора спать*, сказалъ: *время дремлющіе зеницы покорить власти Морфеевой*, или вмѣсто *меня пудрять*, употребилъ бы выраженіе: *бѣлѣйшей ароматный иней сыплется на мою голову*, тотъ сказалъ бы нѣчто жеманное, чопорное, не прилично кудрявое. Жеманство въ слогѣ есть почти тоже, что жеманство въ разговорахъ съ тою разностію, что когда мы пишемъ, тогда больше слова свои обдумываемъ и стараемся сказать чище и красивѣе, нежели когда просто говоримъ. Отсюду слѣдуетъ, что *жеманное* въ разговорахъ или бесѣдованіяхъ не всегда жеманно бываетъ въ слогѣ или письмѣ. Жеманство въ слогѣ и жеманство въ разговорахъ находятся между собою точно въ такомъ содержаніи, какъ жеманство знатнаго барина съ жеманствомъ простолюдина: важная выступка, приличная первому изъ нихъ, не пристанетъ и весьма смѣшна будетъ во второмъ. Разговоръ требуетъ простаго слога, безъ украшеній, безъ переноса словъ, безъ искуственнаго сложенія рѣченій: естьли бы кто такъ говорилъ, чтобъ не дѣлалъ никакихъ ошибокъ, про такова можно бы было сказать, что онъ никогда не говоритъ, а всегда читаетъ. Письмо напротивъ того требуетъ тщательнаго разбора и вниканія, какъ въ точное знаменованіе словъ, такъ и въ приличное оныхъ составленіе. Часто случается, что великіе писатели худо говорятъ, а великіе говоруны худо пишутъ. Сіе отъ того происходитъ, что первые говорятъ какъ пишутъ, и тогда отборность и правильность словъ въ разговорахъ бываетъ жеманство; другіе пишутъ какъ говорятъ, думая, что они говорятъ какъ писать должно, и тогда всѣ погрѣшности и небреженія, позволительныя въ разговорахъ, и нетерпимыя въ писаніяхъ, находимъ мы въ ихъ слогѣ. (Сія статья о словѣ *жеманство* есть переводъ статьи о словѣ *affectation*,

Инословіе *), разсуждая о немъ какъ о извитіи въ слогѣ и въ языкѣ учителей красноречія, собственно не иное что есть, какъ продолженное иносказаніе; ибо оно состоитъ въ томъ, что говорится о вещахъ, подъ которыми разумѣется другое. Когда смыслъ совершенно ясенъ, и подобія ни чрезмѣрно плодовиты, ниже весьма издалека взяты, тогда сіе извитіе можетъ производить прекрасное дѣйствіе въ краснорѣчіи и стихотворствѣ. Въ трагедіи Rome sauvée (спасенный Римъ) Катилина говоритъ о Цицеронѣ:

На кораблѣ всенародія, кормчій сей смятенный,
Подставляетъ всѣмъ вѣтрамъ бокъ свой не надежный;
Шатается туда и сюда; приготовляется къ бури,
Не зная даже и того отколѣ она возшумитъ **).

изъ Французской Энциклопедіи: изъ чего явствуетъ, что слово наше *жеманство* соотвѣтствуетъ точно Французскому слову *affectation*; а потому нашъ *жеманный слогъ*, *жеманное выраженіе*, есть точно тоже, что у нихъ *stil affecté*, *expression affecté*, и проч. Слова сіи необходимо нужны въ словесности. Имѣть ихъ и не употреблять было бы нѣкое нехотѣніе говорить своимъ языкомъ).

Однозвучіе или *тожегласіе* (Французское съ Греческаго monotonie). Кажется о сихъ словахъ нѣтъ нужды много распространяться. Онѣ сами въ себѣ заключаютъ свое опредѣленіе.

*) Греческое Аллегорія. Кажется принявъ *иносказаніе* не зачто отвергать *инословія*.

**) Sur le vaisseau public, ce pilote égaré,
Présente à tous les vents un flanc mal assuré;
Il s'agite au hasard; à l'orage il s'apprête,
Sans savoir d'ou viendra la tempête.

Здѣсь нѣтъ ни одного выраженія, котораго бы смыслъ не былъ потаенный. Корабль означаетъ республику, кормчій Цицерона, вѣтры враговъ отечества, буря возмутителей народныхъ. Сіи по порядку слѣдующія иносказанія составляютъ то, что называется иословіемъ. Ясно сколь необходимо нужно, чтобъ всѣ онѣ были одинакаго рода; одно изъ нихъ уклонившееся отъ первосказаннаго понятія, все испортитъ. Таковыя погрѣшности весьма часты въ посланіяхъ Руссовыхъ:

Тотчасъ увидите вы его надувающагося
Всѣмъ тѣмъ вѣтромъ, коимъ можетъ заставить дуть
Въ горнилѣ разгоряченной головы,
Глупость *привитая къ дурачеству* *).

Въ первыхъ трехъ стихахъ иносказаніе, хотя и не свободно въ выраженіи, но по крайней мѣрѣ предметы одинъ за другимъ слѣдуютъ. *Горнило головы* есть удаленное отъ естественности словоизвитіе, однако хоть то понимать можно, что *вѣтръ дуетъ въ горнилѣ*; но сего уже никакъ представить себѣ не льзя, чтобъ *глупость привитая къ дурачеству заставляла вѣтръ дуть.*

---

*) Incontinent vous l'allez voir s'enfler
De tout le vent que peut faire souffler
Dans les fourneaux d'une tête échauffée,
Fatuité sur *sottise greffé*.

Здѣсь нарушена справедливость естественныхъ соотвѣтствій, и еще больше въ слѣдующихъ тогожъ посланія стихахъ:

Это есть пышное и смѣшное скопище
Ложныхъ превыспренностей, *привитыхъ* къ сборищу
Сихъ великихъ словъ, *мишуръ* краснобайства,
Надутыхъ вѣтромъ и пустыхъ разумомъ *).

Иносказаніе трегубо худое, потому что три раза перемѣняетъ предметъ. Здѣсь превыспреннее *привито* къ великимъ словамъ, которыя суть *мишура*; какъ можно *привить* къ *мишурѣ?* первое относится только къ деревьямъ; второе къ металлическимъ составамъ; и сверхъ сего, какъ *мишура* можетъ быть *надута вѣтромъ?* Это уже третій порядокъ вещей. Нѣтъ никакой возможности отрицать, чтобъ слогъ сей не былъ весьма худъ: оный тѣмъ меньше извинителенъ, что сочинитель въ самомъ семъ мѣстѣ хочетъ обучать вкусу, и впадаетъ точно въ тѣ погрѣшности, за которыя укоряетъ другихъ. Не то здѣсь утверждается, что для пріобрѣтенія права уличать въ ошибкахъ, непремѣнно уже должно самому ни одной изъ нихъ не сдѣлать; ибо въ такомъ

*) C'est l'emphatique et burlesque étalage
D'un faux sublime, *enté* sur l'assemblage
De ces grands mots, *clinquant* de l'oraison,
Enflés de vent et vides de raison.

случаѣ кто осмѣлится *бросить первой камень* въ худой вкусъ? но весьма нещасшливо и весьма неискусно, говоря о стихахъ

Надутыхъ вѣтромъ и пустыхъ разумомъ,

въ тожъ самое время подавать тому примѣръ. Возмемъ противное тому въ великомъ стихотворцѣ, на котораго Руссо, ослѣпленный ненавистію, нападалъ въ семъ посланіи, желая особенно его выставить въ ономъ. Генріяда снабдитъ насъ примѣрами сихъ совокупныхъ иносказаній, составляющихъ инословіе, которое длится черезъ десять стиховъ безъ малѣйшаго вида натяжки, безъ всякаго въ справедливости погрѣшенія, и потому паче прочихъ кажется намъ здѣсь примѣчанія достойнымъ. Надлежало описать Генриха III въ тотъ самой часъ, когда народъ противъ него взбунтовалъ: онъ на краткое время покушается выдти изъ своей безпечности, но худо провидитъ пользы свои, едва постигаетъ опасности, и вскорѣ забывъ все предается паки нѣгѣ и утѣхамъ. Вотъ прямой смыслъ, и вотъ иносказательной:

Генрихъ пробуждается отъ своего упоенія:
Сей шумъ, сіе приготовленіе, сія угрожающая ему опасность,
Открыли на время дремлющія его зѣницы.
Но взоры его досаднымъ блескомъ преомраченные,

Не могли, посредѣ бури, разсмотрѣть
Висящихъ надъ главою его громовыхъ тучъ;
И вскорѣ утомленный минутою пробужденія своего,
Усталый и паки объятію сна предающійся,
Между любимцами своими и въ нѣдрахъ утѣхъ,
Спокоенъ, засыпаетъ онъ на краю пропасти *).

Искусной кисти работа! какъ краски всѣ подобраны! какъ живо подведены тѣни! сіе препинаніе, сѣкущее стихъ на первомъ слогѣ, *las-et se rejetant*, совершенно изображаетъ томную, падающую слабость. А въ послѣднемъ стихѣ подобное же препинаніе на третьемъ слогѣ, *tranquille-il s'endormit*, даетъ живое понятіе о засыпающей безпечности **). Сіе

*) Henri se réveilla du sein de son ivresse:
Ce bruit, cet appareil, ce danger qui le presse
Ouvrirent un moment ses yeux appesantis.
Mais du jour importun ses regards éblouis
Ne destinguerent point, au fort de la tempête,
Les foudres menaçans qui grondaient sur sa tête;
Et bientôt fatigué d'un moment de reveil,
Las et se rejettant dans les bras du sommeil;
Entre ses favoris et parmi les délices,
Tranquille, il s'endormit au bord des précipices.

**) Подобныхъ красотъ одного языка не можно показать на другомъ, потому что сущность ихъ состоитъ не въ одномъ разумѣ словъ, но также и въ пріятномъ для уха составѣ, или щастливомъ прерывѣ оныхъ. Близкіе или подходящіе примѣры могутъ лучше дать о томъ понятіе. Въ слѣдующихъ стихахъ нахожу я нѣчто сему подобное:

Блаженъ. . . . .
Кто могъ *сомкнувъ охотно вѣжды,*
Держася объ руку надежды
Пройти отважно жизни путь,

есть употребленіе инословія въ рѣчахъ. Чтожъ касается до злоупотребленія онаго, то примѣтимъ, что больше достоинства дать сему извитію приличное пространство, нежели худымъ и не искуснымъ образомъ распространить его далѣе предѣловъ. Въ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ есть примѣры, что одно и тоже иносказаніе простирается чрезъ четыре страницы; тогда уже есть оное игра ума стольже странная, сколь несносная, и которую глупые люди пріемлютъ за воображеніе.

Мы инословію даемъ смыслъ болѣе обширный, когда называемъ симъ именемъ стихотворческій вымыслъ, въ которомъ нравственнымъ существамъ человѣческія лица приписуются, каковы суть храмъ любви въ Генріадѣ, эпизода *) нѣги въ Лютренѣ, и

И не заботясь по пустому,
Подобно отроку младому
Играть, играть . . . . . да и заснуть.

Послѣдніе два стиха весьма хорошо изображаютъ послѣдующее за веселіемъ утомленіе и сонъ. Но въ предъидущихъ стихахъ не то сказано, чтобы сказать надлежало: не тотъ, которой *сомкнувъ охотно вѣжды, преходитъ отважно жизни путь*, засыпаетъ или умираетъ такимъ образомъ; но тотъ, кто сопровождаемый безпорочностію, свободенъ отъ страстей, спокоенъ въ совѣсти, не мучась никакими желаніями, проведетъ вѣкъ свой въ веселіи духа: о смерти сего единаго можно сказать, что онъ подобно отроку младому, игралъ, игралъ, да и заснулъ.

*) Я оставляю сіе иностранное слово не отыскавъ такова Рускова, которое бы показалось мнѣ удовлетворительнымъ.

многія другія. Бывають также инословія кратчайшія сихъ, въ маломъ числѣ стиховъ заключающіяся, и составляющія пріятное разнообразіе въ стихотворствѣ нравственномъ или поучительномъ. Таковы суть сіи Волтеровы стихи на умѣренность. (dicours sur la modération).

Нѣкогда услажденная ласками нѣги
Утѣха заснула на лонѣ лѣности.
Спитъ крѣпко: не слышно болѣе ни пѣсенъ, ни стиховъ,
Молчитъ любовь, скука крушитъ вселенную.
Нѣкій богъ, сжалясь надъ природою человѣческою,
Посадилъ подлѣ утѣхи трудъ и работу.

Одинъ человѣкъ всего истребить не можетъ, но когда многіе о томъ пещися будутъ, тогда языкъ отъ сихъ чужихъ звуковъ очистится, и конечно выиграетъ. Для утвержденія себя еще новымъ въ томъ доказательствомъ, приведемъ здѣсь выписку изъ книги, напечатанной въ 1718 году, и называемой Географія генеральная: „изъ Ариѳметики подобаетъ знати чтущему 4 виды, аддицію, суб„стракцію, мултипликацію, дивизію, и кромѣ того регулу „златую, или регулу детри. Три роды величести позна„ваетъ Геометрія, коими все размѣряетъ, сирѣчь линіи, „суперфиціи, и корпора солида, или корпуленціи, то есть „толстоты всея сферы земныя, и ничего нѣсть четвер„таго въ натурѣ. — Синусъ нѣкоего аркуса глаголется „прямый, который отъ единаго конца аркуса ведется пер„пендикулярень въ діаметръ веденный чрезъ вторый ар„куса конецъ, и проч.“ — Таковъ былъ Руской языкъ въ наукахъ! нынѣ мы вмѣсто сихъ аддицій, субстракцій, мултипликацій, дивизій, регулъ, суперфицій, корпуленцій, аркусовъ, пишемъ сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, правило, поверхность, тѣло, дуга. Чрезъ истребленіе сихъ иностранныхъ словъ не сдѣлался ли языкъ нашъ чище и науки вразумительнѣе? почему же и въ словесности и въ краснорѣчіи не должны мы о томъже самомъ пещися?

Страхъ разбудилъ ее, надежда повела,
И нынѣ сопровождатели сіи вездѣ ходятъ
съ нею по земли *).

Леміеръ весьма хорошо изобразилъ свойство инословія въ семъ стихѣ поэмы своей, называемой *живопись*. (La peinture).

Инословіе обитаетъ въ палатахъ прозрачныхъ **).

И въ тойже поэмѣ онъ весьма хорошо употребилъ оное къ изображенію иносказательнаго лика невѣжества:

Есть тупое и грубое божество,
Въ Тмолусѣ нѣкогда обитавшее,
Невѣжество имя ему: тяжелая лѣность
Безъ чревоболѣнія родила его на брегахъ спящихъ водъ;
Сопровождаемое случайностію, заблужденіемъ водимо,
Съ криваго на кривой путь ходитъ оно, и глупость ему послѣдуетъ ***).

---

*) Jadis trop caressé des mains de la Mollessè,
Le plaisir s'endormit au seine de la Paresse.
La langueur l'accablait; plus de chant, plus de vers,
Plus d'amour, et l'Ennui détruisait l'univers.
Un dieu qui prit pitié de la nature humaine
Mit auprès du plaisir le Travail et la Peine.
La crainte l'éveilla, l'Espoir guida ses pas:
Ce cortege aujourd'hui l'accompagne ici bas.

**) l'Allegorie habite un palais diaphane.

***) Il est un stupide et lourd déité:
Le Tmolus autrefois fut par elle habité.
L'igrorance est son nom: la paresse pesante
L'enfanta sans douleur aux bord d'une eau dormante.
Le Hasard l'accompagne, et l'Erreur la conduit:
De faux pas en faux pas, la Sottise la suit.

Древніе Гіероглифы Египетскіе, Скиѳскіе, и другихъ Азіятскихъ народовъ, были роды говорящихъ очамъ инословій; но судя по тому, что намъ извѣстно, меньше ясныя и меньше остроумныя, нежели Греческія басни, которыми новѣйшее наше стихотворство украсилось. Когда царь Персидскій Дарій Ій, въ походѣ своемъ противу Скиѳовъ, дерзновенно зашелъ въ пространныя ихъ пустыни, гдѣ онъ главную часть войскъ своихъ потерялъ, тогда Скифы прислали къ нему посла, которой, не сказавъ ни слова, отдалъ ему отъ нихъ, пять стрѣлъ, птицу, мышь, лягушку, и ушелъ отъ него. Вопрошаемо было, что значитъ сіе нѣкую загадку заключающее въ себѣ посольство? Одинъ Персіянинъ, знавшій свойство и языкъ сего народа, истолковалъ симъ образомъ ихъ дары: „ежели вы не умѣете летать по воздуху „какъ птицы, или прятаться въ норахъ какъ „мыши, или уходить въ воду какъ лягушки, „то вамъ не убѣжать отъ стрѣлъ Скифскихъ.“ Послѣ оказалось, что онъ угадалъ. Но Дарій истолковалъ иначе сію загадку, и

А. С. Хвостовъ, примѣтавъ къ важности подлинника шутливость, перевелъ сіи стихи слѣдующимъ образомъ:

Невѣжество, какъ мнятъ о томъ учены мужи,
Отъ лѣни родилось, безъ боли, подлѣ лужи,
Случаемъ повито, безпутствомъ вскормленò,
И въ матушки ему дурачество дано.

также довольно вѣроятно. Онъ утверждалъ, что это знакъ покорности Скифовъ, которые принесли ему дань живошными, отъ трехъ стихій питающимися, и повергли предъ нимъ свои оружія. Такое инословіе худо, которое, имѣя въ намѣреніи одинъ смыслъ, представляетъ ихъ два. По той же причинѣ краткія нравоучительныя басни, называемыя Апологами, которыя суть также родъ иносказаній, долженствуютъ имѣть смыслъ единственный и ясный. Во всемъ томъ, гдѣ мы хотимъ дать примѣтить покровенную истину, надлежитъ дѣлать такъ, чтобъ она не совсѣмъ скрыта была подъ симъ покрываломъ, но чтобъ приносила токмо удовольствіе быть видима сквозь оное. Личинѣ игрища пристойно быть похожей безъ исковерканья и юродливости, а покрывало инословія долженствуетъ быть хитро соткано, но прозрачно.

Извѣстенъ поступокъ гордаго Тарквинія, когда сынъ его, будучи полновластнымъ повелителемъ города Гобіи, прислалъ къ нему спросить, что ему дѣлать. Тарквиній, прогуливавшійся тогда въ саду своемъ, началъ бывшею у него въ рукахъ палкою сбивать головки съ маку, и отпустилъ посланнаго безъ всякаго другаго отвѣта: это было безмолвное инословіе. Сынъ, какъ должно злосердаго человѣка воспитаннику, понялъ

его, и нашелъ средство, погубя первосановныхъ Габіенцовъ, вручить городъ отцу.

Мы далеко уклонились отъ извитій красословія; но всѣ сіи различныя сказанія служатъ доказательствомъ, что начала искуствъ покорены тому же умословію и томужъ закону соотвѣтствій, которымъ объясняются дѣйствія человѣческія, и открываются побудительныя ихъ причины. Сего-то ради наука краснорѣчія глубокомысленнаго Аристотеля, которой писалъ для людей, уже довольно въ словесности обращавшихся, а не для учениковъ, есть отчасти нравоучительное разсужденіе.

Насмѣшка, *опущеніе*, суть имена извѣстныхъ, употребляемыхъ въ наукѣ краснорѣчія извитій. Насмѣшка сливается понятіемъ своимъ съ другимъ извитіемъ, именуемымъ противоположною насмѣшкою, поелику оно всегда старается дать разумѣть противное подъ тѣмъ, что говоритъ. Оно смотря по обстоятельствамъ, равно приличествуетъ шуткѣ, гнѣву и презрѣнію; а потому сіи двѣ послѣднія страсти могутъ вводить оное въ важный слогъ, и въ самыя высокія содержанія, но рѣдко; ибо надлежитъ остерегаться, чтобъ не дать почувствовать смежность онаго съ издѣвкою. Насмѣшка есть иногда самое крайнее средство омерзенія и отчаянія, когда важное изреченіе

кажется для нихъ слабо; подобно тому, какъ въ великихъ печаляхъ, лишающихъ на нѣкоторое время разсудка, страшный хохотъ заступаетъ иногда мѣсто слезъ не могущихъ течь. Таковы суть сіи удивительныя слова Ореста въ Андромахѣ, когда по убіеніи Пирра въ угодность Герміонѣ, увѣдомляется онъ, что она не могла перенести смерть его, и саму себя убила.

Благодарю тебя, небо! мое нещастіе превзошло мою надежду.
Да! благодарю тебя, благодарю за твою непреклонность, и проч. *).

Онъ оканчиваетъ симъ страшнымъ стихомъ:

Ну! все теперь свершилось, я доволенъ **).

Сіе слово, *я доволенъ*, въ положеніи Ореста, есть верхъ отчаянія, и тѣ, которые вспомнятъ, какъ неподражаемый Лекень, имѣя уста дрожащія, зубы стиснутыя, съ адскою усмѣшкою произносилъ сей стихъ, удобно себѣ вообразятъ, что такое трагедія, когда душа лицедѣя можетъ чувствовать подобно душѣ стихотворца.

Опущеніе есть извитіе самое употребительнѣйшее въ обыкновенныхъ разговорахъ:

---

*) Grace au ciel, mon malheur passe mon espérance.
Oui, je te loue, ô ciel! de ta persévérance, &c.

**) Eh bien! je suis content, et mon sort est rempli.

оно состоитъ въ томъ, что одно или нѣсколько словъ выпускаются для сокращенія рѣчи, не отъемля ничего отъ ясности оной. Главная часть сего рода опущеній состоитъ въ рѣчахъ введенныхъ уже или принятыхъ; но тѣ, которыя научаетъ изобрѣтать искуство слога, дабы придать оному больше быстроты или силы, должны быть въ краснорѣчіи рѣже, чѣмъ въ стихотворствѣ. Извѣстно, что сіе послѣднее получило больше свободы, поелику въ немъ больше затрудненій, и сверхъ того вообще стихотворцу смѣлость приличнѣе, нежели краснослову. Можно еще примѣтить, что слогъ дѣеписателей способнѣе къ симъ сократительнымъ опущеніямъ, нежели слогъ красноглаголателей: первые предоставляютъ больше разсужденію, другіе отъ настоящаго мгновенія болѣе ожидаютъ дѣйствія.

Латинскіе писатели, употреблявшіе наиболѣе опущеній, суть Саллюстій и Тацитъ. Слогъ ихъ краткой, часто требующій дополненій, весьма различенъ отъ Цицеронова слога, и таковымъ быть долженъ. Кто хочетъ двигать сердцами, тому нужно наблюдать сладкогласіе, раждающееся отъ краткости рѣчи и благостройнаго словопаденія, яко сильное средство къ поколебанію народныхъ собраній; но два помянутые дѣеписателя хотѣли наипаче понудить чита-

теля къ размышленію, ибо краткость требуетъ вниманія.

Преувеличеніе, или то, что поднято выше правды, выше предѣловъ умѣренности, (по гречески гипербола), не меньше, какъ и опущеніе; употребительно въ простомъ языкѣ; но какъ уже мы привыкли приводить его въ настоящую мѣру, того ради ежечасное злоупотребленіе онаго не мѣшаетъ иногда щастливо пользоваться имъ даже и въ важномъ слогѣ, особливо въ такихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ разумъ нашъ возносится къ великимъ вещамъ, какъ-то въ одахъ и поэмахъ. Тогда, послику разгоряченному воображенію весьма естественно представлять себѣ вещи въ нѣкоторомъ увеличеніи, можно въ семъ родѣ употреблять оное по произволенію; но не должно предлагать уму, какъ токмо то, что онъ естественно вообразить можетъ; ибо стараться преувеличиваніе сдѣлать еще большимъ, есть тоже, что солить пересоленое. Справедливо похваляютъ сіи прекрасные стихи, которыми оканчевается изображеніе Варѳоломеева праздника и вторая пѣснь Генріяды:

И рѣкъ Французскихъ окровавленныя воды
Однихъ токмо мертвыхъ несутъ въ моря
устрашенныя *).

*) Et des fleuves français les eaux ensanglantées
Ne portaient que des morts aux mers épouvantées.

Мы знаемъ, что это не точная правда; но правда сама собою такъ здѣсь ужасна, что прибавка, сдѣланная стихотворцемъ, непримѣтна. Напротивъ того, когда Феофилъ удаленный въ полуденную Францію, говоритъ Королю Людовику XIII,

Меня увезли, далеко отъ твоей столицы,
Въ пустыню, гдѣ змѣи
Пьютъ проливаемыя мною слезы,
И изрыгаютъ изъ себя воздухъ, которымъ
я дышу *).

Тогда мы чувствуемъ, что преувеличеніе сіе, было бы даже и въ то время велико, когда бы онъ находился въ степяхъ Африканскихъ **).

---

*) On m'a mis, loin de votre empire,
Dans un désert où les serpens
Boivent les pleurs que je repands,
Et soufflent l'air que je respire.

**) Святый Іоаннъ оканчиваетъ благовѣствованіе свое самымъ огромнѣйшимъ преувеличеніемъ, какое токмо о дѣлахъ Христовыхъ сказано быть можетъ: *суть же и ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ.* Одно изъ лучшихъ преувеличеній находимъ мы въ стихахъ у Ломоносова, когда онъ изображаетъ силу исполинскую:

Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный Исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ
Презрѣвъ глубоко дно долинъ;
Вьетъ вихремъ воздухъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещатъ,
И слѣдомъ дерева лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли
И бурей ярость презирали.

Противуположное сему извитіе, называемое *преуменьшеніемъ*, состоитъ въ искуствѣ чрезъ ослабленіе выраженія давать чувствовать всю силу того, что сказать хочешь. Таковая хитрость скрывается въ словахъ Ифигеніи, когда она, по изъявленіи повиновенія къ волѣ отца своего, говоритъ ему:

Но естьли сіе почтеніе, сіе повиновеніе,
Достойно въ глазахъ твоихъ иной награды,
Естьли грусть рыдающей матери приводитъ тебя въ жалость,
Смѣю сказать, о родитель мой, что въ состояніи моемъ,
При стольких окружающихъ жизнь мою почестяхъ,
Не пожелала бы я лишиться оной *).

Въ старинныхъ нашихъ сказкахъ и пѣсняхъ извитіе сіе весьма часто употреблялось, какъ напримѣръ въ семъ расказѣ о нѣкоемъ богатырѣ: *вынимаетъ калену стрѣлу, хлеснетъ по дубу коренастому, дрогнетъ мать сыра земля.* Или въ пѣснѣ описующей смерть лебединую: *убилъ соколъ лебедь бѣлую, онъ кровь пустилъ по синю морю, онъ пухъ пустилъ по поднебесью.* Въ сочиненіяхъ пишущихся для забавы, извитіе сіе часто употребляется, когда, для возбужденія смѣха въ читателѣ, о самыхъ малыхъ вещахъ, говорится какъ бы о самыхъ великихъ:

Стукнуло, грянуло въ лѣсѣ,
Комаръ съ дубу свалился,
Упалъ онъ на коренище,
Сбилъ себѣ до кости плечище.

Италіянскія о рыцаряхъ стихотворныя повѣсти, Аріостова, Пульчіева, Фортегверрова, изобилуютъ подобными преувеличеніями.

*) Si pourtant ce respect, si cette obéissance
Parait digne à vos yeux d'une autre récompence,

Не пожелала бы! выраженіе весьма слабое; но самая скромность сія, послѣ обѣщанія повиноваться, даетъ сердцу отцовскому разумѣть гораздо больше, нежели она словами своими изъявляетъ. Подобнымъже образомъ Шимена (въ Корнеліевой трагедіи Сидъ) вся въ слезахъ сказала Родригу:

Поди, *я тебя не ненавижу* *).

Кто повѣритъ, что она его *только что не ненавидитъ!* Сія съ умомъ употребленная хитрость въ словахъ производитъ такоеже дѣйствіе, какое скромная и чувствительная женщина, потупляющая глаза, когда боится выраженія своихъ взоровъ.

Кромѣ извитій словъ, назначаемыхъ къ украшенію слога, наука краснорѣчія отличаетъ еще извитія мыслей, которыя не иное что суть, какъ виды, какіе страсть или искуство краснослововъ даетъ словосложенію рѣчи. Большая часть изъ оныхъ показываютъ токмо склонность учителей краснорѣчія называть пышными именами самыя простыя обороты рѣченій, по истолкованіи которыхъ хочется сказать: какъ?

Si d'une mere en pleurs vous plaignez les ennuis,
J'ose dire, seigneur, qu'en l'état où je suis,
Peut-être assez d'honneurs environnaient ma vie
Pour *ne pas souhaiter* qu'elle me fût ravie

*) Va, *je ne te hais point*.

и все тутъ! Нѣкоторыя изъ нихъ однакожъ производятъ подлинно великое дѣйствіе, и принадлежатъ къ истинному краснорѣчію. Таково есть *обращеніе* *): оное долженствуетъ состоять въ движеніи крѣпко поколебаннаго воображенія, или сильно растроганной души, какъ въ семъ Боссюэтовомъ восклицаніи: *мечь Господень! какой ударЪ совершилЪ ты! вся земля поражена удивленіемЪ* **) или въ сихъ Андромахиныхъ стихахъ:

Нѣтъ, мы уже не увидимъ васъ болѣе,
Священныя стѣны, которыхъ Гекторъ мой
сохранить не могъ ***).

*) Я при словахъ сихъ не ставлю болѣе соотвѣтствующихъ имъ Греческихъ словъ; по тому что сіи Рускія названія давно уже извѣстны и опредѣлены въ Риторикѣ Ломоносова и въ другихъ книгахъ. Мнѣ кажется полезнѣе чрезъ собственныя свои умствованія и опредѣленія утверждать, распространять и вкоренять въ умы смыслъ ихъ, нежели чрезъ ссылки на иностранныя названія, которыя также бы мало или ничего не значили, естьли бы трудолюбивые на тѣхъ языкахъ люди не сдѣлали ихъ знаменательными. Моліеръ неизвѣстное до него и само по себѣ ничего не значущее слово *тартюфъ* сдѣлалъ такъ извѣстнымъ, что и тотъ употребляетъ оное въ настоящемъ смыслѣ, кто не знаетъ его комедіи. Не умѣй онъ такъ хорошо вывесть свойство названнаго симъ именемъ лицемѣра, никто не зналъ бы сего названія. Знаменованіе словъ опредѣляется внятнымъ истолкованіемъ оныхъ. Объяснять свое слово помощію чужаго подобно тому, какъ ходить на своихъ ногахъ пособіемъ чужихъ рукъ, то есть, какъ ходятъ дѣти, на помочахъ.

**) Glaive du seigneur! quel coup vous venez de frapper! toute la terre en est étonnée.

***) Non, nous n'ésperons plus de vous revoir encor,
Sacrés murs, que n'a pu conserver mon Hector.

Тотчасъ почувствовать можно, что сіе обращеніе къ стѣнамъ Троянскимъ есть весьма естественный гласъ печали и сожалѣнія, и таковыя-то извитія бываютъ хороши и у мѣста *).

Займословіе **), то есть вѣщаніе отъ лица мертваго, или отъ бездушной вещи, употребляется гораздо рѣже. Чѣмъ смѣлѣе сіе извитіе, тѣмъ лучше. Флешьеръ весьма пристойно помѣстилъ оное въ надгробномъ словѣ на Монтасьера: „дерзну ли я рѣчь „мою украсить вымысломъ и ложью? гробъ „сей отворится, кости сіи соединятся и „возставъ скажутъ мнѣ: почто ты лжешь „за меня, не умѣвшаго ни за кого лгать? не „воздавай мнѣ чести мною не заслуженной, „мнѣ, которой кромѣ истиннаго достоин„ства никому ее не воздавалъ. Оставь меня „покоиться въ нѣдрахъ правды, и не воз-

*) Въ концѣ похвальнаго слова ПЕТРУ Великому, Ломоносовъ прекрасное дѣлаетъ къ нему обращеніе: „а ты великая „душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ по„мрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ „наслѣдникъ; правнукъ по желанію нашему родился; мы „тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; „ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прослав„лены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе „приношеніе; твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!“

**) Ломоносовъ назвалъ сіе извитіе заимословіемъ, потому что въ немъ одно лице говоритъ за другое, часто бездушное, такъ какъ бы сіе лице, говорящее за того, кто молчитъ, слова свои отъ него заимствовало.

„мущай мирной тишины моей гнусною ле-„стію *).“

Задержаніе и *прехожденіе* часто употребляются въ краснорѣчіи и стихотворствѣ, и когда хорошо помѣщены бываютъ, то имѣютъ великую силу. Задержаніе состоитъ въ предуготовленіи къ тому, что сказать хочешь, въ предвозвѣщеніи онаго изъ далека, дабы принудить умъ съ вящшимъ вниманіемъ на томъ остановиться. Ясно, что сказуемая вещь должна быть того достойна, иначе хитрость сія обратится во вредъ тому, кто такъ не искусно употребилъ оную. Но когда ты увѣренъ, что изрѣченіе твое долженствуетъ быть удачно, то искуство задержанія онаго безсомнѣнія силу его увеличитъ. Красноглаголатель уподобляется тогда бойцу, подъемлющему высоко мечъ свой, дабы ударъ казался ужаснѣе; или подобенъ скакуну, которой отходитъ далече, чтобъ разбѣжавшися быстрѣе скокнуть. Великій Корнелій умѣлъ весьма хорошо воспользоваться симъ

---

*) Oserai-je, dans ce discours, employer la fiction et le mensonge? ce tombeau s'ouvrirait, ces ossemens se rejoindraient pour me dire: pourquoi viens-tu mentir pour moi, qui ne mentis jamais pour personne? ne me rends pas un honneur que je n'ai pas mérité, à moi qui n'en ai voulu rendre qu'au vrai mérite. Laisse moi reposer dans le sein de la vérité, et ne viens pas troubler ma paix par la flatterie que je haïe.

словоизвитіемъ въ безсмертномъ явленіи Августа съ Цинною, когда по исчисленіи благодѣяній своихъ Государь сей продолжаетъ тако:

Ты помнишь то, Цинна: толикая честь и слава
Не могутъ такъ скоро выдти изъ памяти твоей.
Но, чего бы никто вообразить себѣ не могъ,
Цинна, ты помнишь то, и хочешь меня убить *).

Естьли бы, оставя первые три, онъ сказалъ только послѣдній стихъ, котораго для смысла довольно, дѣйствіе было бы гораздо меньше. Но задержаніе толико увеличиваетъ оное, что въ то время, когда мы слышимъ послѣднее полустишіе, почти не возможно удержаться, чтобъ вмѣстѣ съ Цинною не вскрикнуть отъ ужаса **).

---

*) Tu t'en souviens, Cinna: tant d'heur et tant de gloire
Ne peuvent pas sitôt sortir de ta mémoire.
Mais ce qui ne pourrait jamais s'imaginer,
Cinna, tu t'en souviens, et veux m'assassiner.

**) Въ Синавѣ и Труворѣ, Сумарокова трагедіи, находимъ мы прекрасный примѣръ сего словоизвитія. Пылающій любовію Синавъ, видя несклонность Ильмениру, въ безмѣрной горести прибѣгаетъ къ брату своему Трувору, не ожидая найти въ немъ соперника, и съ откровенностію вопрошаетъ его, не знаетъ ли онъ, кто похищаетъ у него всѣ сладкія его надежды? потомъ, какъ бы почувствовавъ вопросъ сей оскорбляющимъ дружбу брата, прервавъ оный, говоритъ: „Ахъ нѣтъ когда бы ты узналъ о семъ, ты бъ видя какъ мой духъ страдаетъ, давно указалъ, въ чью грудь долженъ я вонзить сей острый мечъ." Труворъ приведенный сими словами въ необходимость, или малодушнымъ образомъ притворствовать предъ царемъ и братомъ,

Прехожденіе есть другой родъ искуства: оный состоитъ въ образѣ отрицательнаго рѣченія, показующаго будто мы преходимъ молчаніемъ, или не хотимъ говорить о томъ, о чемъ дѣйствительно говоримъ. *Я не скажу вамъ, я не хочу вамъ напоминать, я не буду вамъ упрекать за то и за то, однакожъ* .... и проч. Тогда уже одно только предложеніе положительно утверждается. Сіе извитіе

или вывесть его изъ жестокаго невѣденія, избираетъ послѣднее, и сими словами тайну сердца своего открываетъ:

Лишенный вольности, надежды и покою,
Пролей, о Государь, кровь винну предъ тобою;
Свирѣпствуй, варварствуй, и устремляйся въ месть,
Коль можешь острый мечъ на друга ты вознесть;
Вонзай оружіе, сражай его безсловна:
Вотъ грудь, которая передъ тобой виновна!

Здѣсь также, естьли бы пять первыхъ стиховъ оставить, то для смысла довольно бы было одного послѣдняго стиха; но онъ далеко не имѣлъ бы той силы, не произвелъ бы того дѣйствія, какое искуственное пріуготовленіе или задержаніе сообщаетъ оному. Разсмотримъ обстоятельства силу его увеличивающія. Синавъ не знаетъ братней тайны. Зритель о ней предувѣдомленъ. Открытіе оной для Синава есть громовый ударъ; для Трувора начало всѣхъ его бѣдствій. Однакоже послѣ дружескихъ къ нему ласкъ, и угрозъ братнихъ мнимому сопернику, долженъ онъ избрать одно изъ двухъ, или открыть ему зловредное таинство, или сокрывъ оное показать робость духа и несвойственное чувствамъ своимъ малодушіе. Вотъ расположеніе, рождающее въ зрителѣ безпокойное любопытство узнать, что скажетъ Труворъ, и что сдѣлаетъ Синавъ? Стихотворецъ сотворя умомъ своимъ сіе искусное расположеніе пользуется имъ: онъ влагаетъ въ уста Труворовы рѣчь, въ началѣ которыя не говоритъ ничего яснаго, но только возбуждаетъ, умножаетъ постепенно вниманіе

приносишъ двоякую пользу: оно ни мало не уменьшаетъ достоинства того, о чемъ мы будто мимоходомъ говоримъ, и придаетъ много силы тому, къ чему рѣчь наша клонится, какъ то изъ примѣровъ можно будетъ яснѣе увидѣть. Альзира принуждена признаться Замору, что она совокупилась бракомъ съ Гюсманомъ, и что оставя законъ свой сдѣлалась христіянкою. Она такъ

зрителя, вводитъ его въ нетерпѣливость услышать последнее слово, которое тѣмъ сильнѣе долженствуетъ поразить его, чѣмъ больше воспалено въ немъ было любопытство узнать оное. При первыхъ двухъ стихахъ.

Лишенный вольности, надежды и покою,
Пролей, о государь, кровь винну предъ тобою;

Синавъ получаетъ первое подозрѣніе, что братъ его извѣстенъ о нещастной тайнѣ, и хочетъ ему открыть оную: Зрителю тайна сія уже извѣстна, но онъ не знаетъ откроетъ ли ее Труворъ. Безпокойство его тѣмъ болѣе умножается, что онъ видитъ Ильмену и Трувора въ опасности, и сожалѣетъ о нихъ. Вторые два стиха,

Свирѣпствуй, варварствуй и устремляйся въ месть,
Коль можешь острый мечъ *на друга* ты вознесть,

возвышаютъ еще болѣе нетерпѣливость въ Синавѣ и любопытство въ зрителѣ. Слово *на друга* поражаетъ Синава не ожидаемымъ извѣстіемъ, однако не разрѣшаетъ еще вовся его сомнѣнія. Естьли бы Труворъ сказалъ *на брата*, тогда бы все прежде времени было ясно, и послѣднее изрѣченіе потеряло бы силу свою. Но стихотворецъ нарочно и весьма искусно избѣжалъ сего слова, дабы не прерывать задержанія, и не прежде, какъ послѣ сего сильнаго стиха,

Вонзай оружіе, сражай его безсловна,

совершитъ ударъ свой, сказать послѣдній, рѣшительный, ужасный стихъ:

Вотъ грудь, которая передъ тобой виновна!

много любитъ, что не ищетъ оправдаться, однакожъ не хочетъ, чтобъ любовникъ ея не вѣдалъ того, что къ извиненію ея служить можетъ. Она не говоритъ ему: ,,войди въ мое состояніе: я почитала тебя мертвымъ; отецъ приказалъ мнѣ; я принесла себя въ жертву спасенію отечества." Все это совершенная правда, но совсѣмъ тѣмъ была бы правда сія весьма холодна въ устахъ любовницы. Итакъ должно, чтобъ она оправдалась, отнюдь не показывая желанія оправдаться. Сіе-то называется прехожденіемъ.

Я къ уменьшенію преступленія моего *могла бы тебѣ представить*
Законную надо мною отца моего власть,
Заблужденіе наше, мою печаль, мое сопротивленіе,
Слезы три года проливаемыя мною о твоей смерти,
И то, что горесть о твоей погибели нещастную меня,
Побѣдоносныхъ Христіянъ невольницу, предала ихъ Богу;
Что я не преставала тебя любить, что сердце мое удрученное
Возненавидѣло боговъ твоихъ, защитить тебя не могшихъ.
Но я не ищу, не хочу никакихъ извиненій;
Нѣтъ мнѣ оправданія, когда любовь меня винитъ.
Ты живъ: сего довольно: я нарушила вѣрность:
Прерви плачевную жизнь мою, когда я не для тебя живу, и проч. *).

---

*) *Je pourrais t'alleguer* pour affaiblir mon crime
De mon pere sur moi le pouvoir légitime,

Вотъ настоящее краснорѣчіе, которое всегда не иное что есть, какъ истинныхъ чувствованій истинное выраженіе. Безспорно, что лучшихъ причинъ не возможно привести; однакожъ онѣ потому только хороши въ глазахъ Замора, что сама она, съ тѣхъ поръ какъ его увидѣла, находитъ ихъ недостаточными. Сего ради на слова ея тотчасъ послѣ сего сказанныя:

Какъ! глаза твои безъ гнѣва на меня взираютъ *)!

Отвѣтствуетъ онъ, какъ бы и всякой на его мѣстѣ отвѣтствовалъ:

Нѣтъ, когда я любимъ, нѣтъ, ты невиновна **).

Конечно, не для того, что сей образъ рѣчи называется прехожденіемъ, мѣсто сіе такъ прекрасно; однакожъ не безполезно, чтобъ въ наукѣ краснорѣчія объяснено было искуство сего словоизвитія: оное служитъ напоминаніемъ употреблять его гдѣ нужно, и

L'erreur où nous étions, mes regrets, mes combats,
Les pleurs que j'ai trois ans donnés à ton trepas;
Que des chrétiens vainqueurs esclave infortunée,
La douleur de ta perte à leur dieu m'a donnée;
Que je t'aimai toujours, que mon cœur éperdu
A détesté tes dieux qui t'ont mal défendu.
Mais je ne cherche point, je ne veux point d'excuse;
Il n'en est point pour moi, lorsque l'amour m'accuse.
Tu vis: il me suffit: je t'ai manqué de foi:
Tranche mes jours affreux, qui ne sont plus pour toi, &c.

*) Quoi! tu ne me vois point d'un oeil impitoyable!

**) Non, si je suis aimé, non, tu n'est point coupable.

тѣ, которые прямо въ него войдутъ, будутъ умѣть пользоваться онымъ, особливо же полезно сіе для молодыхъ людей; ибо надобно, чтобъ уроки вспомоществовали слабости и заступали мѣсто опытности, надобно, чтобъ подражаніе способствовало дарованію и пролагало ему путь къ успѣхамъ.

Я приведу еще другой примѣръ прехожденія, взятый изъ второй пѣсни Генріяды, гдѣ Генрихъ IV повѣствуетъ Елисаветѣ о преисполненномъ ужаса днѣ Св. Варѳоломея.

Я не буду вамъ описывать смятенія и вопля,
Ни крови со всѣхъ сторонъ ліющейся въ Парижѣ,
Ни дѣтей на тѣлахъ отцевъ ихъ убіенныхъ,
Ни братій и сестръ, ни дщерей и матерей,
Ни супругъ умирающихъ въ горящихъ домахъ своихъ,
Ни младенцевъ изъ колыбели о камень раздробленныхъ:
Отъ ярости человѣческой чего ожидать не должно *)?

Что же будетъ слѣдовать за симъ, когда тотъ, кто сіе ужасное изображаетъ зрѣлище, кажется еще не удивляется оному! та-

*) *Je ne vous peindrai point* le tumulte et les cris,
Le sang de tous côtés ruisselant dans Paris,
Le fils assassiné sur le corps de son pere,
Le frere avec la sœur, la fille avec la mere,
Les époux expirans sous leurs toîts embrâsés,
Les enfans au berceau sur la pierre écrasés.
Des fureurs des humains c'est ce qu'on doit attendre.

кова есть хитрость прехожденія: не ослабляя страшнаго описанія сего, оно послѣдующимъ еще болѣе поражаетъ.

Но что для потомковъ нашихъ будетъ непостижимо,
Чему сама ты едва ли повѣришь можешь,
Сіи дышущія убійствомъ лютыя чудовища,
Ободряемыя гласомъ кровожаждущихъ монаховъ,
Призывая имя божіе пронзали своихъ братій,
И руками, кровію невинныхъ обагренными,
Дерзали приносить Богу сіи гнусныя жертвокуренія *).

Достойно также упомянуть здѣсь о *прерывѣ* или *умолчаніи*. Сіе извитіе заключаетъ въ себѣ великую хитрость; ибо не токмо то, чего сказать не хочешь, даетъ разумѣть, но часто еще и больше, нежели бы сказалъ. Таково есть оное въ сихъ Агриппининыхъ словахъ:

Я возвратила изъ ссылки, я призвала изъ войска,
И сего самаго Сенеку, и сего самаго Бурра,
Которые потомъ.... Римъ почиталъ тогда ихъ добродѣтели **).

---

*) Mais ce que l'avenir aura peine à comprendre,
Ce que vous-même encore à peine vous croirez;
Ces monstres furieux de carnage altérés,
Excités par la voix des prêtres sanguinaires,
Invoquaient le seigneur en égorgeant leurs freres,
Et le bras tout souillé du sang des innocens
Osaient offrir à Dieu cet exécrable encens.

**) J'appellai de l'exil, je tirai de l'armée
Et ce même Séneque, et ce même Burrhus,
Qui depuis.... Rome alors estimait leurs vertus.

Волтеръ подражая сему сказалъ въ Генріядѣ:

И Биронъ юный еще, пылкій, необузданный,
Который потомъ. . . . Но тогда былъ онъ
добродѣтеленъ *).

Подражаніе толь явственное, что можетъ почтено быть за нѣкоторой родъ кражи. Но Волтеръ такъ богатъ былъ собственнымъ умомъ своимъ, что не опасался заимствованіемъ быть обвинлемъ.

Другой примѣръ умолчанія еще лучше, для того что болѣе пришелся къ мѣсту. Арисія въ трагедіи Федрѣ говоритъ:

Брегися, Государь: непобѣдимая десница твоя
Освободила смертныхъ отъ неисчетнаго числа
чудовищъ;
Но не всѣ они истреблены: ты оставляешъ
живъ
Одно . . . . Сынъ твой, Государь, претитъ
мнѣ продолжать **).

Сей незапный прерывъ, сіе умолчаніе, должно было устрашить Тезея; почему и начинаетъ онъ отъ сей минуты сильно безпокоиться и укорять себя за поспѣшность.

Ненависть и злоба вызнали все, что можетъ умолчаніе, заставляя воображеніе

---

*) Et Biron jeune encore, ardent, impetueux,
Qui depuis . . . . mais alors il etait vertueux.

**) Prenez garde, Seigneur: vos invincibles mains
Ont de monstres sans nombre affranchi les humains.
Mais tous n'est pas detruit, et vous laissez vivre
Un. . . . . Votre fils, seigneur, me defend de poursuivre.

работать: чего ради нѣтъ у нихъ оружія острѣе, ни стрѣлъ ядовитѣе. Самая хитрѣйшая ухватка злости состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть удерживать свои удары, и наносить ихъ рукою другаго. По нещастію же сей способъ не труденъ; поелику ничего нѣтъ легче и обычайнѣе, какъ клеветать въ полъ-слова, и напротивъ ничего нѣтъ тяжелѣ, какъ опровергать сей родъ клеветы. Ибо какъ отвѣтствовать на то, что̀ не было сказано? угадать обвиненіе есть нѣкоторымъ образомъ признать, что оно не безъ основанія: и такъ остается одно только средство, торжественно не повѣрить клеветнику робкому и подлому, тогда невинность, видя главу во мракѣ скрывающуюся, подниметъ и возвыситъ свою главу.

Сего довольно о словоизвитіяхъ, изъ коихъ показалъ я главнѣйшія и болѣе извѣстныя. Я не слѣдовалъ шагъ за шагомъ Квинтиліяну: въ сей части, какъ и во многихъ другихъ, онъ яко учитель говоритъ ученикамъ, и намѣреніе его не есть мое. Я нарочно взялъ многіе примѣры изъ стихотворцевъ, дабы показать, что тѣжъ самыя извитія принадлежатъ какъ стихотворству, такъ и краснорѣчію; что сверхъ того мѣста̀ изъ стихотворцевъ скорѣе припомнить можно, всѣмъ вообще гораздо извѣстнѣе, долѣе остаются въ памяти, и что нако-

нецъ хорошіе стихи подобны мѣстамъ отдохновенія и покоя, гдѣ разумъ любитъ останавливаться идучи по тяжкому и колючему пути ученія.

Конецъ третіей части.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06739 5585

